LIFE FOR GOD

Проповедник и его образцы

Джеймс Сталкер

ИСКУССТВО ПРОПОВЕДИ

Полный русский перевод

1891

2026

LIFE FOR GOD

ХРИСТИАНСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Книги на русском и английском, аудиозаписи, духовные беседы и мастерская проповедника.

Веб-сайт

lifeforgod.church

Нажмите на адрес или отсканируйте QR-код камерой телефона.

Читать эту книгу онлайн

Об издании

Полный английский текст исторического издания 1919 года (первое издание — 1891) и новый русский перевод: предисловие, девять лекций, приложение и 67 авторских примечаний.

Русский перевод подготовлен священником Сергеем Кауди для Life for God.

Английский текст сверён с электронной транскрипцией издания Hodder & Stoughton, London, 1919, Project Gutenberg № 24311. Сохранены исторические вступительные материалы, полная заключительная молитва и все авторские примечания. Исторические утверждения и оценки принадлежат автору. Русский текст переведён заново непосредственно с английского; сокращений нет. Стихотворные цитаты переданы по смыслу без воспроизведения рифмы. Номера страниц оригинального набора, повторные шмуцтитулы и служебные материалы электронной транскрипции опущены; оглавление создаётся заново. Отдельное редакционное примечание 68 раскрывает смысловое исправление вероятной опечатки в русском переводе c3-p17; английское чтение оставлено без изменения.

Исторический английский оригинал находится в общественном достоянии в США. Новый русский перевод подготовлен для проекта Life for God; наличие английского оригинала в общественном достоянии само по себе не определяет режим прав на новый перевод.

Богословские суждения и исторические примеры принадлежат автору. Редакционные примечания обозначены отдельно. Номера абзацев введены для ссылок и сопоставления языков.

Читать на сайте Life for God →

Источники

Project Gutenberg, The Preacher and His Models, eBook 24311

Full English source HTML

Содержание

Об издании 2
Источники 2
Содержание 4
Исторический титул, эпиграф и посвящение 5
Письмо преподавателей Йельской богословской школы 6
Предисловие 7
Лекция I. Введение 8
Лекция II. Проповедник как человек Божий 26
Лекция III. Проповедник как патриот 45
Лекция IV. Проповедник как человек Слова 65
Лекция V. Проповедник как лжепророк 85
Лекция VI. Проповедник как человек 100
Лекция VII. Проповедник как христианин 120
Лекция VIII. Проповедник как апостол 136
Лекция IX. Проповедник как мыслитель 158
Приложение. Напутствие при рукоположении 176
Примечания 190

Исторический титул, эпиграф и посвящение

[1] Проповедник и его образцы

[2] Йельские лекции о проповеди, 1891 год

[3] Преподобный Джеймс Столкер, доктор богословия

[4] Автор книг «Образ Христов» (Imago Christi), «Жизнь Иисуса Христа», «Жизнь святого Павла» и других.

[5] Кто даёт говорить то, что следует, и так, как следует, если не Тот, в Чьей руке и мы, и наши речи?

[6] Святой Августин, «О христианском учении», IV, 15.

[7] Hodder & Stoughton. Лондон, 1919.

[8] Историческая отметка издания: Copyright, 1891, A. C. Armstrong & Son.

[9] Преподобному Александру Уайту, доктору богословия.

Письмо преподавателей Йельской богословской школы

[1] Богословская школа Йельского университета.
Нью-Хейвен, Коннектикут, 25 апреля 1891 года.

[2] Преподобному Джеймсу Столкеру, доктору богословия.
Глазго, Шотландия.

[3] Досточтимый и дорогой сэр!

[4] По завершении Ваших поучительных и вдохновляющих лекций в курсе Лаймана Бичера перед членами этой Богословской школы мы желаем выразить Вам удовлетворение, с которым их слушали, и рады знать, что благодаря их публикации в Соединённых Штатах и Великобритании удовольствие и пользу, полученные всеми нами от их произнесения, сможет разделить более широкий круг людей.

[5] Тимоти Дуайт, президент.

[6] Джордж Э. Дей, профессор древнееврейского языка.

[7] Сэмюэл Харрис, профессор систематического богословия.

[8] Джордж П. Фишер, профессор истории Церкви.

[9] Льюис О. Брастоу, профессор практического богословия.

[10] Джордж Б. Стивенс, профессор критики и толкования Нового Завета.

[11] Фрэнк К. Портер, преподаватель библейского богословия.

Предисловие

[1] Эти девять лекций о проповеди были прочитаны весной нынешнего года студентам богословия Йельского университета в рамках фонда Лаймана Бичера. С любезного согласия сената Йеля пять из них были повторены для студентов Уэслианского университета Огайо в Делавэре, штат Огайо, в рамках фонда Меррика.

[2] В приложении воспроизводится напутствие при рукоположении, которое я написал, пробыв в служении всего четыре или пять лет, и которое меня просили переиздать. Мой друг, преподобный доктор Уокер, присутствовавший при его произнесении, опубликовал его в «Семейной сокровищнице»; другой друг, заметив его там, за свой счёт напечатал его отдельной брошюрой и разослал всем служителям Церкви, к которой принадлежим и он, и я. Это был очень характерный для него поступок; в память о нём я осмелился посвятить ему этот том. Однако делаю это не только по этой причине, но и потому, что в нашем поколении никто не сделал больше него для развития проповеди в родной стране — примером собственного впечатляющего служения и щедрым ободрением молодых служителей.

[3] Я обязан благодарностью преподобному Чарльзу Шоу, который и в этот раз, как и прежде, любезно помогал мне вычитывать корректуру.

[4] Глазго, 1 октября 1891 года.

Лекция I. Введение

[1] Господа, невозможно начать этот курс лекций, не выразив благодарности богословскому факультету вашего университета за высокую честь, оказанную мне приглашением занять это место. Когда я просматриваю список своих предшественников и вижу в нём имена епископа Симпсона, Генри Уорда Бичера, доктора Джона Холла, доктора У. М. Тейлора, доктора Филлипса Брукса, доктора А. Дж. Ф. Берендса и доктора Дейла — называю лишь тех, кем этот список начинается, — то невольно чувствую, что эта честь, пожалуй, превосходит то, на что я вправе был согласиться; и мне остаётся пожелать, чтобы проповедь старой страны представлял здесь кто-нибудь из множества служителей, которые сумели бы сделать это достойнее меня. Я буду говорить с вами отнюдь не с сознанием достигнутого совершенства: мне всегда кажется, что я только начинаю учиться своему делу; и самое большее, на что хватает моей уверенности, — верить, что в следующий раз я буду проповедовать хорошо. Впрочем, возможно, есть свои преимущества в том, чтобы послушать человека, ещё не слишком далеко отошедшего от трудностей, с которыми вскоре предстоит бороться вам самим. А острота, с какой я ощущал эти трудности, быть может, заставила меня размышлять о средствах их преодоления больше, чем тех, кому путь к совершенству давался легче.

[2] Я горячо разделяю чувства, побудившие факультет во второй раз обратиться за лектором по ту сторону Атлантики, и ту широту взглядов, с которой он привык выходить за пределы собственной деноминации, приглашая лекторов из всех евангельских церквей. Я

впервые ступил на ваш материк, но давно питаю тёплое восхищение американским народом и твёрдую веру в его будущее. Поэтому я рад возможности хотя бы в какой-то мере засвидетельствовать единство, лежащее в основе многообразия наших евангельских общений, и показать, насколько велико то, в чём мы согласны, по сравнению с тем, в чём расходимся.

[3] Назначение этих лекций, если я верно его понял, состоит в следующем: люди, уже вышедшие в море практической жизни, ощущающие силу и напор ветров и течений своего времени и потому в известной мере смотрящие на вещи иначе, чем студенты или профессора, должны прийти и рассказать вам, пока ещё стоящим на твёрдой земле университетской жизни, но вскоре также отправляющимся в ту же стихию, каково там, в открытом море.

[4] Что ж, разница весьма значительна.

[5] Согласно профессорскому представлению об университетской жизни, здесь развивают способности и собирают средства, которыми впоследствии предстоит вести жизненные битвы и одерживать победы. И в этом представлении, несомненно, много истины. Всё приобретённое в аудитории окажется полезным в будущем; сожалеть вы будете лишь о том, что ваши познания недостаточно обширны и основательны. Умственная гимнастика учёбы придаёт гибкость способностям, которые впоследствии станут необходимы. И всё же среди ваших занятий — без малейшего умаления их ценности — найдётся место для вести, приходящей непосредственно из жизни: она напомнит, что на ожидающем вас поприще может потребоваться больше, чем способен дать университет, и что силы, от которых

зависит успех практической деятельности, могут несколько отличаться от тех, которые наиболее полезны на вашем нынешнем этапе.

6 Среди людей можно наблюдать два отчётливо различающихся типа ума, которые назовём воспринимающим и творческим. Воспринимающий ум способен во всей полноте усваивать то, что сообщают ему другие. Он отделяет приобретённые сведения друг от друга и раскладывает их по ячейкам памяти. Затем, по мере надобности, он может вновь извлекать их оттуда и даже искусно и легко производить над своим материалом то, что можно назвать перестановками и сочетаниями. Творческий ум, напротив, порой вовсе не склонен воспринимать то, что в него стараются вложить. Вместо открытого вместительного сосуда для хранения вещей он может оказаться сосудом неудобной формы, который иногда и открыть-то трудно. И содержимое не льётся из него ровной струёй, как вода из кувшина: оно скорее вырывается вспышками, словно искры из-под молота на наковальне. Такой ум не столько владеет своим знанием, сколько сам захвачен им; сообщая его, он горит, и его огонь передаётся другим.

7 Первый тип ума полезен в университете, но проповедника создаёт второй. Правда, кое-где встречаются удивительные профессора, которые придают признакам творческого ума больше значения и ставят за них более высокие оценки, чем за достижения ума воспринимающего. Но немногие способны устоять перед обаянием ясного, правильного и обильного воспроизведения того, что они сами преподали. Да, как правило, они и не имели бы права поступать иначе: первые проявления оригинальности нередко бывают

незрелыми и раздражающими, а впоследствии могут вовсе сойти на нет. Творческий ум часто созревает медленно; он подобен семенам, которым требуется не один сезон, чтобы зацвести. Но на выставке цветов было бы несправедливо отказать в награде цветку, уже распустившемуся, и сберечь её для того, который, возможно, зацветёт в будущем году.

8 Из студентов, учившихся вместе со мной, двое, впоследствии добившиеся наибольшего успеха, тогда отнюдь не казались предназначенными для первых мест. Их считали способными, но особенным трудолюбием они не отличались и держались в стороне от университетских интересов, чем вызывали раздражение. Однако у одного с тех пор раскрылась замечательная самобытность, которая, несомненно, уже тогда складывалась в глубине его души; а другой, едва вступив на кафедру, обнаружил способность завораживать умы людей. В обоих жила искра природного огня; и именно это достояние затмевает все остальные, когда университет остаётся позади и начинается практическая жизнь.[1]

9 Но если взгляд с точки зрения практической жизни отличается даже от профессорского, то ещё сильнее он отличается от студенческого; и это вновь оправдывает появление вести из внешнего мира. Разницу можно выразить по-разному, но, пожалуй, лучше всего сказать так: вы пока находитесь среди критикующих, а мы — среди критикуемых.

10 В истории почти всякого незаурядного ума наступает эпоха критики. Молодая душа, начиная наблюдать, обнаруживает, что вокруг не всё так, как должно быть, и что мир далеко не столь совершенен, как можно было естественно ожидать или как его прежде изображали.

Критическая способность пробуждается и, однажды вкусив крови, бросается судить всех и вся с беспощадной ловкостью. На этом этапе мы согласны с Карлейлем, что человечество состоит преимущественно из глупцов, и объявляем старым ретроградом всякого человека старше сорока пяти лет, которому случилось не разделять наших мнений. В эту пору мы уверены, что, стоит нам пожелать, мы в одиночку и без труда выполним задачи, над которыми напрасно бились поколения. Только пока что мы сами не расположены связывать себя каким-либо вероучением или вступать в защиту какого-либо дела, поскольку заняты созерцанием их всех.

11 Я говорю, что такой период встречается в истории всякого способного человека; но у студентов, благодаря их особенным возможностям, его признаки обычно выражены чрезвычайно сильно. Студенты обладают признанной вольностью критиковать. Что за жизнь была бы у профессоров, знай они всё, что говорится о них ежедневно! Я часто думаю, что три четверти всех преподавателей страны в одно прекрасное утро одновременно и добровольно исчезли бы со сцены. Разумеется, служители тоже не избегают этой участи; церковные сановники и церковные суды уже вовсе не подлежат оправданию; да и вообще всякие начальства и власти подпадают под тот же приговор.

12 Вот восхитительная привилегия вашего нынешнего положения. Но, господа, как только университетские ворота останутся позади, вам придётся покинуть ряды критикующих и занять место среди критикуемых. Иными словами, вам предстоит встать с мягких скамей, на которых зрители наслаждаются представлением, и выйти на арену к гладиаторам. Бинокли всей общины обратятся

на вас, и пятьсот или тысяча человек получат право дважды или трижды в неделю высказывать мнение о ваших выступлениях. Вам придётся подставить плечо под огромную тяжесть церковной деятельности и стараться идти в ногу с несколькими тысячами других людей, несущих её вместе с вами; а упрёки общества и печати в неловкости всей этой команды и в том, что ковчег качается, обрушатся на вас вместе с остальными.

13 Если говорить серьёзно, разница огромна. Критика, какой бы блестящей она ни была, — дело сравнительно лёгкое. Великолепно критиковать величайшие дела легче, чем хотя бы сносно выполнять малые. Даже краткое знакомство с практической жизнью внушает большое уважение к людям, которых прежде мы не сочли бы особенно блестящими, и к труду, который назвали бы весьма несовершенным. У Лукреция есть известное место о радости моряка, выбравшегося на сушу и видящего, как его товарищи, потерпевшие кораблекрушение, ещё борются с волнами. Это чувство слишком языческое; но признаюсь, нечто подобное я иногда испытывал, наблюдая, как человек, отличавшийся остротой суждений, пока стоял на твёрдой почве критики, внезапно попадал в бездонное море действительности и, впервые борясь с волнами и глотая солёную воду, усваивал разницу между намерением и исполнением.

14 Но не думайте, будто я убеждаю вас отказаться от критики. Напротив, она естественна для того этапа, на котором вы находитесь; и, вероятно, те, кто теперь отдаётся ей наиболее энергично, успешнее исполнят и задачи последующих этапов. Мир получает от критики немало пользы. Он весьма несовершенен; ни одно поколение не выполняет своей работы так хорошо, как

следовало бы, и следующее поколение имеет бесспорное право обнаруживать его недостатки: в этом единственная возможность улучшения. Есть нечто внушающее благоговение в первом взгляде молодых людей на мир, в котором они оказались. Этот взгляд так ясен и беспристрастен; они так мгновенно различают правое и неправое, благородное и низменное и так прямо высказывают увиденное. С годами мы незаметно приучаем себя смотреть не прямо, а если и видим — молчать. Первый открытый взгляд молодых глаз на состояние мира — одна из главных обновляющих сил человечества.

15 Поэтому, во всяком случае для начала, я скорее встану на вашу точку зрения, чем попрошу вас принять мою. И действительно: хотя я уже некоторое время нахожусь среди критикуемых и сочувствую людям практического труда, моё ощущение того, как несовершенно ведётся работа и как мало наши усилия соответствуют величию задачи, становится не слабее, а сильнее. Именно с этой точки зрения я намерен подойти к нашему предмету. Я буду пользоваться хорошо знакомыми мне фактами из жизни собственной страны; но не думаю, что ваше положение существенно отличается. Пока я буду говорить, вам нетрудно будет внести в картину поправки, соответствующие вашим обстоятельствам.

16 В нынешнем столетии средства для выполнения этой работы, несомненно, умножились беспримерно. Так сказать, усовершенствовалась машина религии. Население быстро растёт, но число церквей увеличивается по меньшей мере вдвое быстрее. Даже в таком большом городе, как Глазго, у нас приходится одна протестантская церковь на каждые две тысячи

жителей.[2] А внутри самих церквей рост числа направлений деятельности ещё удивительнее. Прежде служитель делал почти всё сам, причём работа сводилась главным образом к двум воскресным богослужениям и посещению членов общины; пресвитеры немного помогали ему в финансовых вопросах и некоторых других делах, преимущественно хозяйственных. Теперь же всякая община — настоящий улей христианской деятельности. В большой общине число работников исчисляется сотнями. Действуют всевозможные благотворительные и религиозные учреждения. К церковному зданию пристраивают помещения воскресной школы и миссии; почти каждый день недели отведён какому-нибудь собранию.

17 Машина религии велика и сложна, и работников в ней столько, что они мешают друг другу; но совершается ли при всей этой кипучей деятельности само дело? Вот вопрос, заставляющий нас остановиться. Возросло ли практическое христианство соразмерно умножению учреждений? Стали ли перспективы религии настолько светлее прежних, насколько можно было ожидать после таких трудовых затрат? Углубляется ли христианство одновременно со своим распространением?

18 В Глазго, где число церквей по отношению к населению так велико, говорят о двухстах тысячах людей, не посещающих церковь, — то есть о трети жителей. А если вы придёте в одно из наших селений с двумя-тремя тысячами населения, то можете найти там три или четыре церкви разных деноминаций; однако и там, как правило, окажется немало людей, не посещающих ни одну из них. Недавно я слышал, как лондонский священник говорил: если в любое воскресное утро обойти

все общины Англиканской церкви в районе со ста пятьюдесятью тысячами жителей, где он служит, то во всех вместе не найдётся и одного присутствующего мужчины на каждую тысячу населения. Один из английских епископов недавно признал, что в Южном Лондоне его церковь не владеет положением; впрочем, ни одна другая деноминация тоже. Таким образом, при всех наших средствах нам не удалось даже поставить население в пределы слышимости Евангелия.

19 А что сказать о положении внутри церквей? Велика ли доля тех, кто принял Евангелие так, что оно явно изменило их сердца и подчинило себе их жизнь? Мы жестоко обманули бы себя, вообразив, будто подлинное христианство совпадает по своим границам с исповеданием христианства. Многие, носящие христианское имя, не имеют ни христианского опыта, ни христианского характера, но по духу и стремлениям остаются вполне мирскими. И даже там, где вера действительно укоренилась, часто ли её облик прекрасен и убедителен? Кто может без стыда думать о том, как долго церковь медлила хотя бы попытаться обратить язычников? Даже теперь жертвы ради этой цели смехотворно малы в сравнении как с величием задачи, так и с богатством христианского общества. Говорят, что ежегодные расходы Соединённого Королевства на спиртное в сто раз превышают расходы на зарубежные миссии.

20 Религия не пронизывает жизнь. Церковь — одно из крупных учреждений страны, и ей отводят положенное место. Но она существует обособленно от обыденной жизни, текущей рядом. Деловая деятельность, политика, литература, развлечения лишь слегка окрашены её

влиянием. Между тем призвание христианства — не занимать почётное место особняком, а заквашивать жизнь насквозь.

21 Порок процветает бок о бок с религией. Мы строим школу и церковь, а затем рядом с ними открываем питейный дом. Христианское общество имеет власть над этой торговлей, но позволяет ей продолжаться со всеми её невыразимыми ужасами. Тем самым оно последовательно разрушает собственный труд: новых жертв производят быстрее, чем успевают спасать прежних, и они занимают освободившиеся места. О ещё более унизительных пороках говорить нет нужды. Их распространённость повсюду слишком очевидна. Если в христианстве есть закон ясный и непреложный, то это закон чистоты. Но куда бы вы ни пошли в христианских странах, вы узнаете, что значительная часть их мужского населения обращается с этим законом так, будто его не существует. Правда в том, что, несмотря на крещение народов во имя Христа, язычество по-прежнему властвует над значительной частью их жизни; и едва ли будет преувеличением сказать, что миссия христианства всё ещё только начинается.

22 В каком направлении искать надежду? Мне кажется, в решении этой задачи нет фактора важнее, чем качество людей, занимающих служительскую должность. Нам нужны люди более сильные, более сосредоточенные на целях служения, более мудрые, а прежде всего — более готовые отдать жизнь своему призванию. Мы слишком робко и условно мыслим о своём поприще. Люди даже не стремятся к чему-либо большему, чем устроиться поудобнее и благопристойно исполнять обязанности. Нам нужны люди, проникшиеся всей проблемой в целом и

работающие над новыми формами деятельности, которых требует время. Наградами служения должны считаться самые трудные его посты. Если студент или молодой служитель обнаруживает подлинный дар, его естественной целью должно стать не высокооплачиваемое место в церкви Вест-Энда, а положение на переднем крае борьбы с грехом и несчастьем. Нигде великие строки Чапмена не применимы так полно, как в нашем призвании:

> [23] Дайте мне дух, что в бурном море жизни
> любит наполнять паруса могучим ветром,
> пока не задрожат реи, не затрещат мачты
> и увлечённый корабль не накренится так низко,
> что будет пить воду бортом, а килем пахать воздух.

[24] Я хорошо понимаю: людей такого склада нельзя изготовить по заказу. Как я уже говорил, в них должна быть искра природного огня, а сверх того на них должен сойти Дух Божий. И всё же мне подумалось, что достижению этой цели может помочь возвращение к истокам проповеди и изучение тех, в ком воплотился её первоначальный дух. Пожалуй, наше искомое лучше всего выразить так: нам нужно служение пророческое и апостольское. Поэтому я приглашаю вас изучать пророков и апостолов как наши образцы.

[25] Даже если мы не верим в апостольское преемство в церковно-иерархическом смысле, мы являемся преемниками апостолов в том смысле, что они исполняли служение, которое исполняем или надеемся исполнять мы, и показали, как следует выполнять его обязанности, так, что стали примером и вдохновением для всех последующих служителей. Воздух, которым они дышали, был ещё насыщен духом, внесённым в него Христом; Его

учение и общение с Ним сделали их великими; сила только что сошедшего Святого Духа пламенела в их сердцах; и они отправились на своё поприще с такой убеждённостью и таким владением своим делом, которым ничто не могло противостоять.

26 Один из них полнее всех воплотил дух той эпохи творческой энергии. Святой Павел, пожалуй, после Самого нашего Господа представляет наиболее полное воплощение служительской жизни во всех её сторонах, какое когда-либо видел мир. К счастью, он выразил этот дух не только в делах, но и в словах. Обстоятельства сделали его автором писем — самой автобиографической литературной формы. Друзья, такие как Тимофей и Тит, побуждали его подробно излагать убеждения, выработанные опытом всей жизни. Враги своими обвинениями вызывали ещё более пространные и сердечные признания о его чувствах и побуждениях. Святой Павел написал собственный портрет во весь рост, и в каждой его черте это портрет служителя. В его писаниях больше того, что касается самой сердцевины нашей служительской жизни, чем во всей остальной существующей литературе. Я хочу воспроизвести это непосредственно по источникам. Я не собираюсь пересказывать внешнюю жизнь святого Павла: её вы найдёте в сотнях книг. Но я желаю показать самую душу этого человека, как он сам открыл её нам в своих писаниях.

27 Если мы — преемники апостолов, то апостолы были преемниками пророков, которые сделали для ветхозаветной церкви то же, что апостолы — для новозаветной. Конечно, по внешнему облику и подробностям жизнь пророков значительно отличалась от

апостольской. По силе личности, разнообразию и блеску дарований они намного превосходили апостолов. Но цель у них была одна: приблизить Царство Божие, возвещая Божий замысел и волю и добиваясь их исполнения. Это и наша цель.

[28] Писания пророков очень трудны, а их эпоха известна широкому кругу читателей хуже любого другого периода библейской истории — как предшествующего ей, так и последующего. Но она начинает привлекать всё больше внимания, и в ближайшем будущем интерес к ней значительно возрастёт: люди начинают понимать, что именно здесь находится ключ ко всей ветхозаветной истории и литературе.[3] Особенно привлекают в последнее время внимание писания Исаии. Один за другим появляются комментарии к ним;[4] теперь читатель может довольно ясно видеть путь через запутанные, но чарующие лабиринты этих произведений. Пользуясь доступными мне пособиями, я старался через писания добраться до самого человека; и Исаию возьму как представителя пророческого духа, подобно тому как святой Павел будет представлять для нас апостолов. Но и здесь моя цель — не цель комментатора или биографа. Я хочу изобразить душу этого человека и дух его труда.

[29] Можно подумать, что, подходя к предмету таким образом, я упускаю возможность поговорить о современной практической работе. Но я так не считаю. Правда, есть некоторые подробности, почти неизменно обсуждаемые в лекциях о проповеди, которых мне не хочется касаться. Например, вопрос о произнесении проповеди: должен ли проповедник читать её, говорить по памяти или проповедовать без заранее написанного текста. Это можно обсуждать бесконечно, и обсуждение

всегда будет интересным; однако даже если вести его ежегодно на протяжении столетия, оно останется столь же далеко от окончательного решения. Кроме того, мой долг — помнить, какие темы уже исчерпывающе рассмотрели здесь мои предшественники. Сенат и сам указал мне на желательность нового подхода к предмету. Он любезно одобрил задуманный мной способ изложения; однако я выбираю его не из почтения к этим указаниям, а в соответствии с собственным складом ума. Думаю, мне удастся применить к нему весь практический опыт, которым я располагаю: я вполне сознаю, что ценность такого курса во многом зависит от того, является ли он от начала до конца тем, что в литературе называют исповедью, — то есть записью пережитого опыта. Хотя я обращаюсь к временам апостолов и пророков, оставаться там я не намерен. Я хочу принести оттуда огонь, который воспламенит ваши сердца перед лицом нынешнего мира и нынешних задач.

[30] Есть и другое возражение: возможно, оно уже пришло кому-то из вас в голову и, несомненно, возникло бы у многих по ходу лекций, если бы я его не предупредил. Можно сказать, что и апостолы, и пророки находились в настолько иных условиях, особенно благодаря дару богодухновенности, что не могут быть для нас образцами подражания. В ответ я вовсе не стану умалять их богодухновенность. Правда, трудно точно определить, чем их вдохновение отличалось от того, которое доступно и необходимо нам: ведь и мы в силе и успехе своего труда целиком зависим от того же Духа, Который говорил через них. Но, как бы трудно ни было провести границу, я принадлежу к тем, кто верит, что различие существует и что оно велико. Божий замысел и воля выражались через пророков и апостолов с непосредственностью и властью,

на которые мы не можем притязать. Однако это различие не делает подражание им невозможным. Даже если в некоторых или во многих отношениях они стоят выше нас, это не мешает нам с величайшей пользой подражать им в других. Несостоятельность возражения станет ясна сразу, если вспомнить, что великий образец служения — Сам наш Господь. В некоторых отношениях Он, конечно, гораздо дальше от нас, чем пророки или апостолы; и всё же Он близок нам как образец в каждой подробности нашего долга. Ни один способ раскрытия темы не был бы мне столь созвучен, как изображение Его в этом качестве. Но поскольку я уже пытался сделать это в другом сочинении, то выбрал объявленный теперь метод, убеждённый, что ближе всего к изучению того, как Христос исполнял обязанности служения, стоит изучение того, как исполняли их пророки и апостолы.

[31] Прежде чем закончить эту несколько разнородную вступительную лекцию, я хотел бы сказать ещё одно. Я не приехал бы читать вам лекции на эту тему, если бы не был твёрдо убеждён в силе проповеди. Если в сказанном до сих пор я словно бы умалял её результаты, то лишь потому, что мой идеал того, что кафедра должна и может совершать, столь высок.[5] Конечно, я не отделяю проповедь от остальных сторон жизни служителя: ведения богослужения, посещения общины, участия в более широкой общественной работе. По мере изложения вы увидите, что я не только не недооцениваю их, но считаю все их необходимыми даже для здоровой силы самой кафедры. И всё же центральное место в нашей работе занимает проповедь. Я верю в неё, потому что Сам Христос утвердил её Своим авторитетом. Прочитайте Его слова — и увидите: именно для этого Он посылал служителей Своего Царства. «Христос послал меня не

крестить, а благовествовать», — говорит святой Павел. Думаю, этим он не отвергает крещения, а ставит его и все прочие обряды на подобающее им место, подчинённое проповеди Слова.

32 Сегодня евангельские, и особенно свободные, церкви часто обвиняют в том, что они отводят проповеди слишком заметное место в общественном богослужении; нам советуют уступить центральное место чему-то другому. Например, нас спрашивают: не следует ли приучать людей приходить в церковь, чтобы говорить с Богом, а не слушать человеческую речь? Это звучит благочестиво, но содержит ошибку. Проповедь — не просто речь человека. Если бы это было так, ради неё действительно не стоило бы идти в церковь. Подлинная проповедь — голос Бога. Мы решаемся сказать это, вполне сознавая её несовершенства. Даже в лучшей проповеди велик человеческий элемент, окружённый слабостями; и всё же всякая настоящая проповедь несёт весть с небес. Хорошо, когда люди идут в церковь, чтобы говорить с Богом; но ещё лучше — когда идут, чтобы Он говорил с ними. И там, где сердце действительно слышит Божий голос, не будет недоставать ответного движения сердца в остальных частях богослужения. Именно принятие Божией вести о даровой благодати и искупительной любви рождает подлинное служение хвалы и молитвы; без этого церковная служба — бездушная обрядность.[6]

33 В наше время проповедь нередко подвергается уничижению и с другой стороны. Говорят, будто печатный станок вытеснил проповедника и будет вытеснять его всё больше. Прежде, когда люди не умели читать, а литература предназначалась лишь учёным,

кафедра была силой, поскольку только она доставляла народу идеи; теперь же у простого человека есть другие средства: книги, журналы, газета — и он может обойтись без проповедника. На это можно ответить, что не одна только проповедь приводит людей в церковь. Там, где двое или трое собираются вместе, возникают духовные и общественные воздействия, отвечающие глубоким и постоянным потребностям человеческой природы. Но существует и более прямой, решающий ответ. Умножение печатной продукции и распространение среди народа умения читать, несомненно, относятся к самым удивительным, а я без колебаний добавлю — и самым отрадным явлениям современности. Но что означают они для подавляющего большинства? До наступления века печати люди знали лишь новости и пересуды своего городка, и этим были поглощены их мысли и разговоры. Теперь каждое утро они узнают новости тысячи городов от Китая до Перу. Для современного человека мир стал несравненно обширнее и интереснее, чем для его предшественников; сведения о нём накапливаются в уме в ошеломляющем количестве и головокружительном разнообразии. Но разве от этого проповедь становится менее нужной? Напротив, она становится гораздо нужнее. Человек больше, чем его отцы, нуждается в сверхчувственных началах, которые придают порядок и смысл чувственно воспринимаемым фактам. Чем больше и удивительнее становится мир, тем настойчивее встаёт вопрос о породившей его причине; и чем многочисленнее действующие лица, за которыми зрители должны следить на театре истории, тем необходимее знание замысла драмы. Если кафедре есть что подлинно сказать о Том, Чья мысль — основание всякого бытия и Чья любящая воля объясняет боль и тайну жизни, то чем образованнее

и пытливее будет становиться человеческий ум, тем необходимее будет ощущаться голос кафедры. И действительный упадок её силы может происходить лишь либо по вине самих проповедников, когда они, утратив связь с тайнами откровения, опускаются до уровня торговцев преходящими мнениями, либо вследствие такого обмеления общественного сознания, которое сделает его неспособным серьёзно интересоваться глубинными вопросами бытия.

Лекция II. Проповедник как человек Божий

[1] Согласно плану, объявленному вчера, в следующих четырёх лекциях я обращу ваше внимание на ветхозаветных пророков как на образцы для современных проповедников. Сегодняшняя особая тема — проповедник как человек Божий.

[2] Для серьёзных умов, находящихся на вашем нынешнем этапе, едва ли найдётся вопрос интереснее следующего: как начинается подлинное служение? Какие переживания дают человеку право или заставляют его отказаться от всех иных поприщ и посвятить себя этому одному? Возможно, перед некоторыми из вас этот вопрос именно сейчас стоит с особенной настойчивостью. Он имеет первостепенное значение. В большинстве дел многое зависит от хорошего начала, но нигде начало не бывает столь решающим, как здесь.

[3] Именно этому в истории пророков придаётся величайшее значение. Нам рассказывают, как они стали пророками. Их служение начиналось с духовного переживания, обычно называемого пророческим призванием.

[4] О таких переживаниях повествуется в связи с величайшими пророками. Призвание Моисея совершилось у горящего куста — эта сцена очень подробно изложена в его жизнеописании. Следующим выдающимся пророком был Самуил; и в Писании едва ли найдётся рассказ известнее трогательного повествования о том, как Господь призвал его стать преобразователем испорченной эпохи. Каждый из трёх великих пророков,

оставивших писания, — Исаия, Иеремия и Иезекииль — рассказал о собственном призвании; у Иезекииля этому посвящены почти три целые главы. Если малые пророки, как правило, не рассказывают о подобных личных переживаниях, из этого нельзя заключать, будто они через них не проходили. Для объяснения такого отсутствия достаточно краткости их произведений; впрочем, здесь могли сказываться и особенности характера. Среди нас тоже есть люди, способные поведать обществу самые священные свои переживания и постоянно пользоваться ими для пояснения и утверждения истины. Для других ничто не было бы столь противоестественно: они избегают даже самого отдалённого намёка на сокровеннейшие мгновения своей духовной истории. Между тем для них самих эти мгновения могут стоить целого мира. Оба образа поведения имеют основание в Писании: одни пророки рассказывают о своём призвании, другие — нет.

5 Если перечислить одно за другим эти призвания выдающихся людей на Божие служение, окажется, что среди них — многие величайшие сцены Писания.[7] Едва ли можно найти более великолепную тему — позволю себе попутно подсказать её — для курса лекций в общине или даже, подобно нынешнему, для студентов богословия.

6 Они обнаруживают удивительное разнообразие. Моисей, например, был призван в зрелости, а Самуил — ещё ребёнком. Призвание Иеремии в чём-то напоминает призвание Моисея: оба сопротивлялись Божией воле, ссылаясь на неумение говорить; но в остальном они совершенно различны. Призвание Иезекииля стоит особняком и чрезвычайно трудно для истолкования; вместе с тем оно вполне соответствует его возвышенному

и сложному дарованию. Нигде нельзя найти более выразительного примера многообразия действий Духа Божия, когда Он касается человеческого духа, даже если стремится к одному и тому же результату.

7 Ведь результат во всех случаях был одинаков. Призванный стать пророком этим зовом отделялся от всех прочих занятий, которые могли помешать служению, предназначенному ему Богом. Всё его существо поступало в распоряжение Божиих целей и подчинялось власти Божиего вдохновения. Одно из обычнейших наименований пророка в Ветхом Завете — «человек Божий». От частого употребления это выражение утратило для нас смысл. Но оно означало в точности то, что говорило: пророк принадлежал не себе, он был Божиим человеком; принадлежал Богу, Который мог послать его куда угодно и сделать с ним всё, что пожелает. Ту же мысль выражал святой Павел, когда называл себя, как он любил это делать, «рабом Иисуса Христа».

8 Иногда эти сцены пытались истолковать так, будто за ними не стоит действительного переживания, будто это лишь поэтические изображения, поставленные пророками в начало своих писаний, чтобы драматически предварить для читателя общий смысл пророчеств. При таком понимании в них свободно вкладывались идеи, которыми пророки ещё не обладали в начале своего пути, но усваивали постепенно в ходе жизни.[8] Их сравнивают с такими поэтическими созданиями, как «Видение» Роберта Бёрнса, где он рассказывает, что муза Каледонии явилась ему у плуга, покрыла его своей мантией, объявила своим и посвятила в поэты родной земли; или с «Посвящением» Гёте, в котором изображено подобное

переживание на залитых луной высотах германского леса. Но хотя пророчество содержит поэтический элемент, пророческий дух слишком серьёзен для подобных вымыслов воображения, чуждых суровому еврейскому гению. К тому же такие сцены встречаются не только у еврейских пророков: они принадлежат истинной религии во всех поколениях.

[9] Любое из пророческих призваний могло бы дать нам богатый материал для сегодняшней темы. И я не без сожаления отворачиваюсь от горящего куста с его драматическим диалогом между Иеговой и Моисеем, затрагивающим многие из тех самых вопросов, которые до сих пор тревожат стоящих на пороге служения; от покоя скинии с его поразительным голосом, которым Бог открыл сердце Самуила для понимания цели жизни; от чудесно поучительной сцены, где робкий дух Иеремии встретил Божий зов смиренным возражением: «Я не умею говорить, ибо я ещё молод», — пока Божие сострадание и мудрость не ответили на его доводы и не подняли его над страхами. Но мы договорились взять Исаию как представителя пророков; и при всей привлекательности других примеров нам не придётся жалеть об этом выборе: в Священном Писании нет ничего более своеобразного и возвышенного, чем призвание Исаии, и каждая его строка полна наставления. Конечно, оно далеко от нас: потребуется немалое усилие, чтобы мысленно перенестись через столько столетий и сочувственно войти в переживание человека, жившего в столь ином мире. Но перед нами подлинная глава человеческого опыта. Поскольку после этого Исаия пророчествовал пятьдесят, а возможно, даже шестьдесят лет, тогда он должен был находиться в расцвете сил. Иными словами, он был на том самом жизненном этапе, на котором сейчас находитесь

вы; а перед нами рассказ о том, как молодой человек три тысячи лет назад стал открыто служить Богу.

10 Прежде чем описывать саму сцену, следует отметить два-три обстоятельства.

11 1. Она изложена в шестой главе пророчеств Исаии. Естественно было бы ожидать её в самом начале книги, как соответствующие сцены в книгах Иеремии и Иезекииля; и нелегко сказать, почему она помещена иначе. Мы, пожалуй, слишком склонны представлять пророчества единым непрерывным произведением, написанным за один длительный труд на одну тему, как пишутся современные книги. Но это заблуждение. Они складывались скорее подобно произведениям лирического поэта. Лирик создаёт стихи через неопределённые промежутки вдохновения, касается самых разных тем и, быть может, лишь к концу жизни задумывается о собрании их в книгу. Так и пророчества приходили к пророку через неопределённые, часто длительные промежутки времени; иной раз они были совсем кратки, не длиннее небольшого лирического стихотворения; и мы знаем, что порой он задумывался об их письменном обнародовании лишь много времени спустя после устного произнесения. Лирический поэт, собирая свои произведения, может следовать разным принципам расположения. Проще всего разместить их в хронологическом порядке; но можно следовать и тонкому психологическому плану, как, например, сделал Вордсворт при издании собрания своих сочинений; или соединить их как придётся, по минутной прихоти, — пожалуй, это самый обычный случай. То же разнообразие, по-видимому, встречается у пророков. Пророчества Иезекииля, например, расположены

хронологически, а Исаии и Иеремии — нет; установление первоначальной даты отдельных частей представляет одну из труднейших задач толкования. Сомнительно, существует ли вообще строгий принцип в расположении пророчеств Исаии. Неясно даже, принадлежит ли этот порядок ему самому или ученику либо составителю, собравшему их после его смерти. Поэтому едва ли стоит слишком настойчиво спрашивать, почему та или иная глава занимает именно это место. И всё же неудобно, что шестая глава находится внутри книги, а не в её начале: это скрывает её значение от обычного читателя. Однако исследователи согласны, что здесь рассказано о призвании Исаии к пророческому служению; и когда это становится ясно, каждая подробность описанной сцены приобретает новый смысл.

12 2. Заслуживает внимания точная дата события. Глава начинается словами: «В год смерти царя Озии». Существуют формы религиозного опыта, не имеющие даты, — процессы медленного и незаметного роста, которые могут длиться годами. Но бывают и переломные мгновения, когда переживание кристаллизуется в столь замечательное событие, что оно навсегда становится вехой в жизни испытавшего его человека; от него ведут отсчёт, как другие — от рождения, брака или поворотных событий семейной и деловой истории.

13 Я часто размышлял, было ли это первым подобным событием в жизни Исаии. Такое предположение вполне возможно. В других случаях призвание к Божиему делу совпадало с первой подлинной встречей с Самим Богом. Призвание Самуила к пророчеству совпало с его первым личным знакомством с Иеговой, Которого он, как прямо сказано, прежде не знал; а призвание святого Павла к

апостольству произошло одновременно с его обращением. В дальнейшем мы встретим по меньшей мере одно обстоятельство, довольно убедительно указывающее на то, что это было первое сознательное общение Исаии с Богом.

14 3. Заслуживает внимания и место события: храм. Эвальд и другие способные толкователи понимают под ним небесный храм и предполагают, что будущий пророк был перенесён в некое воображаемое место, названное им так. Но это совершенно произвольное предположение, значительно ослабляющее впечатление от всей сцены, смысл которой как раз в том, что она разыгралась в знакомом месте. Исаия был жителем Иерусалима, и храм был для него привычнее всех других мест. Тысячу раз он видел там внешнюю обрядовую сторону религии: толпы молящихся, священников, жертвенные принадлежности. Теперь же на том самом месте ему предстояло увидеть зрелище, в славе которого всё это исчезнет. Таково всегда назначение решающих мгновений религиозного опыта: они стирают привычную внешность религии и открывают скрытую за нею действительность; превращают обычные места повседневной жизни в дом Божий и врата небесные.

15 Таковы были обстоятельства времени и места, в которых произошёл перелом в жизни Исаии. Однажды, в год смерти царя Озии, он отправился в храм, как делал до того сотни раз; и там случилось то, что изменило весь ход его жизни. В теле или вне тела — мы не знаем, — он увидел три последовательных видения, или, скорее, одно тройственное видение: видение Бога, видение греха и видение благодати.

16 1. Всё началось с видения Бога. Глава открывается возвышенными словами: «В год смерти царя Озии видел я Господа». Это поразительное утверждение для пророка религии, основным началом которой была духовность Бога: «Бога не видел никто никогда». И действительно, существует древнее раввинское предание: царь Манассия, по чьему приказу, как рассказывают, Исаию перепилили надвое, оправдывал свою жестокость мнимым нечестием этих слов. Но это был лишь предлог: сама трудность показывает исключительную духовную чуткость и литературное мастерство пророка, который выстраивает сцену так, что начало Божией духовности остаётся совершенно ненарушенным. Хотя он говорит, что видел Бога, он никак Его не описывает; лишь окружающие Его зрелища и звуки изображены так, что с величайшей живостью дают почувствовать Присутствие, остающееся невидимым. Это подобно тому, как на полотне изображают историческую сцену разрушения и пожара, не показывая горящих предметов, а передавая отблески пламени и ужас и смятение на лицах зрителей.

17 Сначала описывается престол, на котором восседает Бог: он поставлен в храме, высок и превознесён, ибо Бог — великий Царь. Но сидящий на нём не описан; лишь края Его риз — вздымающиеся складки одежды — наполняют храм. Над престолом, или, вернее, вокруг него, словно придворные у трона восточного монарха, стоят серафимы. Во всём Священном Писании эти существа упомянуты только здесь. Их имя означает сияющих или огненных. Они — служители Божественного Царя, светлые и быстрые, как огонь, в своём разумении и действии. У каждого шесть крыльев: двумя он закрывает лицо, двумя — ноги, очевидно защищая глаза и всё своё существо от всепожирающей славы Божиего присутствия,

которое и здесь обозначается без прямого описания; а двумя оставшимися он летает, или, скорее, держится на своём месте, готовый устремиться по Божиему знаку.

18 Затем среди этих возвышенных зрелищ раздаются столь же возвышенные звуки. Наш перевод создаёт впечатление, что они исходят от серафимов. Но оригинал выражается неопределённее; вероятно, смысл в том, что перекликающиеся голоса принадлежат невидимым хорам в противоположных частях храма. С одной стороны непрестанно поднимается напев, с другой непрестанно приходит ответ; в середине голоса встречаются и сливаются в громкую гармонию.

19 Их песнь гласит: «Свят, Свят, Свят Господь Саваоф! вся земля полна славы Его!» Иными словами, они прославляют два свойства Божиего существа, всегда особенно поражавшие еврейское сознание: Его святость и Его всемогущество. Первое — Бог, каков Он Сам в Себе, словно бы обращённый внутрь. Он совершенно свят, неприступен, Он — огонь поядающий, выжигающий нечистоту, ложь и всякий грех. Второе — Бог, каков Он в мире, словно бы обращённый наружу; полнота мира — солнца и системы, горы и океаны, землетрясения и бури, летнее изобилие и зимний ужас — всё это Его слава, одеяние, которым Он делает Себя видимым.[9]

20 Голоса нарастают, пока храм не начинает колебаться — или не кажется колеблющимся потрясённым чувствам пророка; дом наполняется дымом — или кажется наполненным, когда туман окутывает теряющий силы дух свидетеля. Но сквозь туман всё так же звучат, падая на внимающее сердце словно удары молота, слова грозного песнопения: «Свят, Свят, Свят».

21 2. Затем последовало видение греха. Видение Бога не могло не высвободить в Исаии бурного потока чувств. Но каких? Казалось бы, радостного поклонения: душа, вдохновлённая величием увиденного и потрясённая услышанным, поднимется до величия мгновения, и человеческий голос со всей силой вольётся в ангельские голоса: «Свят, Свят, Свят».

22 Этого можно было ожидать. Но человеческий ум — вещь странная; и трудно знать, где и как коснуться его тонкого и сложного устройства, чтобы вызвать желаемый отклик. Вы хотите пробудить нежное чувство и рассказываете трогательную историю, которая, по вашему мнению, должна растрогать сердце. Но с каждой фразой лица слушателей всё больше каменеют или даже расплываются в насмешливом смехе; между тем одна благородная мысль, словно бы вовсе не связанная с трогательностью, может мгновенно растопить душу и открыть источник слёз. Или требуется воздействовать на совесть? Неумелый деятель прямо обрушивается на неё с обличением греха; но вместо покаяния лишь вызывает в человеке гордую и гневную самозащиту. Между тем одно прикосновение, не тяжелее детского пальца, где-нибудь высоко, вдали от совести, в области воображения, способно послать электрический разряд через всё существо и потрясти совесть от середины до краёв.

23 Ум Исаии принадлежал к самым чутким и сложным из когда-либо дарованных человеку; но теперь он находился в руках своего Создателя, Который знал, как прикоснуться к нему ради высокого результата. На этот раз замысел Создателя состоял в том, чтобы пробудить в нём всеподавляющее сознание греха; и для этого Он поставил его перед бесконечной святостью и величием.

Они приблизились настолько, что уклониться было невозможно. Бедный, ограниченный, грешный человек оказался, так сказать, на вытянутой руке в объятии Бесконечного и Всесвятого; и следствием стало полное сокрушение человеческого духа. От зрелища Божией славы взгляд Исаии обратился на самого себя и на прошлую жизнь; и в этом свете всё показалось нечистым и отвратительным. Повсюду был грех — в нём самом и в его окружении. Стыд и ужас совершенно смутили и поглотили его. «Горе мне! погиб я! — простонал он. — Ибо я человек с нечистыми устами, и живу среди народа также с нечистыми устами».

24 Почему он особенно ощутил нечистоту на устах, объяснить нелегко. Возможно, потому, что ангельская песнь приглашала присоединиться к хвале Богу, а он чувствовал: уста такого человека, как он, недостойны влиться в это пение. А быть может — кто знает? — его прежним привычным грехом было нечестивое словоупотребление, явно вопиющий порок его времени. Такое предположение потрясает наши представления об Исаии; трудно допустить, что уста, впоследствии говорившие словно ангельские, могли когда-либо осквернятся подобным грехом. Но это самое естественное понимание слов, и оно не противоречит примерам других жизней. Из великих грешников возникают великие святые и даже великие проповедники; а память о таком ненавистном и явном грехе иногда способна придать последующей преданности страстную силу и на всю жизнь сохранить чувство личного недостоинства.

25 3. Последней сценой в развёртывании этого видения, которое было, конечно, больше чем видение, стало

видение благодати. Один из огненных служителей, паривший на трепещущих крыльях в готовности исполнить приказ Божественного Царя, получил повеление неким необъяснённым способом общения, полетел к жертвеннику, взял клещи и захватил ими камень из жертвенного огня. Это был не уголь, как передаёт наш перевод, и не головня, а раскалённый камень — такие употреблялись и до сих пор употребляются на Востоке, чтобы переносить жар туда, где он требуется для какой-либо цели. Он был взят с жертвенника, содержал Божий огонь, и посылал его Бог.

26 На этот раз он был нужен для очищения. В Писании есть три символа очищения. Самый простой — вода; водой можно очистить многое, но существуют вещи, которые вода очистить не способна. Требуется более сильное средство, и таким средством служит огонь. Например, если вы хотите извлечь из руды чистое золото, её нужно бросить в огонь. Есть и третий символ, встречающийся и в Новом, и в Ветхом Завете, — самый священный из всех. Это кровь. Вода, огонь, кровь — все три означают в Писании одно и то же. В данном случае это был огонь.

27 Серафим подлетел с раскалённым камнем и приложил его к устам будущего пророка. Почему именно туда? Потому что именно там Исаия ощущал свой грех. Он сказал: «Я человек с нечистыми устами». Огонь выжег грех. Поэтому серафим произнёс от имени Бога: «Вот, это коснулось уст твоих, и беззаконие твоё удалено от тебя, и грех твой очищен». Это было заверение в Божием прощении, пришедшее в ответ на исповедание Исаии быстро, как полёт серафима.[10]

28 Этими тремя последовательными ступенями переживания подготовка Исаии завершилась; теперь

открылось и назначение, ради которого он был подготовлен. С высоты, от высокого и превознесённого престола, раздался вопрос: «Кого Мне послать? и кто пойдёт для Нас?» Царю нужен был посланник, чтобы передать весть и представлять Его Самого. Для этого Он избрал Исаию; но не навязывал ему поручения.[11] В этом не было нужды: Исаия прошёл подготовку, сделавшую его не только вполне способным, но и вполне желающим. Он был поднят из времени в вечность; и за этот единственный час сосредоточенного опыта он и умер, и родился вновь. Его жизнь была разрушена и утрачена, но Бог возвратил её ему, и он чувствовал, что теперь она принадлежит не ему. Он весь трепетал от силы прощения, и стремление к Богу — быть возле Него, служить Ему, сделать для Него всё — стало гораздо сильнее прежнего страха перед Ним. Поэтому свободно, по собственному выбору, он ответил на Божий вопрос: «Вот я, пошли меня».

29 Господа, я столь подробно рассмотрел эту сцену из жизни характерного ветхозаветного проповедника, потому что каждая её строка обращается к глубоким и тонким движениям нашего собственного опыта. Какой вывод следует из неё сделать? Что в начале пути проповедника должно произойти призвание к служению, отличное от переживания личного спасения? Такой вывод делали часто; но я предпочту, по крайней мере пока, вывод более широкий и, как мне кажется, более верный и полезный. Он таков: внешнему должно предшествовать внутреннее; открытой жизни ради Бога должна предшествовать сокровенная жизнь с Богом; если Бог прежде не заговорил с человеком, напрасно человек пытается говорить от имени Бога.

30 Этот принцип имеет широкое и разнообразное применение.

31 Он относится к началу религиозной жизни. Позвольте мне сказать вам, господа, со всей серьёзностью, на какую я способен: первое качество служителя — самому быть человеком веры; прежде чем знакомить других с Богом, он должен сам познать Бога. Объяснять здесь, как это происходит, не место. Скажу лишь, что речь идёт о чём-то большем, чем воздействие на нас религиозных влияний извне. Должен быть и наш собственный ответ: наша природа должна раскрыться, чтобы принять и усвоить то, что другие стремятся нам передать. Должна подняться наша собственная воля и сознательно избрать Бога. Конечно, в жизни многих на этом этапе бывают переживания почти столь же драматические и памятные, как эта сцена из жизни Исаии; они могут состоять почти из тех же элементов. В каком-нибудь привычном месте — быть может, в церкви детства или в комнате, освящённой молитвами ранних лет, — внезапно открывается Бог, и это преображает всё. В этом великом свете человек чувствует себя нечистым существом, которое присутствие Трисвятого готово осудить и уничтожить. Но затем следует чудесное откровение благодати: Бог подхватывает отчаявшуюся душу и прижимает к Своему сердцу, наполняя её чувством прощения и детским доверием. Неудивительно, что эта новорождённая жизнь сразу ощущает себя посвящённой Божиему служению. Недавно я слышал от одного из наиболее многообещающих наших служителей, что уже в день обращения он понял: ему предстоит стать служителем, — хотя тогда он занимался совершенно иным делом.

32 Но это может произойти и позже, став содержанием другого великого мгновения откровения. Ведь, как я уже намекнул в этой лекции, истинная христианская жизнь не сводится к тихому незаметному росту: в ней есть и переломы, когда она одним скачком поднимается на новую высоту, откуда открываются иные горизонты, меняющие всё. В жизни бывают мгновения драгоценнее дней и дни, которые мы не променяли бы на годы. Унесённые вместе с прочим в общее хранилище памяти, они сияют, словно золото, серебро и драгоценные камни среди дерева, сена и соломы обыденного опыта. Невозможно сказать, как много одно такое переживание способно сделать для направления и вдохновения целой жизни. Я верю, что многие незаметные служители хранят в памяти подобное событие, о котором, возможно, никогда никому не рассказывали, но которое для них самих исполнено неугасимого сияния и власти и связывает их с Божиим служением до смертного дня.[12]

33 Но этот принцип, извлечённый нами из призвания Исаии для собственного употребления, относится не только к первоначальному событию, но и ко всем последующим подробностям жизни. Он верен для каждого появления служителя перед общиной. Если тот не провёл неделю с Богом и не получил от Него вести, лучше бы ему вовсе не восходить на кафедру и не открывать уст в воскресенье. На духе и даже на лице служителя, выходящего к людям, должен лежать луч той славы, которую видели на лице Моисея, когда он спускался с горы к народу с Божией вестью.

34 В более широком масштабе это относится и ко всей служительской жизни. Каким бы драгоценным ни было первоначальное призвание, нельзя слишком долго жить

за счёт одного такого воспоминания. Служение, растущее в силе, должно расти и в опыте. Душе необходимо пребывать в общении с Богом и переживать золотые часы нового откровения. Истина должна приходить к служителю как удовлетворение его собственных нужд и ответ на его недоумения. Языком веры он должен пользоваться не как приблизительным выражением того, что, по его предположению, переживают другие, а как точным выражением лично пережитого. Для общественной молитвы существует много правил, и сведущий служитель не станет ими пренебрегать; но одно правило стоит всех остальных вместе: будьте сами человеком молитвы. Тогда община, когда вы откроете уста, чтобы возглавить её молитву, почувствует, что вы вступаете в привычное присутствие и говорите с хорошо знакомым Другом. Есть приёмы изучения, позволяющие использовать содержание Библии для назидания других; но лучшее правило таково: усердно изучайте Слово Божие для собственного назидания. И когда оно станет для вас дороже насущной пищи и слаще мёда и сот, вы уже не сможете говорить о нём другим без того огня в словах, который выдаст ваше собственное восхищение.[13]

35 Пожалуй, именно здесь лежит самая распространённая причина служительских неудач; и из всех качеств служителя это, хотя и простейшее, оказывается самым требовательным. Либо у нас никогда не было духовного опыта достаточно глубокого и основательного, чтобы открыть нам тайны души; либо опыт наш слишком давний, и мы столько раз его пересказывали, что он стал пресным для нас самих; либо мы заменили размышление чтением; либо позволили множеству и напору служебных обязанностей сократить наши молитвы и вытеснить нас из

рабочего кабинета; либо усвоили профессиональный тон, которым принято говорить об этих вещах, и способны перейти на него без живого чувства. Сила для такого труда, как наш, приобретается только втайне. Лишь человек с богатой, разнообразной и самобытной жизнью с Богом способен постоянно говорить о Божием с новым интересом; но тысяча обстоятельств мешает такой молитвенной и созерцательной жизни. Мы не убеждаем людей не потому, что наши доводы в пользу религии недостаточно сильны, а потому, что отсутствует довод, который действует всегда, — сама религия. Люди повсюду способны оценить её, и ничто не заменит её отсутствия. Слушатели могут не понимать, почему их служитель при всех своих дарованиях не производит на них религиозного впечатления; но причина в том, что он сам не является духовной силой.[14]

[36] Мне вспоминается случай из университетских лет, который с годами приобретает всё большее значение. Однажды в субботу утром по нашему приглашению в Миссионерское общество пришёл поговорить с нами о будущей жизни профессор — кумир студентов, считавшийся самым строго научным из всех преподавателей. Мы знали его также как человека острого и язвительного и ожидали, пожалуй, беспощадного разоблачения слабостей служителей или сурового призыва к учёбе. Вместо этого прозвучала необычная речь, проникнутая чувством и почти лирической нежностью. Я до сих пор помню подобие благоговейного изумления, охватившего нас, когда от этого сдержанного человека мы услышали представление о служении, едва ли приходившее прежде кому-либо из нас в голову. Он сказал: главная цель, ради которой служитель назначается в приход, — не развивать

учёность, не посещать людей среди недели и даже не проповедовать по воскресеньям, а жить среди них добрым человеком, одно присутствие которого служит неопровержимым доказательством, что на земле возможна жизнь, питаемая не из земного источника, и что то, о чём говорят в церкви в воскресный день, действительно существует.

[37] Рядом с этим воспоминанием живёт другое, которое тоже становится прекраснее по мере того, как я узнаю жизнь. После рукоположения мне выпало счастье поселиться ближайшим соседом пожилого святого служителя. Он был человеком основательно образованным и слыл в молодости сильным и любимым проповедником. Но своим исключительным влиянием он был обязан не этим дарованиям. Когда он проходил по городу — седой, с несколько степенной и достойной манерой держаться, — само его присутствие словно освящало всё вокруг. Даже его появление на улице было своего рода благословением; провожая его взглядом, люди говорили о нём друг другу с любовным почтением. Дети гордились, когда он возлагал руку им на голову, и берегли в памяти его добрые слова. На похоронах и в другие торжественные семейные мгновения его присутствия искали люди всех деноминаций. Мы, трудившиеся рядом с ним в служении, чувствовали, что уже само его существование в общине — неотразимое свидетельство истинности христианства и крепкая опора всякого доброго дела. Однако это влиятельное положение было приобретено не блестящими талантами, великими свершениями или напористым честолюбием: он отличался необыкновенной скромностью и последним приписал бы себе хотя бы половину совершённого им добра. Вся тайна состояла в том, что сорок лет он прожил

в этом городе безупречной жизнью и все знали его как человека благочестивого и молитвенного. Он был так добр, что удостоил меня своей дружбы; и его пример глубоко запечатлел в моём сознании два убеждения: иногда огромным преимуществом бывает провести всю жизнь на одном пастырском месте, а первое качество, необходимое для служения, — доброта.[15]

Лекция III. Проповедник как патриот

[1] В избранном нами способе рассмотрения темы этих лекций мы доверились руководству Писания. Уже во вступительной лекции я упомянул сомнение, которое может возникнуть у некоторых: не уведёт ли такой метод от живых вопросов современности? Но долгий опыт научил меня вполне доверять этому способу изучения. Удивительно, как прямо, доверившись ведущей руке Писания, приходишь к самой сердцевине почти любого предмета и как часто это заставляет затрагивать тонкие стороны современных вопросов, которых иначе мы робко избежали бы. Есть и ещё одно большое преимущество: можно всегда идти твёрдым шагом, имея за собой Божие подтверждение и власть. Сегодня мы увидим тому пример: метод, которому мы следуем, приведёт нас прямо в самую гущу жгучих вопросов дня, а пример пророков настойчиво обратит наше внимание на ту сторону служительского долга, которой время громко требует, но перед которой отнюдь не легко устоять. В прошлой лекции мы занимались призванием пророка на Божие служение; сегодня нам предстоит изучить, в чём состояло само это служение.

[2] Здесь мы сразу сталкиваемся с различием между трудом ветхозаветных пророков и современных служителей, к которому уму нелегко приспособиться. Наша нынешняя весть обращена к отдельному человеку, а пророческая — к народу. Для нас исходная единица всегда душа; мы призываем каждого бежать от грядущего гнева, убеждаем его и боремся за него именем Неба, следим за ростом его характера и оцениваем успех числом отдельных людей,

приведённых в Царство. У пророков всё это совершенно отсутствует. Они не менее серьёзны, их цель столь же ясна им; но исходная единица в их сознании иная: иудейское государство или по меньшей мере весь город Иерусалим. Один недавний комментатор Исаии[16] поставил вопрос, есть ли у Исаии благовестие для отдельного человека. Он доказывает, что есть, но довольно обходным путём и не без того, чтобы в известной мере приписать Исаии чуждую ему точку зрения. Современный взгляд ввёл Христос. Он открыл отдельного человека. Он научил мир верить в достоинство и предназначение единичной души и воспитал Своих служителей для её взыскания и спасения.

3 Однако положение Исаии вполне достойно изучения и содержит для нас собственный урок. Только нужно признать его таким, каким оно действительно было, и попытаться встать на его точку зрения. Новозаветная позиция была для него столь же невозможна, как современное понимание этики — для древних философов. И человек, изучающий философию, с рождения пропитанный современными представлениями о свободе и личности, должен преодолеть точно такую же трудность, читая, например, «Государство» Платона, где государство — всё, а отдельный человек — ничто.

4 Если обращение к отдельному человеку в пророческих книгах редко, то, где бы мы их ни открыли, повсюду встречаем патриотическое, государственно мыслящее слово о состоянии страны. Пророки преимущественно обращались к главам и представителям народа — царям, князьям, священникам, — поскольку в их руках была власть изменить положение страны. Но они пользовались и большими народными собраниями и произносили свою

весть на видном месте, у городских ворот или во дворе храма, откуда она могла достичь всякого уголка земли. Название, которое они охотно к себе применяют, — стражи. Как страж, поставленный на башне над городскими воротами, охранял безопасность города, предупреждал о приближении опасности и созывал граждан на защиту, так пророки со своей сторожевой башни — то есть с той высоты наблюдения, которую давало вдохновение, — следили за благополучием государства, пристально изучали его внутреннее состояние, не упускали из виду внешние влияния и при угрозе подавали тревогу. Поразительна их осведомлённость о положении каждой области страны; ещё удивительнее знание соседних стран. Когда они говорят о Моаве или Едоме, то кажутся столь же знакомыми с их городами и реками, обычаями и историей, как с иудейскими; и о происходящем в городах на Ниле или Евфрате они, по-видимому, знают не хуже, чем об иерусалимских событиях. Ни один министр внутренних дел не знает так хорошо собственную страну, ни один министр иностранных дел — положение за рубежом. Их призванием было чутко ощущать все близкие и отдалённые влияния, способные затронуть родную землю.

[5] Содержание пророческих писаний, несмотря на разнообразие, легко разделить на несколько крупных частей. Главные из них три: обличение, возвещение суда и утешение.

[6] 1. Большую часть составляет то, что можно назвать обличением. Стоя на сторожевой башне и наблюдая внутреннее состояние государства, пророки почти всегда различали болезненные признаки в общественном теле;

их долгом было указывать на них. Так Исаия начинает свои пророчества: «Вся голова в язвах, и всё сердце исчахло. От подошвы ноги до темени головы нет у него здорового места: язвы, пятна, гноящиеся раны, неочищенные и необвязанные и несмягчённые елеем». А обязанность сообщать об обнаруженном он выражает так: «Взывай громко, не удерживайся; возвысь голос твой, подобно трубе, и укажи народу Моему на беззаконие его, и дому Иаковлеву — на грехи его».

7 Грехи, которые пророкам приходилось порицать, на всём протяжении пророческой эпохи были довольно сходны; интересно сравнить их с недугами нашего времени. Нет школы, где совесть могла бы лучше научиться чувствовать общественный грех, чем писания пророков.

8 Коренным злом неизменно было идолопоклонство. Народ постоянно отпадал от поклонения истинному Богу к идолам или по меньшей мере соединял служение другим божествам с поклонением Иегове. Это всегда было одновременно и признаком глубокого падения, и началом и источником других, самых тяжких зол. Все пророки нападают на него всеми средствами своего вооружения: пламенным негодованием, строгой аргументацией, жгучими слезами. Исаия особенно замечателен насмешкой и сарказмом. Он ведёт читателей в мастерскую идолов и подробно описывает процесс их изготовления. Показывает мастеров среди металлических пластин и деревянных колод, из которых должно быть сделано божество: орудуя напильниками, рубанками, топорами и молотками, они собирают эту беспомощную вещь. Изготовитель идола, говорит он, берёт прекрасный ясень, дуб или кедр и делает красивого истукана; но тем же деревом разжигает огонь и готовит обед: «Часть

дерева сожигает в огне, другою частью варит мясо в пищу, жарит жаркое и ест досыта, а также греется и говорит: “хорошо, я согрелся; почувствовал огонь”. А из остатков от того делает бога, идола своего, поклоняется ему, повергается перед ним и молится ему и говорит: “спаси меня, ибо ты бог мой”».

9 С идолопоклонством тесно связана роскошь. Полемика такого пророка, как Исаия, против идолопоклонства кажется нам настолько убедительной, что мы удивляемся самой необходимости её вести. И действительно, мало что вызывает у обычного читателя Писания больше недоумения, чем постоянные уклонения Божиего народа к идолам. Как могли люди, знавшие истинного Бога, менять столь разумное и возвышенное поклонение на служение дереву и камню? Объяснение просто, но унизительно. Поклонение чужим божествам сопровождалось чувственными излишествами, обращавшимися к самым сильным первобытным страстям человеческой природы. Пиршества, пляски и пьяные оргии входили в служение Ваалу и другим ханаанским божествам. Идолопоклонство в Израиле никогда не возникало из теоретического пересмотра взглядов: оно было лишь формой, в которой проявлялся всплеск распущенности и роскоши. Его соответствием в наши дни стало бы чрезмерное увлечение развлечениями и возбуждением, разрушающее достоинство и серьёзность жизни. Богатые и модные слои показывали пример, как обычно и бывает в периоды нравственного упадка; а самым дурным признаком становилась покорность женщин страны господствующему поветрию. Эта последняя черта разложения проявилась во дни Исаии, и он нападает на неё со странным соединением юмора и нравственного негодования: «За то, что дочери

Иерусалима надменны и ходят, подняв шею и обольщая взорами, выступают мелкими шагами и звенят ногами, Господь отнимет красоту звенящих украшений на их ногах, сетки и луновидные подвески, цепочки, браслеты и покрывала, головные уборы, ножные цепочки и повязки, душильницы и серьги, перстни и кольца в носу, переменные наряды, накидки, платки и шпильки, зеркала и тонкое полотно, тюрбаны и вуали. И будет вместо благоухания смрад, вместо пояса — верёвка, вместо уложенных волос — плешь, вместо нарядного нагрудника — пояс из вретища, вместо красоты — клеймо».

10 Далее шло угнетение. Чрезмерная роскошь высших классов обычно сопровождается бедствием на противоположном конце общественной лестницы: богатые в таком обществе бессердечны и не только пренебрегают бедными, но и притесняют их. Пророческие книги полны описаний несправедливостей, которые сильные причиняют слабым. Богатые землевладельцы пользовались трудностями менее состоятельных соседей, чтобы отнимать у них участки и передвигать древние межи; суды были так испорчены, что не способный подкупить сидящего в судейском кресле не имел надежды на защиту. Дух государственного устройства нарушался настолько, что богатые держали собственных соотечественников в рабстве и даже не предоставляли им освобождения юбилейного года. Многие страницы пророков выглядят как программа устранения злоупотреблений, слишком хорошо знакомых нашей собственной цивилизации. «Горе тому, — говорит Иеремия, — кто строит дом свой неправдою и горницы свои — беззаконием, кто заставляет ближнего своего работать даром и не отдаёт ему платы его».

11 Наконец, существовало лицемерие. Несмотря на эти вопиющие к небу грехи, в религиозности и внешних религиозных формах редко бывал недостаток. Религию отделяли от нравственности, праведность заменяли обрядом. Нет у пророков темы более частой и более весомой. Именно на неё Исаия направляет всю силу своей пророческой души уже в первой главе, где дано поистине страшное сочетание множества религиозных обрядов с самыми вопиющими нравственными беззакониями: «К чему Мне множество жертв ваших? говорит Господь. Я пресыщен всесожжениями овнов и туком откормленного скота, и крови тельцов, агнцев и козлов не хочу. Когда вы приходите являться пред лицо Моё, кто требует от вас, чтобы вы топтали дворы Мои? Не носите больше даров тщетных: курение отвратительно для Меня; новомесячий, суббот, созывания собраний не могу терпеть: беззаконие — и праздничное собрание! Новомесячия ваши и праздники ваши ненавидит душа Моя: они бремя для Меня; Мне тяжело нести их. И когда вы простираете руки ваши, Я закрываю от вас очи Мои; и когда вы умножаете моления ваши, Я не слышу: ваши руки полны крови. Омойтесь, очиститесь; удалите злые деяния ваши от очей Моих; перестаньте делать зло; научитесь делать добро; ищите правды; спасайте угнетённого; защищайте сироту; вступайтесь за вдову».

12 Так эти стражи исследовали нравственное и религиозное состояние народа до самого дна и самым выразительным языком давали соотечественникам понять, как они выглядят в глазах Бога.

13 2. Вторая большая часть пророческих писаний посвящена возвещению суда — предсказанию бедствий, которые придут в наказание за грех. Насколько пророки

были уверены, что Бог вселенной праведен, настолько же они были уверены, что разоблачаемые ими общественные грехи навлекут небесный гнев: «Хотя бы рука соединилась с рукою, порочный не останется ненаказанным».

14 Орудия наказания были недалеко. Израиль окружали народы, питавшие к нему жестокую вражду и нуждавшиеся лишь в малейшем поводе для нападения: Едом, Моав, Филистия, Сирия. Но прежде всего он был с двух сторон зажат великими воинственными державами: Египтом с одной стороны и Ассирией или Вавилонией — с другой. Они непрестанно наблюдали друг за другом и при этом вынуждены были смотреть через Израиль. Он лежал на пути, по которому одна должна была идти, чтобы добраться до другой. Светский историк сказал бы, что рано или поздно он неизбежно попадёт в руки одной из них и, вероятно, будет часто переходить из рук в руки. Но для пророков эти воинственные державы были бичами в Божией руке, наказывающими грехи Его народа. Разоблачив внутренние грехи государства, они обращали взгляд со своей башни наружу и возвещали, что с той или иной стороны поднимается грозовая туча бедствия, задолго до того, как сами граждане начинали что-либо подозревать. Иегова направляет сердца царей и народов, как потоки воды; Он возбуждал эти враждебные народы, когда Его народ нуждался в вразумлении; Он мог владеть их мощью, как лесоруб владеет топором, поражающим дерево; мог призвать величайшего завоевателя исполнить Свои тайные цели, как человек подзывает собаку к ноге.[17] Они не знали, что ими так пользуются. У них были собственные замыслы, и их ненависть и жестокость к Божиему народу были вполне настоящими. Более того, выполнив Божие дело над Его народом, они и сами

должны были быть наказаны за вражду и насилие, с которыми его совершили. Но тем временем воля Иеговы исполнялась, и воспитание Его промыслом обращалось на грехи народа.

15 3. Третий великий элемент этих книг — утешение. Нередко, предсказывая надвигающееся бедствие, пророки должны были противостоять популярным формам патриотизма и рисковали прослыть врагами своей страны. Особенно это относилось к Иеремии: всю жизнь он нёс печальное поручение возвещать, что время покаяния прошло и иудейское государство вместе со столицей должно быть уничтожено. Когда враг стоял под стенами Иерусалима, а правители призывали граждан к последнему и священнейшему долгу — защите очагов и алтарей, — он всё ещё должен был предсказывать бесполезность сопротивления. Его заключили в тюрьму как изменника, потому что его слова лишали воинов мужества. Когда город наконец пал, завоеватель освободил его и осыпал почестями как полезного союзника. Никогда патриот не занимал более двусмысленного положения. И всё же никогда в человеческой груди не билось более патриотического сердца, чем сердце Иеремии. Любовь к родине, сильная как мужская страсть и нежная как женская любовь, — основной тон каждой главы его пророчеств. Это характерно для всех пророков. Они любили Израиль, особенно Иерусалим, с такой горячей привязанностью, какой редко, если вообще когда-либо, удостаивалась другая страна или город. В этой страсти было нечто естественное: Палестина — прекрасная земля, её плодородные равнины, живописные долины и холмы под виноградниками легко пленяли сердца жителей; а Иерусалим отличался красотой расположения. Но

природная привязанность преображалась в чувство более высокое. Иерусалим был очагом и святилищем истинной религии. Страна была дорога сердцам пророков потому, что Иегова особо избрал её домом для Своего народа, где тот мог осуществить своё предназначение. Народ этой земли должен был сочетаться браком с Иеговой; Бог должен был проникнуть его Своим духом и характером; в нём и его потомстве должны были благословиться все народы земли.

16 За это возвышенное представление о народе держались сердца всех пророков. Как бы недостойно его ни было их собственное поколение, они верили в неисчерпаемые силы своего народа, который оставался бессмертным, пока не исполнит предназначения. Именно эта вера, вдохновлявшая Исаию, позволила ему сплотить соотечественников для защиты Иерусалима, когда, по всем человеческим расчётам, ему грозило уничтожение. И даже Иеремия, хотя должен был предсказывать гибель любимого города, ни на мгновение не допускал, будто его путь окончен; смотря дальше бедствий ближайшего будущего, он возвещал, что Бог возвратит Свой народ из плена и ещё сделает Сион славой земли. Вообще в пору бедствия и страдания патриотизм пророков горел ярче всего. Тогда, говоря от имени Бога, они изливали на поражённый город любовь, дышащую в таких дивных словах Исаии: «Забудет ли женщина грудное дитя своё, чтобы не пожалеть сына чрева своего? Но если бы и она забыла, то Я не забуду тебя. Вот, Я начертал тебя на дланях Моих; стены твои всегда предо Мною». Вторая половина Исаии,[18] обращённая к пленникам в Вавилоне, переполнена такими порывами нежности. И хотя в них явно присутствует любовь, превосходящая человеческую, Божия любовь не могла бы найти выхода и

голоса иначе, чем через человеческое сердце исключительной чуткости и страстной любви к родине.[19] Пророки, способные бичевать народ на вершине благополучия и своеволия словами, разящими как мечи, в дни бедствий становились неутомимыми служителями утешения: они изливали бальзам в раны своей страны и не позволяли дочери Сиона отчаиваться в будущем.

17 Именно тогда они особенно развивали замечательнейший из всех элементов пророчества — надежду на Мессию. Как ни трагична была их собственная неспособность поднять народ до той высоты, которую они столь ясно видели его предназначением, все они верили: не совершённое ими ещё совершится; ещё будет Иерусалим, светлый и славный, как звезда, и станет звездой надежды для всех народов земли. Эта уверенность опиралась не только на Божию волю и силу вообще; её обеспечивала вера, которую все они в разных формах хранили и учили хранить соотечественников: в лоне народа пребывает Тот, Кто родится в должное время, наделённый силами гораздо большими, чем их собственные. Он примет задачу, которую каждый из них в свой черёд должен был оставить незавершённой, и доведёт её до исполнения. Это будет Дитя народа, соединяющее в Своём характере все качества в их полнейшем совершенстве, которыми должен был обладать сам народ; и хотя Он будет стоять высоко над соотечественниками, Он останется всецело един с ними, примет на Свои плечи ответственность за их судьбу и не ослабеет, не падёт духом под этой ношей, но победоносно донесёт её до цели. «Ибо младенец родился нам; Сын дан нам; владычество на раменах Его, и нарекут имя Ему:

Чудный, Советник, Бог крепкий, Отец вечности, Князь мира». [68]

18 Теперь, господа, вопрос состоит в том, насколько рассмотренная сегодня сторона пророческой деятельности служит для нас образцом.

19 Можно утверждать, что это уже пройденная ступень проповеди и теперь весть служителей должна быть обращена исключительно к отдельным людям. Многие действуют именно по такому представлению о проповеди, возможно не задумываясь, насколько оно отличается от пророческого способа действия. В его защиту, несомненно, можно сказать многое. Когда Иисус обратился от народа к отдельному человеку и научил мир ценить душу, это был огромный шаг в развитии религии. Здесь отныне всегда должен лежать главный акцент христианской проповеди. Недостоин христианского имени проповедник, не знающий, что значит алкать и жаждать спасения отдельных людей, и не считающий спасение хотя бы одной души достойным труда целой жизни.

20 И всё же сомнительно, чтобы какая-либо из пройденных проповедью ступеней могла когда-нибудь стать совершенно излишней. Нам стоит хорошо подумать, прежде чем поверить, будто труд Исаии или Иеремии больше не является нашим трудом.

21 Это сомнение усиливается, когда мы обращаемся к повествованию о проповеди Самого Христа. Он — окончательное мерило и несравненный образец. Но хотя Он открыл душу и научил мир ценить отдельного человека, Его проповедь не была направлена исключительно к отдельным людям. Она имела

общественную и национальную сторону. Он защищал мытарей и грешников не только потому, что они были человеческими детьми, но и потому, что были семенем Авраама; предъявил Свои притязания церковным властям народа и, когда они отвергли их, обрушил на религиозные партии громы Своего обличения. Слёзы и слова невыразимой нежности, излитые Им над городом, где Ему предстояло принять мученическую смерть, показали, что в Его сердце ещё пылала любовь к родине, присущая Исаии и Иеремии. Посылая апостолов благовествовать миру, Он велел им начать с Иерусалима.[20]

[22] Даже если бы этого было недостаточно для решения вопроса, сама природа дела показывает, что призвание проповедника включает весть обществу наряду с вестью отдельному человеку. Все согласятся, что проповедник существует ради умножения праведности и уменьшения греха в мире. Но грех заключён не только в личном сердце: он воплощён и в дурных обычаях, и в несправедливых законах, за которые отвечает общество. Отдельный человек во многом формируется своим окружением; а оно может либо настолько благоприятствовать добру, что дурные склонности сдерживаются и всё побуждает поступать хорошо, либо быть столь испорченным, что худшие пороки усваиваются легко, а каждый шаг в верном направлении встречает бурю сопротивления. Никто не станет утверждать, будто возможности души одинаковы независимо от того, живёт ли она среди людей, заботливо следящих за её развитием и направляющих стопы на пути мира, или среди тех, чьё слово и пример поощряют всякий грех. Общество должно быть благоприятной утробой, в которой зарождающаяся жизнь вырастает здоровой и прекрасной; но оно может стать зловредной кормилицей, отравляющей жизненный

поток у самого истока. Если это так, то для призванных заботиться о нравственном и духовном развитии ближних безразличие к условиям их жизни столь же предосудительно, как для врачей города, из года в год опустошаемого эпидемией, было бы позорно не интересоваться породившей её антисанитарией, а лениво довольствоваться лечением собственных пациентов.

[23] По-видимому, мы достигли именно той точки церковной истории, когда разум и совесть церкви должны пробудиться к этой стороне её долга. Один из наиболее выдающихся английских епископов недавно сказал, что общественный вопрос — тот вопрос, который должно разрешить современное христианство; и эти слова повторяются повсюду. Удивительно, как век за веком то одно, то другое слово христианской вести овладевает христианским сознанием и на время становится лозунгом движения вперёд. Едва ли можно сомневаться, что для нашей эпохи это именно такое слово. Необычайный отклик, вызванный во всём цивилизованном мире книгой генерала Бута «В самой тёмной Англии», показывает, насколько глубоко совесть мира потрясена нищетой и унижением общественных отверженных.

[24] Книга генерала Бута и другие подобные книги и брошюры заставили нас осознать, что у основания нашей цивилизации тлеет масса греха и несчастья, представляющая для христианства не меньший укор, чем мытари и грешники для религии современников Христа. Ведь хотя церковь, быть может, не презирает и не ненавидит этих отверженных, как книжники и фарисеи, она ещё не справилась действенно с их положением; а число их, возможно, не уменьшается, а растёт. Есть слои общества, где условия существования столь дурны, что

детство почти с рождения погружается в стихию порока и преступления, с женской души грубо стирают цвет стыдливости, а мужчина окружён таким множеством искушений, что избежать их почти невозможно. Можно ли сомневаться, что Исаия или Иеремия в таком обществе возвысили бы голос подобно трубе и бросили в лицо роскошествующим богачам, а особенно исповедующим религию, положение этих погибающих детей нашего народа? И разве менее очевидно, что это по-прежнему долг современной кафедры?

[25] Конечно, нельзя по правде сказать, будто церковь вообще не бралась за эту проблему. Против одной из причин общественных бедствий — причём самой главной — церковь, особенно в вашей стране, выступила достойно. Спиртное — причина, которой магистраты, судьи и все непосредственно соприкасающиеся с падшими и преступными слоями приписывают три четверти общественных зол. Пьянство приводит в отчаяние всякого христианского работника, отважившегося спуститься к париям нашей цивилизации. Церкви не оставались здесь бездеятельными. Но мы лишь начинаем признавать: хотя пьянство — великая причина несчастья, за ним стоят другие причины, с которыми тоже необходимо бороться. Почему люди пьют? Беспристрастное рассмотрение этого вопроса обнаружит многие злоупотребления нашего общественного устройства, которые нужно устранить, прежде чем удастся остановить бедствия пьянства. Непомерно долгий труд истощает организм и заставляет его жаждать искусственного возбуждения. Чрезмерно низкая плата при отсутствии надежды подняться порождает беспечное отчаяние, делающее человека готовым обратиться к чему угодно, обещающему хоть луч солнца в его однообразной доле. Скудно обставленное и

нездоровое жилище гонит обитателей искать света и уюта в питейном заведении. Таковы примеры новых вопросов, требующих внимания от тех, кто ощущает позор несовершенства нашей цивилизации.

26 Один вид помощи церковь предоставляла щедро. Уже падшим она протягивала руку. Евангельское пробуждение породило дух человеколюбия, изобретавший средства облегчения всякого человеческого горя; число этих начинаний выросло почти до неуправляемости. Но мы начинаем видеть: сколько бы их ни умножать, они останутся совершенно недостаточными, пока не затронуты причины бедствия. Если причины по-прежнему сильны, новые жертвы будут возникать столь же быстро, как благотворительность спасает уже пострадавших. Пришло время подняться по течению выше, чем мы поднимались до сих пор, и преградить поток у истока. Иными словами, всю силу христианского человеколюбия нужно направить на устранение причин общественной нищеты и страдания.

27 Для этой работы потребуются новые орудия; и, возможно, главным станет законодательство. Как я говорил, пророки обращались к царям и князьям, потому что тогда в их руках находилась правительственная власть. Но теперь эта власть перешла — и с каждым днём всё полнее переходит — к народу, на котором лежит прежняя ответственность других. Если мы хотим идти по стопам Исаии и Иеремии, то должны учить народ подниматься до этой ответственности и пользоваться данным временем орудием изменения жизненных условий. Люди должны направлять на руководящие места и в городе, и в государстве тех, кто проникнут заботой об общем благе и станет действовать не ради собственной

выгоды или партийных интересов, а ради всего общества; должны следить, чтобы законы и их исполнение затрудняли злое и облегчали доброе.

28 Конечно, это повлечёт столкновение с интересами, укоренёнными в злоупотреблениях: существуют промыслы, процветающие на бедности бедных и даже на пороках порочных. Во многих случаях они пользуются преимуществом высокого общественного положения; многие органы общественного мнения встанут на их сторону. Но церковь должна обратиться к христианской совести и вызвать к действию силы христианской добродетели, чтобы встретить эту новую сторону порученной ей задачи. У христианства всегда, особенно в последние сто лет, была открытая рука милосердия; но в следующие сто лет ему понадобится и рука, способная крепко взяться за орудие управления и использовать его как рычаг для устранения многих великих препятствий, задерживающих Царство Божие.

29 Я вполне сознаю опасности нового направления, которое защищаю. Есть серьёзная опасность недооценить спасение отдельных душ. Есть опасность оставить Слово Божие и превратить кафедру в орган светских обсуждений; хотя, с другой стороны, множество мест Библии прямо ставят общественные вопросы, и при ином применении их приходится толковать более или менее противоестественно. Есть опасность сделать служителя рупором партии. На каждом шагу понадобятся христианский такт и рассудительность. Но ведь это причина не отказаться от долга, а лишь призвать на помощь все наши силы.

30 Одно соображение упрощает задачу: дело служителя не столько вмешиваться в отдельные вопросы, сколько

воспитывать в людях общественный и патриотический дух и учить их видеть в исполнении гражданских обязанностей часть христианства. Когда наши люди осознают, что общее благо — их дело и что они ответственны за состояние общества и условия жизни, им можно предоставить самим выбирать достойных людей и поддерживать верные меры.[21]

31 Здесь мы можем опереться на естественное основание. Человеку свойственно быть привязанным к месту рождения или городу, где он живёт. Корни его жизни находятся в этой почве, интересы связывают его с нею; и если в душе есть хоть немного божественного, местные предания и выдающиеся имена непременно затронут его сердце. Возможности города хорошо устраивать свои дела измеряются числом жителей, одушевлённых такими чувствами. Точно так же человеку естественно любить свою страну. Некоторые страны особенно умеют пленять сердца своих детей и связывать их со своим служением. О моей стране это можно сказать. При всей её малости красота, история и романтические предания необычайно притягивают сердца жителей. Возможно, часть тайны заключается именно в малости: в тесных пределах чувство приобретает страстную силу, как наши горные реки превращаются в бурные потоки в каменистых руслах. О вашей стране то же можно сказать по другим причинам. Америка пробуждает патриотическое чувство не малостью, а необъятностью и удивительным разнообразием; не воспоминаниями прошлого, а безграничными возможностями будущего.

32 Эти чувства уже существуют в умах наших людей; нам нужно лишь поддержать их и наполнить христианским содержанием, чтобы породить убеждения об

общественном долге, способные принести самые благословенные плоды. Мы могли бы научить людей остро чувствовать страдания человечества, особенно нравственные пятна на добром имени их города или страны. Могли бы побудить их хранить высокий идеал того, каким должно быть место их жизни в нравственном и духовном отношении и что могла бы сделать их страна в мире. В Шотландии когда-то существовал такой идеал: умирающий ковенантер видел, словно написанное на тумане вересковой пустоши, видение освящённой земли под властью царя, связанного заветом.[22] В Англии он существовал во времена пуритан, когда, по словам Ричарда Бакстера, Англия едва не стала страной святых, образцом святости для мира и несравненным земным раем. Был он некогда и у вас в Америке: когда ваши отцы высадились с «Мейфлауэра», они искали не просто еды и питья, даже не богатства и изобилия, а дома, где потомки могли бы вырасти в свободе, добродетели и вере. Мы должны вернуть этот идеал, если не хотим, несмотря на железные дороги, промышленные армии и богатства сверх самых алчных мечтаний, разложиться и приготовиться к тому, чтобы нас смела метла уничтожения. Мы могли бы воспитать каждого, кого коснётся наша весть, в убеждении: его долг — прежде чем умереть, сделать что-нибудь, чтобы родной город стал прекраснее, страна счастливее, а мир лучше.

[33] Поскольку я обращаюсь к людям, некоторые из которых вскоре могут приобрести большое влияние, добавлю один совет. В делах, о которых я сегодня говорил, успех приходит к тому, у кого есть замысел действий. Сейчас, пока вы смотрите на мир острыми глазами молодости, самое время замечать злоупотребления, требующие исправления, и мысленно представлять улучшения,

которые должны стереть позор или возвысить доброе имя вашей страны. Закрепите это видение в центре своего ума; постоянно держите его перед собой; и мечта может превратиться в действительность, которая изменит условия жизни целых поколений ваших ближних. Что могло бы больше соответствовать нынешней поре вашей зрелости, чем размышление над каким-нибудь планом на пользу и честь родины? Даже если из него ничего не выйдет, уже хорошо, что он жил в вашем сердце. Но ничто другое не имеет больших шансов осуществиться. «Что такое великая жизнь? — говорит Альфред де Виньи. — Это мысль, зародившаяся в пылком уме юности и исполненная твёрдой силой зрелости».

Лекция IV. Проповедник как человек Слова

[1] Господа, в позапрошлой лекции я говорил о призвании пророка на Божие служение, а в прошлой — о самой работе, которую он должен был совершать. Сегодня я буду говорить об орудии этой работы.

[2] Им было Слово; пророк был человеком Слова. Исполняя свой великий и трудный труд, он не владел никаким иным оружием. Оно кажется самым хрупким из всех: ведь что такое слово? Всего лишь дуновение воздуха, колебание, на мгновение дрогнувшее в атмосфере и исчезнувшее. Но так можно было бы сказать и об облаке, чьи клубящиеся, ежеминутно меняющиеся завитки пара кажутся наименее вещественными из всего существующего; однако из него вырывается ветвистая молния, расщепляющая лесного великана, опрокидывающая башню, устоявшую против десяти тысяч нападавших, и, отрывая утёс, с грохотом низвергающая его по горному склону. Пусть слово — лишь воздушное оружие, оно сильнее меча воина. Слова свергали династии и переворачивали царства. Когда в них есть должная сила, они переживают все остальные человеческие творения. Где города, процветавшие, когда пел Давид? Где империи, армии которых заставляли мир содрогаться, когда писал Исаия? Ниневия и Вавилон, Тир и Мемфис — где они? А псалмы Давида всё ещё радуют мир, и мудрость Исаии всё ещё учит его.

[3] Пророки хорошо знали закалку и силу оружия, которым владели. Особенно часто о могуществе слова говорит Иеремия. «Слово Моё, — спрашивает он, — не подобно ли огню, говорит Господь, и не подобно ли молоту,

разбивающему скалу?» Вручая ему это оружие, Господь сказал: «Смотри, Я поставил тебя над народами и царствами, чтобы искоренять и разорять, губить и разрушать, созидать и насаждать». Как мог один человек разрушать и воздвигать царства? Он говорит так, словно стоит во главе неодолимых легионов и оснащён всеми орудиями войны. Но так и было: всё это и ещё больше заключено в слове. Подобные военные образы, по-видимому, естественно приходили владеющим им. Другой из них говорит: «Оружия воинствования нашего не плотские, но сильные Богом на разрушение твердынь: ими ниспровергаем замыслы и всякое превозношение, восстающее против познания Божия, и пленяем всякое помышление в послушание Христу». Ещё один говорит: «Слово Божие живо и действенно и острее всякого меча обоюдоострого». А Исаия от имени Раба Господня произносит: «Он сделал уста Мои как острый меч; тенью руки Своей покрывал Меня; и сделал Меня стрелою изострённою; в колчане Своём хранил Меня».[23]

[4] Слово пророков имеет две стороны: с одной стороны, это весть от Бога, с другой — весть людям.

[5] 1. Слово, которым владели пророки, было словом Божиим. В этом заключалась тайна его силы. Ведь Божие слово — Божия мысль; она древнее звёзд, укоренена в устройстве вещей глубже, чем корни гор; она — опора, которой держится вселенная. Божие слово предшествует всему, ибо оно всё сотворило; а Его мысли — рельсы, по которым движется мир.

[6] Пророкам было дано так близко подойти к Богу, так полно войти в сочувствие и общение с Ним и так ясно узнать Его намерения, что их собственные мысли становились тождественны Его мыслям; поэтому, когда

они говорили, их слова были Божиими словами. Они не только предваряют многие изречения формулой «Так говорит Господь», но — что гораздо удивительнее — часто начинают без всякого вступления и продолжают речь от первого лица единственного числа, хотя говорит не пророк, а Иегова: словно их личность настолько объята Его личностью, что совершенно исчезает.[24]

[7] Но это замечательное знание Божиих мыслей было дано пророкам не для них самих. Философ может уединиться, чтобы изучать законы вселенной, и удержать выводы при себе; даже поэт, возможно, настолько счастлив собственным видением красоты, что не заботится о том, чтобы спеть миру свою песнь. Но не таков пророк. Он тоже, в самом строгом смысле, был самостоятельным мыслителем, и новые представления о Боге, которые ему было дано принести миру, восходили в его сознании с той сокровенной радостью, которая заставляет творческого мыслителя чувствовать себя

[8] «Словно страж небес,
когда новая планета вплывает в поле его зрения».

[9] Один из пророков выражает эту сокровенную радость словами: «Обретены слова Твои, и я съел их; и было слово Твоё мне в радость и в веселие сердца моего»; а после ночи откровений говорит: «При этом я пробудился и посмотрел, и сон мой был приятен мне». Но знание Божиих мыслей и воли, полученное пророками, предназначалось не им, а другим. Это было не отвлечённое знание, а знание Божией воли о ходе истории — о том, «что должен делать Израиль». Словом, это было не только откровение, но и весть.

10 Поэтому одной из самых заметных черт пророков было сознание, что они посланники, которым доверено сообщение и которые обязаны его передать. Если те, к кому их посылали, принимали их — прекрасно; но если нет, это не освобождало их от долга. Человек, говорящий с людьми ради собственных целей — приобрести влияние на их дела или показать таланты и добиться известности, — продолжает говорить, пока они готовы слушать; если же они не ценят его стараний или занятие ему надоело, он может удалиться и больше не подавать голоса. Но пророк так поступить не мог. Его весть могла вызвать ожесточённое сопротивление и часто вызывала его: «Горе мне, мать моя, — восклицает Иеремия, — что ты родила меня человеком, который спорит и ссорится со всею землею!» Охотно он оставил бы борьбу, если бы мог, и нашёл пристанище в какой-нибудь далёкой пустыне. Но сознание посланничества гнало его вперёд: «И подумал я: “не буду я напоминать о Нём и не буду более говорить во имя Его”; но было в сердце моём, как бы горящий огонь, заключённый в костях моих, и я истомился, удерживая его, и не мог».

11 Именно это придавало пророкам свойственное им удивительное мужество. В своей вести они забывали о себе. Божий огонь в костях не позволял колебаться. Приходилось ли пророку бросить вызов хмурому царю или разъярённой толпе, он делал лицо твёрдым, как кремень. На карту могли быть поставлены покой, доброе имя, сама жизнь; но он должен был высказать всё, что сказал ему Бог, станут ли люди слушать или откажутся.

12 2. Другая сторона пророческого слова состояла в том, что оно было вестью людям. Если, с одной стороны, слово пророков было силой потому, что являлось словом или

мыслью Бога, то, с другой, его действие зависело от того, становилось ли оно словом, которое адресаты могли повторить на собственном языке и тем самым превратить в собственную мысль. Ведь лишь когда пророческое слово так изменяло человеческие умы, что они начинали в свою меру мыслить Божиими мыслями, весть пророка становилась влиянием в их жизни. Поэтому пророк должен был занимать двойное положение, а в его уме должен был совершаться двойной процесс. Сначала ему следовало всецело обратиться к Богу, отвернувшись от мира, и освободить ум от всего остального, чтобы принять весть в чистоте; затем — повернуться к людям и, учитывая их обстоятельства, передать её самым действенным образом. Прежде он должен был позволить Божией вести овладеть собой; затем самому обратиться к ней и овладеть ею, прежде чем стать посредником, передающим её другим.

13 Пророки должны были идти к людям, даже рискуя жизнью, и передавать Божию весть. Они должны были пользоваться всеми средствами, чтобы она действовала, вступая при каждом удобном случае и давая строку за строкой, правило за правилом, тут немного и там немного. Они не пренебрегали самыми простыми способами, если те служили цели. Пророк мог публично ходить с ярмом на шее, словно вьючное животное, или целый год лежать на боку, чтобы привлечь внимание к важной истине. Не раз мы встречаем пророка, ставящего на рыночной площади доску с несколькими словами, в которых он сжал свою весть, чтобы прохожие могли её прочесть.

14 С другой стороны, когда это было уместно, они не жалели труда на совершенствование тех достоинств

стиля, которые делают слова привлекательными и впечатляющими.[25] Пророческие книги почти столь же художественны, как поэмы. Их литературная форма не вполне поэзия, хотя временами она пересекает собственную границу и становится поэтической. Это своего рода ритмическая проза, подчинённая особым законам и тщательно их соблюдающая. Впрочем, не все пророки одинаково заботливы об этом. Некоторые, по-видимому, были настолько захвачены вестью, которую должны были передать, что мало думали о способе передачи. Но это были не сильнейшие из пророков; и стоит отметить: больше всех заботившиеся о форме своих слов оказались наиболее успешными в том смысле, что последующие поколения читали их чаще других.

15 Первым среди них в этом отношении стоит Исаия. Если бы мы рассмотрели Библию обычного читателя, то, полагаю, обнаружили бы, что страницы Исаии зачитаны гораздо сильнее остальных пророческих писаний. Причина не только в божественно-евангельском характере его вести, но и в благородно человеческом стиле речи.[26] Ему подвластны все средства поэзии и красноречия. Каждая область природы снабжает его запас образов; язык его проходит через все формы красоты и величия, звуча то как звон серебряных колоколов, то как грохот лавин, то как песни серафимов. Обычно считают, что он родился в Иерусалиме и провёл жизнь в его стенах. Его настолько отождествляют с этим городом, что начинают называть Исаией Иерусалимским; один из недавних толкователей его пророчеств говорит, что Иерусалим значил для него больше, чем Афины для Демосфена, Рим для Ювенала или Флоренция для Данте. Но в какой-то период он должен был также приобрести большой опыт сельской жизни, потому что картины

природы отражены на его страницах с несравненным обаянием.

16 Он даёт нам увидеть природу своего времени — и дикую, лесную и пустынную, и возделанную возле человеческого жилья; рисует самих сельских жителей и труды, на которые они выходят. На его страницах мы видим лесные деревья, колеблемые ветром, ивы у водных потоков, свежие побеги на пне срубленного дуба или теревинфа. Слышим, как из глубины чащи стонут голуби; видим, как гонимая охотником косуля скрывается в зарослях, и даже как школьник столь беспощадно разоряет птичьи гнёзда, что «никто не пошевелил крылом, и не открыл рта, и не пискнул». Видим рои пчёл и мух, отдыхающих на ветвях в летний зной; лемех в борозде; паклю и прялку; вола, поворачивающего голову навстречу ласкающей руке хозяина, и осла, бегущего в час кормления к хозяйским яслям. Особенно наблюдательно и сочувственно пророк смотрит на человеческий труд: на лесоруба, прореживающего лес; плотника, пилой и топором приспосабливающего к своим нуждам сикомору и кедр; строителя среди кирпичей и камней; земледельца, на открытой высоте гумна веющего зерно лопатой и веялкой. Как обычно в Библии, с особым почётом изображён пастух: зовёт ли он соседей отогнать льва от стада или собирает ягнят на руки и несёт у груди. Но больше всего поэт-пророк любит задержаться в винограднике, точно отмечая все действия виноградаря и все стадии роста лозы. Мы видим, как мотыгой рыхлят склон, собирают почву, выбирают камни, устраивают точило и сторожевую башню. Затем видим посаженные корни и последовательное развитие лоз: от поры «прежде сбора, когда цветение окончено и незрелый виноград завязывается из цветка», до времени, когда виноградник

звенит песнями сбора и сборщики остатков снимают последние гроздья с крайних ветвей.

17 Когда бы эти картины природы ни отложились в памяти Исаии, они возвращались к нему в пророческом труде и давали образы, с помощью которых возвещаемые им Божии истины становились впечатляющими и привлекательными для соотечественников и желанными для всех последующих поколений. Ведь человек устроен так, что истина никогда не покоряет его столь сильно, как тогда, когда он видит её отражённой в вещественном образе.

18 Эти две стороны пророческой деятельности приблизительно соответствуют тому, что мы назвали бы мыслью и выражением. Или, говоря ещё шире, проповедник должен быть человеком, которому есть что сказать и который знает, как это сказать. На этих двух кажущихся простыми качествах держатся вся наука и всё искусство нашего призвания.

19 В действительности они не просты. Иметь верное слово — великая заповедь; уметь верно его произнести — хотя и вторая после неё, но едва ли меньшая. Задача служения — сохранять обе в совершенном равновесии: произносить слово, которое одновременно является и вестью от Бога, и вестью людям.

20 Можно оказаться настолько захваченным Божией вестью, что утратить самообладание и даже рассудок. В Писании мы встречаем проявления пророчества, близкие к безумию. Как ветер, поймавший парус, перевернул бы лодку, если бы снасти не были отрегулированы для ослабления натяжения, так Божие дуновение могло бы вывести ум из равновесия, когда человеческая личность

оказывается подавлена нахлынувшим вдохновением. Таким образом, религия может сделать человека фанатиком, не владеющим собственным духом и не имеющим мудрости выбрать ни время речи, ни выражения для обращения к ближним. С другой стороны, ещё легче впасть в противоположную крайность. Можно придать форме слов такое значение и настолько овладеть искусством привлекать внимание, что забыть о необходимости иметь Божию весть и зависеть от силы Божиего Духа. Пусторечивый мастер слова, чей собственный дух не покорён ни великими мыслями, ни сознанием великой ответственности, но который умеет обращать на свои выступления людские взоры и заслуживать фимиам похвал, всегда был слишком знакомой фигурой в религии. За совершенным равновесием обеих сторон нужно обратиться к такому человеку, как Исаия. Здесь вы найдёте Божие дуновение во всех степенях — от нежнейшего шёпота до силы бури, — и одновременно совершеннейшее самообладание и приспособление слова к вкусам и нуждам тех, кому оно обращено.

[21] Есть название, которым пророки иногда называют себя и которое прекрасно выражает соединение и равновесие этих двух сторон их деятельности. Они называют себя истолкователями. Сам процесс перевода, когда он выполнен хорошо, чрезвычайно интересен. Мне доводилось слышать, как оратор с величайшим жаром обращался к толпе, не понимавшей ни слова; но по мере того, как фразы слетали с его уст, другой оратор рядом подхватывал их и с таким же пламенным тоном и столь же выразительными жестами передавал слушателям на их языке — так действенно, что всё производило впечатление первоначальной речи. Переводчик

принимает предназначенную людям весть на непонятном им языке и сообщает её на их собственном. Иегова непрестанно говорил со Своим народом в превратностях его истории, но люди не понимали смысла. Пророк же понимал: принимал Божию весть в собственную душу, а затем шёл и передавал её народу привычными словами. Переводчик должен знать по меньшей мере два языка: тот, на котором приходит весть, и тот, на котором нужно её передать. Если один из них он знает несовершенно, настолько же несовершенным будет перевод. Возможно, ни один Божий истолкователь не знает оба языка одинаково хорошо. Одни несовершенно знают Божий язык, зато прекрасно — человеческий. Их слова интересны, свежи и человечны, но Божией вести в них немного. Другие далеко проникли в Божию тайну и хорошо знают Божий язык, но недостаточно владеют человеческим. Это святые люди, их характер внушает благоговение, однако их слова не находят дороги к человеческим делам и сердцам.

[22] Я встречал ту же истину, выраженную иначе. Толук, один из самых даровитых современных проповедников, заметил: отцом проповеди должно быть небо, а матерью — земля. Почему, спрашивает он, половина наших проповедей не достигает цели? Потому, что, интересно говоря об обстоятельствах и отношениях жизни, они рассматривают их лишь в свете, идущем снизу, а не льющемся свыше; мать у них — земля, но небо им не отец. А почему другая половина не трогает сердца? Потому, что, показывая небесные предметы, сияющие вдали, они не приносят их в дома и мастерские, на большие дороги и просёлки повседневной жизни; отец у них — небо, но земля им не мать.[27]

[23] Действительно, господа, определение проповедника как человека Слова охватывает очень широкую область наших обязанностей; разбор его содержания даст своего рода естественную историю важнейшей части еженедельного труда служителя.

[24] 1. Быть человеком Слова — значит владеть Божиим Словом. На кафедре человеку недостаточно иметь что сказать: это должна быть весть от Бога. Где её найти? Теперь нам не нужно, как пророкам, искать её в пустоте. Их труд не был напрасным. Они трудились для своего времени, но также для всех времён. Пророки и апостолы придали непреходящую форму началам, которыми управляется мир, и дали образцовое выражение важнейшим истинам, которые человек должен знать для спасения и руководства жизнью. Поэтому они и поныне служат нам, а мы можем начать с того, на чём они остановились. Получающий ныне Божию весть находит её в Божием Слове.

[25] Отсюда одно из первых требований к служению — близкое знакомство с Писаниями. К этой цели направлена значительная часть необходимой вам университетской учёбы; с той же целью нужно формировать и последующие привычки служительской жизни. Большую часть нашей работы составляет исследование Писания, и проповедник высшего порядка всегда будет человеком сильным в Писаниях. Нам довелось жить во время, когда вопросы о Библии стали самыми многочисленными и трудными в богословии, а многие принятые мнения вновь поставлены под вопрос. Полагаю, большинство студентов богословия испытывают больше недоумений относительно богодухновенности и связанных с нею вопросов, чем относительно любых других предметов. С другой стороны,

внимание к Библии никогда не было столь велико, как теперь, а методы её изучения совершенствуются ежедневно. И при всех трудностях сомнительно, чтобы когда-либо в церкви существовала более сильная убеждённость в том, что в Своём Слове говорит Бог. Опыт служения с каждым годом углубляет это убеждение. Если позволено сослаться на личный опыт, я никогда не заканчивал внимательного изучения какой-либо библейской книги вместе с общиной без нового уважения к её литературному достоинству и более глубокого впечатления от её Божией мудрости. Чем больше исследуют Библию, тем больше её любят; и тем сильнее убеждение, что её глубокие истины — Божии ответы на глубочайшие нужды человеческой природы.

[26] Однако передавать Божию весть — не значит лишь читать написанное пророками и апостолами и механически повторять его. Божий посланник должен сам приблизиться к Богу и пребывать в Его сокровенном присутствии, как они. Слово должно отделиться от книги и стать живым элементом опыта, прежде чем принесёт пользу даже самому читателю; и тем более, конечно, прежде чем сможет принести пользу другим.[28] Именно истина, ставшая личным убеждением и горящая в сердце так, что невозможно молчать, является вестью человека. Число таких истин, усвоенных им из Библии и проверенных собственным опытом, — мера его силы.[29] Между человеком, который так говорит о познанном из внутреннего побуждения, и человеком, чья проповедь — всего лишь литературное упражнение на библейскую тему и который говорит только потому, что наступило воскресенье, прозвонил колокол и надо исполнить долг, — огромная разница.

[27] Выбор темы проповеди должен определяться прежде всего силой, с которой Слово овладевает убеждением проповедника. А если тема задана — например, при последовательном разборе библейской книги, — тем же способом следует определять вопросы для рассмотрения. Иногда, когда проповедник читает Слово, текст словно выпрыгивает со страницы и, завладев умом, настойчиво требует, чтобы о нём проповедовали. Проповедь на такой текст почти всегда удачна; поэтому разумный человек позаботится собирать подобные тексты, когда они встречаются. Он подчеркнёт их в Библии или, ещё лучше, внесёт в особую записную книжку, добавив, быть может, несколько слов о первых возникших направлениях мысли. Время от времени заметки можно пополнять; и, обратившись к заполненной таким образом странице, служитель нередко обнаружит почти готовую проповедь.[30] Доктор Уэнделл Холмс рассказывает, что Эмерсон вёл такую записную книжку для тем будущих лекций и намёток мыслей, которые можно развить. Он называл её своей сберегательной кассой: пусть вклады были малы, постепенно они превращались в богатство. И места, которые слушатели и читатели принимали за вспышки внезапного литературного творчества, на деле являлись результатом медленного накопления. Если это требовалось даже такому гению, как Эмерсон, обыкновенному человеку тем более. Золото мысли обычно приходится собирать золотым песком.

[28] 2. Но это уже приводит ко второй ступени нашей естественной истории: проповедник должен владеть человеческими словами. Весть от Бога, которую мы несём, должна стать вестью людям, а значит, нужно знать, как успешно привлечь к ней их внимание. Как бы сильно ни было наше убеждение, оно может оставаться

неоформленным и незрелым; прежде чем стать убеждением других, оно должно обрести форму, пробуждающую их внимание. Оно может принадлежать области мысли, с которой они не знакомы; его нужно приблизить, пока оно не войдёт в круг их собственных представлений.

[29] Такова задача составления проповеди — будь то полное письменное изложение или расположение материала в памяти перед произнесением. Здесь можно было бы дать много полезных правил.

[30] Часто рекомендуют держать в уме аудиторию, к которой обращено сочинение. Если это значит, что автор за письменным столом должен воображением вызвать перед собой церковные скамьи и сидящих на них людей, не знаю, осуществимо ли такое правило. Но если имеется в виду, что, составляя проповедь, нужно учитывать обстоятельства слушателей — уровень их образования, интересующие их вопросы, уже приобретённые познания в Писании и тому подобное, — то это одна из главных тайн проповеднического искусства; в последующей лекции я вернусь к ней подробнее. Однажды я слышал, как господин Сперджен произнёс характерную для него проповедь на необычный текст из Осии: «Я был для них как бы снимающим ярмо с челюстей их, и подкладывал пищу им». Поясняя первую часть, он живо изобразил лондонского возчика на Корнхилле: лошадь одолела подъём, возчик ослабляет сбрую, вынимает удила изо рта и привязывает мешок с зерном. Вторую часть он с юмором и мудростью применил к поведению проповедников. Как возчик в конюшне «подкладывает» лошади сено, так проповедник должен «подкладывать» общине пищу. Возчику нельзя положить корм слишком

высоко, куда лошадь не дотянется, или слишком низко, куда ей не опуститься; надо положить именно там, где она сможет удобно взять и съесть его. Так и проповедник не должен помещать свою весть ни слишком высоко, за пределами понимания общины, ни слишком низко, где она не вызовет уважения, а именно там, где люди легко и удобно её достигнут. Этот своеобразный образ часто вспоминался мне за работой и заставлял серьёзно спрашивать себя, излагаю ли я истину так, чтобы община могла её усвоить.

[31] Предложено множество правил для завоевания внимания общины. Некоторые подчёркивают необходимость начинать проповедь с чего-то яркого. Евангелист господин Муди, чьё мнение в таком вопросе должно иметь вес, советует помещать лучшее в начале, пока внимание ещё свежо. Другие предпочитают противоположный порядок. В первой половине речи почти любая аудитория даёт оратору возможность высказаться; поэтому здесь следует поместить более тяжёлый и сухой материал, который необходимо сообщить. Но примерно в середине внимание начинает колебаться: тогда должны появиться более живописные и интересные элементы, а самое лучшее следует оставить к завершению, чтобы последнее впечатление было сильнейшим.[31] Святой Августин говорит, что речь должна учить, радовать и убеждать;[32] и, пожалуй, в целом эти три воздействия должны следовать именно в таком порядке. Сначала — более поучительное, факты и объяснения, обращённые к уму; затем — образы и трогательные элементы, касающиеся чувств; наконец — волнующие и внушающие благоговение соображения, пробуждающие совесть и определяющие волю. Тогда впечатление возрастало бы от начала к концу.[33]

[32] Чтобы овладеть языком, полезно слушать лучших ораторов и читать лучшие книги. Мне довелось знать немало знаменитых проповедников, и я заметил, что почти все без исключения основательно знали весь круг высокой английской литературы. Если в памяти звучит музыка Шекспира или Мильтона, а в слухе остаются ритм и размах фраз Теккерея и Де Квинси, хороший стиль приобретается почти незаметно.[34] Перечитывая собственную старую проповедь, я почти всегда могу определить, читал ли хорошую литературу в неделю её составления. Если да, язык обычно полон и гармоничен, рассыпан яркими цветами изречений и иллюстраций; если нет, стиль оказывается, как правило, сухим и дёрганым.[35]

[33] Назову ещё одно правило составления проповеди, которое кажется мне самым важным: отведите достаточно времени. Начать вовремя и закончить вовремя — в этом, часто говорю я себе, весь долг служителя. Причина того, что столь многие наши проповеди незрелы по мысли, несоразмерны по расположению материала, лишены литературной красоты и неубедительны при произнесении, заключается в слишком позднем начале и слишком поспешном написании. Особенно длительным должен быть процесс обдумывания; не столь важно, чтобы медленным был сам процесс письма. Когда тема долго переворачивается в мысли, ум начинает пылать ею; сама тема разогревается, начинает плавиться и сверкать, пока наконец не изливается свободным и горячим потоком. Стиль — не нечто добавленное к мысли извне. Это просто красота самой истины, найденная достаточно глубоким проникновением; и худшее осуждение небрежного, непривлекательного стиля состоит в том, что он искажает достоинство истины.

[34] 3. Проповедник должен владеть устным словом. После того как истина подготовлена в кабинете для усвоения слушателями, ей предстоит пройти ещё одну ступень — устное произнесение. Эту часть естественной истории проповеди нельзя упускать из виду. Хорошо составленная в кабинете проповедь может потерпеть неудачу на кафедре. Более того, это одна из самых ответственных ступеней всего процесса. Мало что бывает огорчительнее, чем получить весть, провести за её составлением трудную и счастливую неделю, а в воскресенье, спускаясь с кафедры, знать, что цель не достигнута. Между тем такое случается далеко не редко. Одна и та же проповедь может однажды иметь успех, а в другой раз оказаться частичной или полной неудачей.

[35] Трудно сказать, в чём состоит хорошее произнесение. Это новое возгорание творческого огня в присутствии общины; способность заново продумать тему, стоя перед людьми. Оно должно быть не простым повторением прежнего процесса, а новым, самобытным действием ума здесь и сейчас. Толук, которого я уже упоминал, говорит, что проповедь должна родиться дважды: сначала в кабинете, в процессе составления, затем на кафедре, в процессе произнесения. Немало проповедей, подлинно рождённых умом в кабинете, на кафедре оказываются мертворождёнными.[36]

[36] Некоторые проповедники обладают удивительной лёгкостью: сразу и всякий раз устанавливают связь с аудиторией, так что от первого до последнего слова происходит общение между умом на кафедре и умами на скамьях. Для других это самая трудная часть проповеди. Трудность — спуститься к людям и действительно иметь дело с ними. У многих проповедников есть мысль, и

выражают они её вполне приличными словами, но люди почему-то не слушают и не могут слушать.

37 Если бы сенат этого университета когда-нибудь решился на опыт и пригласил мирянина прочитать данный курс о проповеди, я уверен: он уделил бы этому больше внимания, чем мы, и поставил бы ясное и действенное, а по возможности изящное и красноречивое, произнесение в число главных требований к кафедре. Не знаю, как у вас, но в мои студенческие годы мы скорее презирали вопросы произнесения. Мы были настолько уверены в силе идей, что не придавали значения способу изложения. Только бы содержание было хорошим, думали мы, — оно само себя проповедует. Мы любили повторять вслед за Фаустом:

> 38 «Здравый смысл и разум достигают цели
> почти без помощи искусства и правил.
> Будь искренен! Тогда зачем искать
> слова, лучше всего выражающие твою мысль?»

39 Так мы думали; и многие из нас с тех пор за это расплатились. Мы знаем, сколько проповедей каждое воскресенье произносится в церквах страны; но знает ли кто-нибудь, сколько из них действительно выслушивают? Газеты время от времени сообщают, сколько людей присутствует в наших общинах; но кто скажет, какая их доля слушает? Подозреваю, точный процент привёл бы нас в ужас. И дело не в отсутствии хорошего материала, а в том, что его плохо произносят. При создании паровых машин задача, насколько я понимаю, состоит в том, чтобы получить как можно больше работы из сожжённого угля. Во всякой построенной до сих пор машине большая или меньшая часть тепла теряется: рассеивается в окружающем воздухе или уносится соседними частями

механизма, не совершив работы. Инженерное искусство постепенно уменьшает потери и получает всё большую долю работы из топлива; совершенной была бы машина, в которой весь израсходованный уголь получил бы полный эквивалент в выполненной работе. Одна из наших задач, кажется мне, сходна. Между энергией, затраченной за неделю на подготовку, и впечатлением, произведённым на слушателей в воскресенье, существует огромная несоразмерность. За свой труд служители получают недостаточный результат во внимании, удовлетворении и радости слушателей; а сбой находится в средстве сообщения между кабинетом и общиной — то есть в произнесении проповеди. Я прошу лишь о том, чтобы сожжённый уголь давал больше работы.[37]

40 4. Завершая эту лекцию, господа, позвольте подчеркнуть ещё один смысл, в котором пророки были людьми Слова и заслуживают подражания. Они владели письменным словом. Они не только говорили Божие слово, но и записывали его для обнародования, иногда пространнее, иногда сжатее, чем при устном произнесении. Этим они не только расширили своё влияние при жизни, но и чрезвычайно продлили его после неё.

41 Удивительно, как немногие из возвещавших Божие слово развивали этот способ его передачи; и, пожалуй, столь же удивительно, как немногие из развивавших делали это всерьёз. В прошлом столетии продвижения в Англиканской церкви добивались литературными успехами; но будущий епископ обычно не думал о религиозной литературе: он издавал политический памфлет или готовил издание греческой пьесы. Среди шотландских умеренных существовало сильное

стремление к литературному отличию, но тем выше оно ценилось, чем дальше область успеха отстояла от особого труда служителя. Это побуждало евангельскую сторону неодобрительно относиться к литературной деятельности: её считали порождением нечистых побуждений и возможным отвлечением ума от истинных целей служения. Но, конечно, существует взгляд справедливее как умеренного, так и евангельского. Этот труд следует развивать с теми же целями и той же серьёзностью, что и проповедь. Если человек действительно к нему призван, он получает доступ к огромной аудитории, и на труде может пребывать исключительное благословение. Вот примечательная цепь из истории британского христианства: Ричард Бакстер написал «Призыв к необращённым», и чтение этой книги привело к обращению Филипа Доддриджа; Филип Доддридж написал «Возникновение и развитие религии в душе», и её чтение привело к обращению Уильяма Уилберфорса; Уилберфорс написал «Практический взгляд», и её чтение привело к обращению Томаса Чалмерса. Какое далеко простирающееся влияние представляет каждое из этих имён! Написание книг, пожалуй, — самый вероятный из всех путей, позволяющих донести религиозное влияние до наиболее избранных умов.

Лекция V. Проповедник как лжепророк

[1] Всякому, кто изучает облик пророческой эпохи, так постоянно бросается в глаза одна неприятная черта, что даже в самом кратком очерке её невозможно обойти. Это деятельность лжепророков.[38] Наивысшего развития она достигла при Иеремии, весь путь которого почти можно назвать борьбой с ними. Снова и снова между ним и ими начиналась открытая война; по крайней мере однажды они всем сообществом объединились, чтобы лишить его жизни. Едва ли меньше страдал от них Иезекииль. В жизни Исаии они, возможно, не были столь заметны, но и он упоминает их часто; вообще их мрачные фигуры преследуют читателя на страницах всех пророков.

[2] Говорить о них — своего рода унижение, и я охотно прошёл бы мимо; но на фоне ложного образ истинного пророка станет перед нами яснее. К тому же, пожалуй, наш долг — взглянуть и на те формы падения, которым подвержено наше служение. Чем выше честь служительского звания при достойном исполнении, тем глубже возможное злоупотребление им в сравнении с другими призваниями. Его обязанности настолько священны, что исполняющий их должен быть либо человеком Божиим, либо лицемером. Однако существует множество низших побуждений, способных занять место истинных целей служения. Как ни больно говорить об этом, здесь опять избранный нами метод следования Писанию, возможно, ведёт нас лучше, чем повели бы себя мы сами. Может оказаться полезным посмотреть на ту сторону нашего предмета, которой добровольно мы избегали бы.

[3] В Писании есть две вещи, о которых я никогда не мог думать без сильного чувства страха и недоверия к себе.

[4] Одна из них — то, что Сына Божия, пришедшего на землю, преследовали и убили религиозные круги. Его смертельными противниками были книжники и фарисеи. Но кто такие книжники и фарисеи? Книжники занимали в обществе почти то же место, какое у нас занимают литераторы, учёные и духовенство; а фарисеи были просто теми, кого теперь назвали бы ведущими религиозными мирянами. Если бы они принадлежали к ложной религии, в их сопротивлении окончательному откровению истинного Бога не было бы ничего удивительного. Но исповедуемая ими религия была истинной; книжники толковали Слово Божие, а фарисеи занимали первые места в Божием доме. И всё же, когда среди них появился Сын Иеговы, Чьим именем они назывались, они отвергли Его и лишили жизни. Много раз, шаг за шагом следуя за Иисусом в Его пожизненной борьбе с их неприязнью и противлением, я болезненно спрашивал себя: если бы Он пришёл на землю сейчас и вмешался в наши дела, как приняли бы Его религиозные круги? И на чьей стороне оказался бы я сам? Кому этот вопрос кажется фантастическим, пусть заменит его другим, который нельзя назвать праздным, хотя смысл совершенно тот же: как относятся религиозные круги к проявлениям духа Иисуса в сегодняшней жизни? Приветствуют ли и поддерживают их? Или новые идеи и движения, в которых Христос идёт к завоеванию мира, должны ожидать сопротивления даже от тех, кто громче всех называет себя Его именем?

[5] Другое обстоятельство, часто вызывавшее во мне то же чувство, — то самое, которое сегодня перед нами:

истинным пророкам Ветхого Завета приходилось встречать сопротивление не только язычников и открыто неверующих соотечественников, но и людей, у которых на устах было Божие имя и которых общество признавало Его провозвестниками. Для нас теперь это лжепророки, потому что время разоблачило их и Слово Божие заклеймило заслуженным названием. Но в своё время их считали истинными пророками; и, несомненно, многие из них даже не подозревали, что не имеют права на это имя.

6 Они, должно быть, составляли многочисленную и влиятельную группу. Иеремия вновь и вновь упоминает их рядом с царём, князьями и священниками, словно четвёртое сословие государства; Софония так же упоминает их вместе с князьями, судьями и священниками. Очевидно, это был отдельный, заметный общественный слой. Нельзя предполагать, что во всяком поколении они были одинаково дурны; среди них могли существовать многие степени отклонения от характера истинного пророка. Но как целое они были ложными, и подлинным Божиим служителям приходилось причислять их к противорелигиозным силам, которые надлежало преодолеть.

7 Страшен тот факт, что публичные представители религии могли оказаться её худшими врагами. Но нельзя отрицать, что такое положение существовало и в христианском мире, причём не один и не два раза.

8 В своё время эти люди не думали, что занимают такое положение; однако история вынесла им приговор. Человеку нелегко допустить мысль, что в его лице служение бесчестится, а его цель расстраивается; гораздо труднее признать это, когда его поддерживает господствующее настроение и он победоносно движется

вперёд вместе с большинством. Но в истории нашего сословия достаточно предостережений, чтобы бдительно следить за собой: как бы и нам, облечённым одеждой священного звания и властью церковной должности, не оказаться противниками Бога. Недостаточно думать, что, раз мы сидим на Моисеевом седалище и Слово Божие у нас на устах, мы непременно правы. Не следует слишком уверяться и в том, что мы в большинстве. Если мы верим в свои взгляды, разумеется, вполне правильно стараться дать им торжество; есть законная радость в том, что доброе дело завоёвывает человеческое сочувствие и голоса. Но мы слишком легко убеждаем себя, что наше дело доброе лишь потому, что оно способно выигрывать голосования. В церковных вопросах подсчёт голосов бывает не менее лихорадочным, чем в партийной политике. Большинство столь же уверено, что дело окончательно решено в его пользу; над побеждённой стороной торжествуют так, словно меньшинство само по себе доказывает неправоту. Но это не мерило, и время может сурово отменить минутную победу. Даже в церкви сторона лжепророков может расти и побеждать, тогда как Иеремия останется в меньшинстве из одного человека.

[9] Лжепророки были сильны не только численностью, но и народной популярностью. Это тяжело сказывалось на истинных пророках: люди не могли поверить, что одинокий человек прав, а многочисленные противники ошибаются. Должностные места и знаки власти всегда действуют на толпу, которая медленно приходит к выводу, что учителя, под чьим руководством она оказалась по промыслу, способны вводить её в заблуждение. До некоторой степени это достойное чувство, но оно возлагает на общественных учителей тяжкую ответственность. Если они идут неверно, обычно им

удаётся увлечь за собой большинство. Это может зайти так далеко, что народный вкус постепенно портится и уже не выносит никакого учения, кроме привычного, пусть даже ложного. Во всём пророчестве нет стиха печальнее жалобы Иеремии: «Пророки пророчествуют ложь, и народ Мой любит это». Каков пророк, таков и народ; общественное сознание может настолько привыкнуть ко лжи и удовлетвориться ею, что потеряет вкус к истине и даже терпимость к ней.[39] Иеремия не мог добиться внимания к своей строгой, веской вести от ушей, привыкших к лёгким и пустым взглядам лжепророков. А Варуху, молодому помощнику и писцу, вступавшему на пророческий путь с высокими надеждами юности, он должен был передать охлаждающую весть: «А ты просишь себе великого: не проси». Путь к популярности и почёту был закрыт для всякого, кто не говорил согласно господствующей моде.

[10] Лжепророки завоёвывали и удерживали популярность, потакая мнениям и предрассудкам народа. Времена Иеремии были чреваты надвигающимися бедствиями; он должен был предсказывать их неизбежность, потому что не было признаков глубокого и настоящего покаяния и, более того, время покаяния уже прошло. Самольстивые, любящие покой люди ненавидели эти неприятные истины. Их легкомысленные умы занимали пересуды и волнения дня; обратить внимание на величественные представления о Божием правосудии и далеко простирающемся Божием промысле, к которым звал Иеремия, требовало слишком большого усилия. Им хотелось наслаждаться настоящим и верить, что всё как-нибудь устроится. Лжепророки льстили этим желаниям. Они говорили, что предсказываемые Иеремией бедствия не придут или по меньшей мере

окажутся гораздо менее страшными. По словам Иеремии, они были похожи на бессовестного врача, который боится исследовать рану до дна, хотя от этого зависит жизнь больного. Иезекииль обвиняет их в том, что они шьют ночные колпаки, чтобы закрыть глаза и уши соотечественникам и не дать им видеть и слышать истину, а также надевают перчатку на обнажённую Божию руку, которой следовало поразить народные грехи. Их постоянным припевом было: «Мир, мир», — хотя грозовые тучи воздаяния уже готовы были разразиться. Народ говорил: «Пророчествуйте нам приятное», — и лжепророки давали предложение по спросу.

11 Нельзя утешать себя тем, будто эта опасность всецело принадлежит прошлому. Спрос на приятные слова будет всегда, как и соответствующее вознаграждение тому, кто согласится поставлять их именем Бога. Популярность всегда будет желанной; при некоторых условиях за неё следует благодарить. Если она означает торжество истины и подчинение умов её власти, то это драгоценный дар неба. Хорошо видеть множество людей, приходящих слушать Слово Божие; полный храм приносит много радости и вдохновения и проповеднику, и слушателям. Но за популярность можно заплатить слишком дорого. Её приобретают подавлением истины и снижением требований христианства. Всегда будет спрос на религию, которая не слишком тревожит ум и не мешает занятиям мирской жизни.

12 Я читал очень резкую статью американского автора о власти состоятельных членов церкви диктовать тон кафедре; вообще служителей часто обвиняют в лести влиятельным слоям общины. Если община богата, говорят, они боятся выступить за бедных, даже когда

справедливость громко требует того; если бедна — становятся на сторону рабочего, прав он или нет. Я сомневаюсь, часто ли ощущаются столь грубые искушения. Гораздо опаснее тонкие: угождать духу века, любой ценой держаться стороны образованных и остроумных, избегать истин, за произнесение которых учителя могут назвать устарелым и узколобым. Пусть проповедник всегда останавливается на солнечной стороне истины и скрывает тени; пусть непрестанно распространяется о простом и человеческом в христианстве и легко обходит таинственное и Божие. Пусть, например, говорит о человеческой стороне Христа, но молчит о Его Божестве; утверждает пример Христа, но ничего не говорит об искуплении; превозносит лучшие стороны человеческой природы, но молчит о её испорченности; часто проповедует о славе будущего мира, но никогда не упоминает его ужасов. Очень вероятно, что он станет популярным и увидит церковь переполненной; но он будет лжепророком.[40]

[13] Кем были эти лжепророки и почему их оказалось так много? Внимательный читатель Библии не может не задать таких вопросов; но ответить на них отнюдь не просто.

[14] Пророки, имена которых дошли до нас, вовсе не многочисленны; но кроме них должно было существовать много других истинных пророков. Бывали времена, когда дух религии дышал через всё общество, и тогда не было недостатка в людях, чувствовавших призвание стать его голосом. Дух вдохновения мог сойти на любого в любое время; никакой установленной подготовки для пророка не требовалось. Он мог прийти, как к Амосу, к земледельцу на поле или к пастуху среди стада; мог осенить молодого

знатного человека среди первых жизненных удовольствий, как Исаию и Софонию; мог прийти, как к Иеремии и Иезекиилю, к молодому священнику, готовящемуся к священным обязанностям.

15 Но некоторые из наиболее выдающихся пророков старались более последовательно распространять почивавший на них дух и тем самым умножать число пророков. Они основывали школы, в которых собирали подающих надежды юношей и давали им образование теми средствами, какие были доступны в ту эпоху: юноши занимались музыкой, читали писания прежних пророков и испытывали на себе влияние святого человека, стоявшего во главе школы. Это были школы пророков, а их ученики — сыны пророческие. Первым основателем таких школ, по-видимому, был Самуил. Они процветали во времена Илии и Елисея и, вероятно, с переменным успехом продолжали существовать в последующие столетия. Возможно, все прошедшие эти школы притязали или могли притязать на пророческое имя. Избравшие это занятие носили власяной плащ и кожаный пояс, знакомые нам по образу Иоанна Крестителя, и, вероятно, жили дарами тех, кто извлекал пользу из их прорицаний. Их число могло быть весьма велико: мы слышим о сотнях пророков даже при царствовании идолопоклонников, когда пророки подвергались гонениям.

16 Нетрудно понять, как полезны могли быть подобные учреждения в те времена, когда дух вдохновения широко действовал или когда в школах присутствовал великий духовный наставник, и как они могли становиться средоточиями, из которых религиозный свет и тепло распространялись по всей стране. Но и они были

подвержены упадку. Если общий уровень религиозной жизни в стране снижался, они разделяли всеобщее оскудение; вдохновляющий руководитель мог уйти, а единомысленный преемник, способный занять его место, так и не появиться; или в школу могли поступать люди, прежде не получившие подлинного призвания, и проходить весь курс, так и не получив его. Они лишь усваивали приёмы речи и заучивали религиозный язык. У них не было ни личного познания Бога, ни вести, непосредственно полученной от Него; однако надеть пророческую мантию и заговорить в традиционном пророческом тоне было нетрудно. Главное обвинение против лжепророков всегда одно: «Я не посылал пророков сих, а они сами побежали; Я не говорил им, а они пророчествовали».

[17] Если я прав, связывая происхождение лжепророчества со школами пророков, это указывает, где такая же опасность может подстерегать и нас. Очевидно, церковные руководители обязаны позаботиться о подготовке будущих служителей Евангелия; и для тех, кому дорога честь Церкви, естественно желать, чтобы дарования одарённых людей были посвящены её служению. Нередко и родители горячо желают, чтобы лучшие из их сыновей стали служителями. Эти желания старших вправе влиять на выбор нашего жизненного дела. Особенно большого внимания заслуживают желания и молитвы благочестивых родителей. И всё же существует опасность, что такое внешнее влияние подменит подлинный личный опыт и внутреннее призвание. Когда поколение назад в сельских областях Англии приходское место во многих селениях считали «доходной должностью», предназначаемой младшему члену семьи, которого само собой разумелось обучать для

неё, этот обычай — какие бы благоприятные результаты он ни давал в отдельных случаях — едва ли мог наполнить кафедры страны людьми пророческого склада. Благочестивые желания родителей, сколь бы прекрасны они ни были, должны быть безусловно подчинены призванию высшего порядка; иначе вместо людей, в которых действует дух вдохновения и которые говорят, потому что веруют, мы получаем искусственно изготовленное служение, не имеющее вести.

18 Что оставалось делать лжепророкам, у которых не было собственной вести? Самое лучшее, на что они были способны, — повторять сказанное предшественниками и подражать им. Именно в этом упрекает их Иеремия: «Посему вот, Я — на пророков, говорит Господь, которые крадут слова Мои друг у друга». Прежние пророки обычно начинали свои изречения словами «бремя Господне»; и Иеремия жалуется, что в устах его современников это стало отвратительной благочестивой присказкой. Точно так же Захария жалуется, что в его дни великое слово «утешение», которое с уст Исаии нисходило, как небесная роса, на иссохшие сердца народа Божия, превратилось в устах лжепророков в сухое и затасканное выражение. Насколько опасной могла стать привычка красть чужие слова, когда дело касалось практических решений, показывает один разительный пример. Неприкосновенность Иерусалима была убеждением прежних пророков, вполне истинным для их времени; Исаия прибегал к нему, чтобы вывести сограждан из отчаяния, когда войско Сеннахирима стояло у ворот. Но во времена Иеремии перемена обстоятельств сделала это убеждение уже неверным; лжепророки, однако, продолжали его повторять. И несомненно, как себе самим, так и другим они казались

стоящими на прочном основании, когда, возражая Иеремии, могли утверждать, что занимают ту же позицию, что и Исаия. Между тем они предавали тех, кто их слушал.

19 В одном смысле истина Божия неизменна: подобно Самому Богу, она вчера, сегодня и вовеки та же. Но в другом смысле она непрестанно меняется. Подобно манне, она каждое утро сходит свежей, а если сохранить её до завтра, в ней заводятся отвратительные черви. Исаия описывает истинного пророка как человека, которому дан язык ученика — не учёного, как передаёт английский Авторизованный перевод, — и чьё ухо каждое утро открывается, чтобы услышать весть нового дня. То, что было истиной вчера, сегодня может оказаться ложью; и надёжным истолкователем Божией воли бывает лишь тот, кто чуток к указаниям нынешнего Промысла.

20 Однако было бы ошибкой думать, будто единственная форма лжепророчества — иссохшая ортодоксия, бормочущая вчерашние лозунги. Если выступающий от имени Бога утратил связь с Богом и на самом деле не имеет Божественной вести, он может разными способами возмещать отсутствие истинного слова Божия. Самый лёгкий путь, несомненно, — опереться на какое-нибудь общепризнанное слово вчерашнего дня; но он может также пуститься по пути оригинальности, возвещая евангелие завтрашнего дня, созданное собственным воображением и не имеющее Божия одобрения. Ни ортодоксия, ни инакомыслие не дают гарантии: единственная гарантия — смиренный дух, живущий в сокровенном общении с Господом.

21 Я упомянул, что пророки жили приношениями тех, для кого их прорицания, как предполагалось, имели ценность.

Сведений об этом, правда, очень мало; однако их обвиняют в том, что они пророчествуют за хлеб, а корыстолюбие и жадность к благам земной жизни — упрёки, которые им бросают часто. Едва ли пророчество когда-либо было прибыльным занятием, но, по-видимому, оно по меньшей мере давало средства к существованию; есть и признаки того, что пользовавшиеся особой популярностью могли занимать высокое общественное положение. Иезекииль, чьи характеристики лжепророков необычайно выразительны, употребляет по отношению к ним многозначительное сравнение. Истинный пророк, говорит он, подобен огненной стене для своей страны: при надвигающейся опасности он становится в проломе и защищает её собственной жизнью; лжепророки же подобны лисицам, роющим норы среди развалин павших городов. Что им до унижения страны, лишь бы они нашли удобные места для себя?

[22] И это тоже болезненная сторона нашего предмета. Неизбежно, что служение становится средством к существованию, и всё же губительно заниматься им именно ради этого. Из всех профессий оно приносит меньше всего дохода, а между тем напряжение современной жизни может соблазнять людей вступать в него просто как в профессию. Даже если человек вступил в служение из более высоких побуждений, постоянное давление семейных нужд может иссушить благородные мотивы и превратить служителя в наёмника, думающего прежде всего о плате. [41] Коммерческий дух в наше время почти всемогущ; и люди, способные купить за деньги всё, полагают, что таким же образом можно приобрести и служителей. Так денежными посулами они уводят людей от дела, к которому тех призвал Бог. Я далёк от того, чтобы оспаривать важность проповеди для

состоятельных слоёв; и нам нужны образованные люди, способные проповедовать образованным. Мне столь же чуждо противопоставление бедных богатым как исключительного предмета церковной заботы, сколь и противопоставление богатых бедным. Но, пожалуй, самая насущная задача Церкви в настоящее время — приобрести и удержать рабочие слои. Мне хотелось бы видеть служителей, стремящихся работать среди них; и пусть тот, кто научился владеть такой аудиторией, перед которой может говорить с естественной свободой и силой, остерегается денежных приманок, влекущих его к положению, где его приручат, одомашнят, вырвут ему зубы и обрежут когти.

23 Дурные стороны лжепророков столь однообразны, что хочется увидеть в них хотя бы проблеск добра. Разве они не заслуживают хотя бы жалости? Не были ли это слабые люди, вознесённые на высоту, которая оказалась им не по силам? Время было исполнено перемен и трудностей, и требовался ясный взгляд, чтобы различать указания Промысла. Не всякому дан гений Исаии или величественное нравственное мужество Иеремии. Разве нельзя было смотреть на мир мягче, чем Иеремия, и всё же оставаться честным человеком? Не могли ли они хотя бы просто ошибаться, когда осмеливались произносить пророчества, опровергнутые историей?

24 Такие чувства легко возникают в нас, но отступают перед тем, что мы читаем о личном характере этих людей. «И пророк и священник — лицемеры, — говорит Иеремия; — даже в доме Моём Я нашёл нечестие их, говорит Господь». «В пророках Иерусалима, — говорит он от имени Бога, — вижу ужасное: они прелюбодействуют и ходят во лжи». Можно было бы подумать, что взгляд

Иеремии окрашен его собственным меланхолическим нравом; но Исаия не менее суров: «Священник и пророк спотыкаются от крепких напитков; побеждены вином, обезумели от сикеры». И он рисует эту страшную картину: «Стражи его слепы все и невежды: все они немые псы, не могущие лаять, бредящие лёжа, любящие спать. И это псы, жадные душою, не знающие сытости; и это пастыри бессмысленные: все смотрят на свою дорогу, каждый до последнего на свою корысть. Приходите, говорят, я достану вина, и мы напьёмся сикеры; и завтрашний день будет то же, что нынешний, да ещё и больше». Изображения у других пророков говорят о том же. Софония выносит всему этому сословию общий приговор: это люди легкомысленные и вероломные. Но самой глубокой пропасти мы достигаем у Захарии, предвидящего близкое время, когда само имя пророка станет позором, а отец и мать человека, притязающего на пророчество, пронзят его, чтобы избавить себя от бесчестья всякой связи с ним. [42]

[25] Влияние такого извращения священного служения, какое описано в этих местах, должно было быть плачевным; и, несомненно, оно было одной из главных причин крушения Иудейского государства. Иеремия прямо говорит, что от пророков нечестие распространилось по всей земле. Те, кому по положению и призванию надлежало служить примером согражданам, являли полную противоположность примеру. Они были товарищами нечестивых и распутных в их пиршествах и вместе с насмешниками глумились над людьми строгой и святой жизни. Поэтому Бог обвиняет их устами Иезекииля: «Вы ложью опечаливаете сердце праведника, которого Я не хотел опечаливать, и поддерживаете руки

беззаконника, чтобы он не обратился от порочного пути своего».

[26] Это страшная картина. И всё же в истории христианской и даже протестантской Церкви бывали эпохи, когда её черты воспроизводились с чрезмерно точной буквальностью. Будем благодарны за то, что живём в более счастливое время; но будем помнить и правило: «Кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть». Если Церковь утратит Духа Божия, нет такой глубины развращения, до которой она не могла бы быстро опуститься; а падшая Церковь — самая могущественная сила национального упадка.

[27] Позвольте мне, господа, в заключение сказать: я убеждён, что вопрос о том, каким будет облик и дух служения в том или ином поколении, решается в богословских семинариях. Каковы студенты там, таковы через некоторое время будут служители страны. И хотя установленная начальством дисциплина, наставления и пример профессоров могут кое-что сделать, дух учебного заведения определяют сами студенты. Настроения в богословской семинарии должны быть такими, чтобы всякий человек, чья жизнь несовместима с будущим призванием, чувствовал себя совершенно неуютно и чтобы каждый день в его совесть глубоко проникало убеждение: ему не место в служении.

Лекция VI. Проповедник как человек

[1] Господа, в предыдущих лекциях я закончил, насколько позволяло время, то, что хотел сказать о труде нашего служения на примере пророков; сегодня мы обращаемся к другой стороне предмета — к изучению современного пастырского труда в свете примера апостолов.

[2] Оставляя Ветхий Завет и открывая Новый, мы встречаем другой великий ряд проповедников, на которых должны взирать как на образцы. После многовекового молчания голос пророчества вновь раздался в Иоанне Крестителе; и его служение покаяния всегда будет иметь ценность, указывая ту школу, которая готовит человеческий дух к пониманию и принятию Христа. Я уже объяснил, почему сейчас не стану касаться проповеди Самого Христа, хотя этот предмет, словно магнит, притягивает мысль. После Христа первым великим христианским проповедником был святой Пётр; а между ним и святым Павлом стоит немало фигур второго ряда — например, Стефан, Филипп благовестник и Аполлос, — на которых было бы и приятно, и полезно задержаться. Однако мы договорились взять святого Павла как представителя апостольской проповеди, и я сосредоточусь на нём ещё полнее, чем сосредоточивался на Исаии как представителе пророков.

[3] Признаюсь, я с сожалением оставляю святого Петра в стороне. К нему, первому великому христианскому проповеднику, обращён особенный интерес; и в его необработанной, но сильной и привлекательной личности есть нечто удивительно притягательное. Кроме того, изучение тех воздействий, благодаря которым

порывистая неустойчивость и ненадёжность его ранней жизни превратились в скальную твёрдость, сделавшую его пригодным быть камнем основания, на котором созидалась Церковь, преподало бы нам некоторые из важнейших необходимых уроков. Ведь этими воздействиями были, во-первых, долгое и близкое общение со Христом, а во-вторых, излияние на него Святого Духа в Пятидесятницу; и для формирования характера служителя нет ничего необходимее этих двух влияний.

4 Но я без колебаний посвящаю оставшуюся часть этого курса святому Павлу, поскольку, как я указал во вступительной лекции, ни в одну эпоху нет другого человека, столь достойного стать образцом для христианских служителей. В нём все стороны характера служителя достигли почти сверхъестественной зрелости и гармонии; к тому же у нас имеются материалы для полного изображения. Я намерен говорить о святом Павле, во-первых, как о человеке; во-вторых, как о христианине; в-третьих, как об апостоле; и, в-четвёртых, как о мыслителе.

5 Итак, сегодня мы начинаем со святого Павла как человека. Если бы у меня было время изложить перед вами урок жизни святого Петра, главным в нём было бы то, что христианство может сделать из натуры, лишённой особых дарований и образования, и как две силы, сформировавшие его, — близость ко Христу и излияние Духа — могут заменить таланты и преимущества обучения. Ведь очевидно, что без Христа Пётр никогда не стал бы никем иным, кроме безвестного рыбака. Случай святого Павла преподаёт скорее противоположный урок: как христианство может освятить и использовать

природные дарования и как талант и гений находят своё благороднейшее применение в служении Христу. По всей вероятности, Павел стал бы заметной фигурой в истории, даже если бы никогда не сделался христианином; и хотя сам он любил относить ко Христу всё, чем стал и что совершил, очевидно, что и величие его человеческой натуры было одним из факторов его христианской истории.

6 По крайней мере однажды сам святой Павел признаёт такой взгляд, говоря, что Бог избрал его для Своего служения от чрева матери. В сознании Иеремии та же мысль пробудилась ещё определённее при его призвании, когда Иегова сказал ему: «Прежде нежели Я образовал тебя во чреве, Я познал тебя, и прежде нежели ты вышел из утробы, Я освятил тебя: пророком для народов поставил тебя». Это предполагает, что при самом первоначальном устроении его тела и ума Бог наделил его дарами, сделавшими его способным к великому поприщу. Здесь мы касаемся одной из глубочайших тайн существования. Нет ничего таинственнее поведения природы, когда в своих сокровенных лабораториях она руководит образованием зачатков жизни и распределяет дарования: от того, щедрой или скупой рукой они даются, в огромной мере зависит место и степень, которые каждый займёт в последующем мировом состязании. Особенно таинственно то, как в ту или иную душу, когда она выходит в мир, природа вдыхает дополнительную струю дыхания жизни и тем самым сообщает ей силу быть и делать то, чем другие напрасно пытаются стать и что напрасно пытаются совершить.

7 Несомненно, святой Павел был одним из таких избранников судьбы. Природа отлила его в самой крупной

и благородной своей форме и скрыла в его существе искру небесного огня. Это проявлялось в той напряжённой целеустремлённости и пламенной энергии, которыми был отмечен весь его путь. Он никогда не принадлежал к тем мягким, бесформенным существам, которые вечно ждут, пока обстоятельства придадут им очертания; скорее он сам был печатью, налагавшей на обстоятельства свой образ и надпись.

[8] 1. Он обладал в высшей степени нравственной натурой. Возможно, это было его основным отличительным свойством. Ни при каких обстоятельствах жизнь не могла казаться ему пустяком. Чувство ответственности было сильно в нём с самого начала. Он прошёл строгую школу, ибо жизненный закон, предписанный народу, к которому он принадлежал, был суров; но он откликался на него, и не было времени, когда глубочайшей страстью его натуры не являлось бы стремление получить одобрение Божие. По правде законной он был непорочен. После обращения он без утайки раскрыл грехи прошлого; но ему не приходилось исповедоваться в том заигрывании с плотью, которому легко предаются мягкие, потакающие себе натуры. Он никогда не позволил бы себе того, что лишило бы его уважения к самому себе. Чувство чести было в нём острым. Когда в дальнейшей жизни его обвиняли в низких поступках — лжи, лицемерии, корыстолюбии и ещё более тёмных грехах, — он испытывал мучительную боль, восклицал, словно раненый, и отбрасывал обвинения с энергией человека, уважающего себя. Он всегда старался иметь непорочную совесть не только перед Богом, но и перед людьми; и одно из самых частых его наставлений всем, кто каким бы то ни было образом свидетельствовал о Христе, состояло в том, чтобы стремиться являть себя честными людьми даже перед внешними. Из собственного

сердца говорил он, обращаясь ко всем: «Что только истинно, что честно, что чисто, что любезно, что достославно, что только добродетель и похвала, о том помышляйте».

[9] Не могу не остановиться здесь, чтобы сказать: никогда не станет проповедником тот, кто не умеет обращаться к совести; но как сможет это делать человек, у которого самого нет острого чувства чести и благоговейного трепета перед нравственной чистотой? Здесь мы совершаем большую ошибку. Мы проповедуем, обращаясь к фантазии, воображению, рассудку, чувствам, воле; и, несомненно, ко всему этому надо обращаться; но сражение будет выиграно или проиграно именно в совести. [43] Главная трудность миссионерского труда в том, что у язычников, как правило, почти нет совести: прежде чем сделать их христианами, её приходится едва ли не создавать. Во многих частях христианского мира она отмирает; а там, где она угасла, всю работу христианства приходится начинать заново.

[10] 2. Умственные дарования святого Павла признаны столь единодушно, что едва ли стоит о них упоминать. Ярче всего они проявляются в его изложении христианства, о котором я буду говорить в заключительной лекции. Пока же замечу, что склад его ума совершенно не похож на тот, какой мы обычно связываем с создателем системы.

[11] Его ум, несомненно, был мощным, основательным и строгим. Но он ни в малейшей степени не был неподвижным или педантичным. Напротив, это был ум удивительной гибкости. Не было материала, к которому он не мог бы приспособиться, и задачи, которой он не мог бы выполнить. Это можно наблюдать, например, в том,

как по-разному он обращается к различным слушателям. В одном городе ему предстоит говорить собранию иудеев, в другом — толпе сельских язычников, в третьем — философам. С иудеями он неизменно начинает разговор с героев их национальной истории; с невежественными язычниками говорит о погоде и урожаях; афинянам цитирует их собственных поэтов и произносит возвышенную речь. И всё же всякий раз он естественно приходит к своему предмету и проповедует каждой аудитории Евангелие на языке привычных ей представлений. Даже далеко за пределами собственной особой области святой Павел оказывался на высоте любого положения. Во время плавания в Рим, когда искусство моряков оказалось бессильным, а мужество воинов истощилось от долгой непогоды, он один оставался бодрым и сохранял ясную голову; он фактически сделался капитаном корабля и неоднократно спасал жизнь своим спутникам.

[12] Мы представляем себе ум создателя системы холодным. Но в уме святого Павла никогда нет холодности. Напротив, он всегда исполнен жизни и весь в огне. Павел действительно умеет рассуждать строго и последовательно; но время от времени его мысль прорывается сквозь доказательства, подобно пламенному гейзеру, и рассыпается дождём искр. Затем рассуждение вновь течёт ровно; однако эти вспышки — лучшие места у святого Павла. Точно так же, как я замечал, Шекспир, обычно движущийся на высокой ступени мысли и музыкальности, время от времени останавливается, расправляет крылья и взмывает с песней, словно жаворонок, прямо в небесную синеву. Когда поднявшая его мысль исчерпана, он плавно спускается и продолжает

на прежней высоте; но эти взлёты — лучшие места у Шекспира.

13 3. Умственное превосходство святого Павла признано всеми; для тех, кто знает его лишь издали, это и есть главная его особенность. Но внимательный исследователь его жизни и характера знает: как ни велик был его ум, сердце его было столь же велико, а может быть, и ещё больше. Один из самых тонких исследователей его жизни, покойный Адольф Моно из Французской церкви, избрал именно это ключом к его характеру. Он называет его человеком слёз и весьма убедительно показывает, что здесь заключалась тайна его силы.

14 Когда начинаешь вглядываться в этот предмет, действительно поражает, как часто мы видим святого Павла взволнованным и даже плачущим. В знаменитом обращении к ефесским пресвитерам он напомнил им, что служил Господу среди них со многими слезами, а затем вновь сказал, что день и ночь не переставал со слезами вразумлять каждого. Не этого мы ожидали бы от человека такой умственной силы. Но оттого его слёзы производят ещё большее впечатление. Когда плачет слабый, изнеженный человек, он лишь делает себя смешным; совсем иное зрелище — плачущий человек, подобный святому Павлу, ибо мы знаем, что такую сильную натуру могла согнуть лишь буря чувств.

15 Его привязанность к обращённым им людям — нечто необычайное. Некоторые полагали, что существуют свидетельства о тяжкой утрате, постигшей его сердце в юности. Предполагают, что он был женат, но рано потерял жену. Он никогда не пытался восполнить эту утрату и никогда о ней не говорил. Но любовь его великого сердца, долго сдерживаемая, устремилась в

русло его труда. Обращённые им люди заменили ему жену и детей. Его горячая любовь к ним подобна сильной природной привязанности. Его послания к ним во многих местах как нельзя более напоминают любовные письма. Послушайте, какими словами он обращается к ним: «Вы в сердцах наших, так чтобы вместе и умереть и жить»; «Я охотно буду издерживать своё и истощать себя за души ваши, несмотря на то, что, чрезвычайно любя вас, я менее любим вами»; «Итак, братия мои возлюбленные и вожделенные, стойте так в Господе, возлюбленные».

16 Особенно безграничной любовью его сердце обращалось к соработникам в Евангелии. Длинные перечни приветствий в конце его посланий, где характеры и заслуги отдельных людей упоминаются с такой изобильной щедростью и вместе с тем с таким тонким различением, — непреднамеренные памятники широте его сердца. Он едва мог назвать соработника, не разразившись пламенной похвалой: «Что касается до Тита, это — мой товарищ и сотрудник у вас; а что до братьев наших, это — посланники церквей, слава Христова».

17 Нет более убедительного доказательства глубины и искренности сердца святого Павла, чем любовь, которую он вызывал у других: ведь любят только любящих. Пожалуй, никто не обладает в этом отношении большей проницательностью, чем молодые люди. Жёсткая или педантичная натура не может их привлечь. Но святого Павла постоянно окружали целые отряды юношей, которых привлекала его личность и которые были готовы идти за ним в огонь и воду или отправляться с его поручениями, куда бы он их ни послал. А то, что он мог так же покорять зрелые умы, доказывает уже упомянутая

великая сцена в Милите, где ефесские пресвитеры при расставании с ним «немало все плакали, и, падая на выю Павла, целовали его, скорбя особенно от сказанного им слова, что они уже не увидят лица его».

18 Характер труда святого Павла, несомненно, чрезвычайно развил эту сторону его личности; но, прежде чем оставить этот предмет, стоит вспомнить, как обстоятельства рождения и воспитания по Промыслу способствовали расширению его сочувствия к людям ещё до того, как он стал христианином. Он был не просто иудеем, но евреем от евреев и испытывал всю гордость сына того народа, которому принадлежали усыновление, слава, завет, законоположение, богослужение и обетования. Он всегда мог сразу установить связь с иудейскими слушателями, возвращаясь к воспоминаниям, столь же дорогим ему самому, как и им. И всё же, будучи столь глубоко иудеем, по рождению он принадлежал более широкому миру. Он родился не в пределах Палестины, где его сочувствие оказалось бы стеснено, а кругозор сужен, но в языческом городе, знаменитом красотой, учёностью и торговлей; кроме того, он был свободнорождённым римским гражданином. Из его собственных уст мы знаем, что он гордился обоими отличиями; так он приобрёл вселенский взгляд и научился считать себя человеком среди людей.

19 Пожалуй, здесь нельзя забыть и о том, что в юности он выучился ремеслу изготовления палаток. Это сблизило его с простыми людьми: он научился говорить на их языке и узнавать их жизнь — приобретения, которым предстояло оказаться чрезвычайно полезными в его дальнейшем пути.

[20] Господа, все согласны, что тем, кто намеревается вступить в служение, необходима известная мера природных дарований. Вот перечень качеств служителя, составленный Лютером; вы заметите, что большинство из них — дары природы. 1. Он должен уметь учить ясно и последовательно. 2. У него должна быть хорошая голова. 3. Хорошее владение словом. 4. Хороший голос. 5. Хорошая память. 6. Он должен знать, когда остановиться. 7. Он должен быть уверен в том, что намерен сказать. 8. И быть готовым поставить на истинность сказанного тело и душу, имущество и репутацию. 9. Он должен прилежно учиться. 10. И позволять всем досаждать ему и критиковать его.

[21] Первое осознание своих необыкновенных способностей нередко сопровождается приливом тщеславия и самомнения. Юная душа упивается чувством собственного превосходства, вероятно весьма преувеличенным, и предвкушает будущие триумфы в безграничных масштабах. Но это открытие может действовать и иначе. Сознание необычных сил может сопровождаться чувством необычной ответственности, когда душа тревожно спрашивает о намерении Подателя всех даров, наделившего её ими. Именно так подействовало на Иеремию известие о дарованных ему особых способностях в той сцене, к которой я уже обращался в этой лекции. Он сразу заключил, что благословлён исключительными талантами для того, чтобы служить ими своему Богу и своей стране. И конечно, для одарённой натуры не может быть более здравого честолюбия, чем, если Бог позволит, посвятить свои силы служению Его Сыну.

[22] Нет другой профессии, столь способной вобрать и употребить таланты всевозможных родов. Это очевидно в отношении таких даров, какие перечисляет Лютер: хорошего голоса, хорошей памяти и прочего. Но едва ли найдётся способность или приобретённое умение, которым служитель не мог бы воспользоваться в своём труде. Как может послужить ему философская сила, видно из проповедей доктора Чалмерса, всегда облекавшихся в философскую форму. Философия эта не была особенно глубокой; она не была слишком трудна для простого человека; но придавала проповеди явный оттенок своеобразия. Как можно использовать научные познания, показывают проповеди некоторых из наших выдающихся современников, находящих в научных занятиях неисчерпаемый запас поясняющих примеров. Литературный стиль может дать стреле истины оперение, чтобы она достигла цели. Что поэтическая сила может служить проповеднику, нет нужды доказывать там, где Рэй Палмер написал «Моя вера взирает на Тебя». Деловые способности нужны в церковных советах и в управлении общиной. В некоторых других профессиях людям приходится зарывать половину своих талантов; в нашей же нет таланта, который не нашёл бы подобающего и полезного применения.

[23] Однако мы, возможно, придаём слишком большое значение умственным дарованиям и познаниям. На экзаменах в учебных заведениях проверяются лишь они; между тем существуют нравственные качества, столь же необходимые.

[24] Отделка, которую даёт образование, несомненно, имеет значение; но ещё больше значит первоначальный объём человеческой натуры. В своеобразной книге

воспоминаний, недавно вышедшей из-под пера заметного служителя прошлого поколения из Шотландского нагорья, г-на Сейджа из Резолиса, записано суждение одного прихожанина о трёх последовательно сменявших друг друга служителях прихода. «Наш первый служитель, — сказал он, — был человеком, но не был служителем; второй был служителем, но не был человеком; а нынешний — ни человек, ни служитель».

[25] В наши дни люди ни на чём не настаивают так решительно, как на том, чтобы их служитель был человеком. Ещё недавно служитель мог быть уверен в почтении просто потому, что принадлежал к духовному сословию и носил духовное одеяние. Как говорили, люди уважали его сан. Но наша эпоха демократична, и такое общественное настроение исчезает. Почтения к служителям, достойным этого имени, разумеется, нет недостатка; возможно, его больше, чем когда-либо. Однако теперь оно воздаётся не притязаниям духовного звания, а лишь доказанным заслугам. Люди больше не уважают духовную одежду, если не находят в ней человека.

[26] Возможно, образовательная подготовка, которую мы проходим в учебных заведениях, не слишком благоприятна для такого рода силы. При огранке и шлифовке природная величина алмаза рискует уменьшиться. Когда всех нас пропускают через одну мельницу, мы склонны выходить из неё чересчур похожими. Человек должен быть самим собой. Ваш Эмерсон проповедовал это учение с неутомимым красноречием. Возможно, он его преувеличивал; но это истинное учение, и особенно оно относится к проповедникам. Прежде всего слушатели ищут в ткани

проповеди кровеносную жилу опыта; и истина становится вдвойне и втройне истинной, когда исходит от человека, говорящего так, словно он постиг её собственным трудом и страданием.

[27] Обычно в человеке, оставляющем заметный след как проповедник, обнаруживается какая-нибудь особенность дарования или приобретённого умения, на которую он научился опираться. Это может быть сердечная нежность, как у Макчейна, нравственная напряжённость, как у Робертсона из Брайтона, тонкость ума, как у Кэндлиша, или психологическая проницательность, как у Бичера. Но что-нибудь отличительное должно быть непременно; поэтому одно из самых мудрых правил гласит: развивайте свою сильную сторону.

[28] Однако больше всего действует личность в целом. Это один из главнейших элементов проповеди. Её воздействие зависит прежде всего от того, что говорится, затем — как говорится; но почти в той же мере и от того, кто говорит. Есть люди, говорит Эмерсон, которых слышат до краёв земли, хотя они говорят шёпотом. [44] Мы устроены так, что действие услышанного весьма зависит от нашего отношения к говорящему. Постоянные слушатели служителя постепенно, почти незаметно для себя, составляют в уме образ того, что он собой представляет, включая в него всё, что сами о нём помнят, и всё, что слышали о его прошлом; и когда в воскресенье он поднимается на кафедру, они слушают не человека, видимого в этот миг, а этот образ, стоящий за ним и определяющий точный вес и действие каждой произнесённой им фразы.

[29] С силой личности тесно связана другая способность, которой святой Павел обладал в столь высокой степени, —

интересоваться другими людьми. Человечность в нас самих позволяет нам понимать человеческую природу наших слушателей; и если мы хотим проповедовать так, чтобы обращаться к жизни людей, нам необходим собственный жизненный опыт.

30 Некоторые служители делают это крайне мало. Не раз, а много раз я слышал, как служитель воскресным утром, встав и начав молиться, сразу погружался в богословское размышление; и во всех молитвах утреннего богослужения едва находилась одна фраза, относящаяся к жизни людей в течение недели. Если бы вы были чужестранцем, спустившимся с другой планеты, вам и в голову не пришло бы, что собравшиеся здесь люди шесть дней трудились, радовались и скорбели; что у них есть благодеяния, за которые надо благодарить, и грехи, нуждающиеся в прощении; что дома у них дети, о которых надо молиться, а за морем — сыновья.

31 Существует, если позволено так выразиться, неземной стиль проповеди, в котором нет крови человеческой жизни: люди сидят на скамьях со своими бременами — заботами дома, деловыми заботами, бременем насущных вопросов, — а служитель на кафедре разрабатывает какую-нибудь тонкость, которая приглянулась ему во время занятий, но совершенно их не интересует. Лишь изредка случайная фраза может остановить их блуждающее внимание. Возможно, он говорит: «Теперь некоторые из вас могут возразить»; и дальше следует возражение против сказанного, которое ни одному живому человеку никогда не пришло бы в голову. Но он начинает обстоятельно его опровергать, тогда как слушатель, зная, что это вовсе не его возражение, вновь уходит в себя.

32 Если вспомнить сказанное в одной из предыдущих лекций о характерном различии между проповедью Ветхого и Нового Заветов, сразу станет ясно, насколько жизненно важна эта сторона дела. Пророки Ветхого Завета, подобно мыслителям древности вообще, мыслили о людях как о массах и рассматривали отдельного человека лишь как частицу большего целого. Но Христос ввёл совершенно новый образ мысли. Для Него отдельный человек был целым сам по себе; под одеждой даже самого скромного члена человеческой семьи скрывалось нечто более драгоценное, чем весь материальный мир; и от исхода каждой жизни зависела бессмертная судьба. Можно сказать, эта вера сделала Иисуса Христа Спасителем мира: в погибших детях человеческих Он видел то, ради чего жил, чтобы искать их, и умер, чтобы спасти. И именно эта вера и это видение делают человека способным быть соработником Христа. Никто никогда не сможет сколько-нибудь успешно заниматься делом человеческого спасения, если не видит, что люди — несравненно самый интересный предмет во всём мире, и если не стоит в благоговении перед торжественной судьбой и возвышенными возможностями души. Возрастанием и пламенем этой веры измеряется ценность всякого служительского труда.

33 Однако признать такой взгляд отвлечённо гораздо легче, чем постоянно сохранять его по отношению к реальным мужчинам и женщинам своего круга и своего соседства. Что человек — самый интересный предмет в мире, что душа драгоценна и что человеку лучше потерять весь мир, чем не исполнить своё предназначение, — всё это теперь общие места, с которыми согласится всякий, носящий христианское имя. И всё же в действительности немногие живут под их

властью. Многие, воздавшие дань любви и восхищения состраданию Христа к отверженным и растаявшие в эстетическом умилении перед картиной женщины, взятой в прелюбодеянии, или женщины-грешницы, ни разу не пытались спасти живую женщину того же рода в собственном городе и совершенно растерялись бы, если бы такая женщина в час раскаяния прибегла к их жалости и защите. Между грешником в книге или на картине и грешником из плоти и крови — большая разница. Множество людей в глубине души убеждено, что все замечательные и интересные люди жили давно или, во всяком случае, если кто-то из них живёт сейчас, то за много миль от их местности. Они верят, что замечательные люди существовали в первом или девятом столетии, но никак не в девятнадцатом; верят, что интересные люди есть в Париже, Лондоне или Нью-Йорке, но никогда не находили ничего удивительного в тех, кто живёт в их собственной деревне или на их улице. Многие считающие себя просвещёнными скажут вам, что их соседи — народ никчёмный. Они воображают, что, живи они где-нибудь за пятьдесят или сто миль, нашли бы общество, достойное себя; хотя можно поставить десять против одного, что после переезда и новые соседи оказались бы для них никчёмными.

[34] Если служитель позволяет себе питать подобные чувства, он погиб. [45] Никто никогда не приобретёт людей, если не верит в них. Истинный служитель должен уметь видеть в самом незначительном мужчине и женщине откровение всей человеческой природы, а в крестьянине на поле и даже в младенце в колыбели — связи, достигающие высоты небес и дали вечности. Всё величайшее, что есть в короле или императоре, существует и в беднейшем из его подданных; а элементы,

из которых складывается самая утончённая и даже святая женственность, существуют и в самой обыкновенной женщине, идущей по улице. Арфа человеческой природы здесь, со всеми своими струнами; и она не откажет в музыке тому, у кого хватит мужества взять её и смело ударить по струнам. Великий проповедник — тот, кто, где бы он ни говорил, среди высоких или низких, прямо обращается к элементам, общим всем людям, и с доверием полагается на человеческий разум и опыт, веря, что справедливые внушения рассудка и страхи совести, чувство благородства добра и трогательная сила любви и сострадания общи им всем. [46]

35 Позвольте закончить эту лекцию несколькими словами о великом предмете, которому с пользой можно было бы посвятить целую лекцию.

36 Едва ли можно дать вам более надёжный совет, чем этот: пусть начало вашего служения будет отмечено заботой о юных. Такая работа больше всякой другой ободрит вас самих и скорее всякой другой утвердит вас в любви общины.

37 Чтобы успешно трудиться среди детей, надо знать их жизнь и иметь доступ в их маленький мир интересов, волнений, наград и надежд. Получить этот доступ нетрудно, если мы просты и искренни. Дети охотно подойдут к своему служителю и сделают его поверенным, если только он им доступен. Служители прежнего поколения держали детей на устрашающем расстоянии. Когда дети капризничали или поступали дурно, им грозили приходом служителя так же, как могли грозить полицейским, приходским сторожем или ещё более страшным должностным лицом мироздания. Будем надеяться, что это прошло и в большинстве приходов о

посещении служителя говорят как об обещании, а не как об угрозе. Теперь служитель гордится, если ребёнок подбегает к нему на улице и нарушает его чинность шумной фамильярностью или если группа детей загоняет его в угол комнаты и под угрозой всевозможных наказаний велит рассказать им историю. Мы возвращаемся к идеалу Голдсмита в «Покинутой деревне»:

> [38] «По окончании службы вокруг благочестивого пастыря
> с неизменным усердием теснились верные селяне;
> даже дети следовали за ним с милой хитростью
> и тянули за одежду, чтобы и им досталась улыбка доброго человека».

[39] Ещё важнее доступности — подлинное уважение к детям.

[40] Мы должны уважать их ум. Проповедуя им, следует отдавать самое лучшее, что у нас есть. Осмелюсь утверждать, что доля проповедей, никогда не записываемых полностью, среди детских проповедей значительно выше, чем среди обращённых ко взрослым. Проповедник, наметив два-три направления рассуждения и подобрав две-три истории, выходит на кафедру с этим материалом, беспорядочно лежащим в уме, и в отношении стиля полагается на минутное вдохновение. Конечно, если человек приучил себя всегда проповедовать так, всё в порядке; если же нет, это ошибка. Дети сильно отзываются на удачное построение и музыку языка; они не знают, чему обязаны своим удовольствием, но чувствуют его. И если проповедник обладает силой оригинальной мысли или красотой слога, нет случая, когда ему следовало бы щедрее пользоваться

ими, чем обращение к детям. [47] В действительности совершенно ошибочно делать детскую проповедь настолько отличной от других, чтобы возникало впечатление, будто это единственное слово с кафедры, которое детям предлагается слушать. Нелегко вообще приучить детей слушать сказанное в церкви; детская проповедь — средство привлечь их внимание; но она должна быть и мостом, ведущим к привычке слушать всё, что там говорится. Если дети усваивают эту привычку, они становятся нашими лучшими слушателями. Мальчик двенадцати или тринадцати лет может следить почти за любым рассуждением; и нет более проницательного критика логики речи или более горячего ценителя всякого места, достойного восхищения.

41 Но, уважая ум юных, мы должны ещё сильнее верить в нечто другое. Мы и наполовину не сознаём драмы религиозных впечатлений, происходящей в детских душах. Мы забываем собственное детство и движения, которые проповедь Слова возбуждала в наших детских сердцах: как реальны были для нас невидимые вещи; как близок был Бог, Чей взор сверкал на нас сквозь тьму; как таяли наши сердца при мысли о страданиях Христа; как они наполнялись бескорыстными стремлениями, когда мы слушали рассказы о героических жизнях; как отчётливо говорил внутри голос совести; как трепетали мы перед смертью, судом и вечностью. Какими мы были тогда, таковы другие дети теперь; и что происходило в нас, происходит и в них. Жатву на поле детства соберёт тот, кто верит в это и благоговеет перед этим.

42 Нет более верного способа приобрести расположение старших, чем проявлять интерес к младшим. Конечно, притворный интерес к детям, выказываемый с этой

целью, был бы лицемерием и заслуживал презрения. Мы должны любить детей ради них самих. И всё же вполне законно подкреплять свой интерес к юным наблюдением, что один из сильнейших инстинктов человеческой природы заставляет отцов и матерей воспринимать добро, оказанное их детям, как величайшее благодеяние для них самих. Один эдинбургский служитель, добившийся замечательного успеха и в проповеди детям, и во всех других областях своего священного дела, однажды в собрании студентов-богословов, среди которых был и я, рассказал случай из собственной жизни. Этот случай почти слишком священен, чтобы повторять его чьими-либо устами, кроме его собственных; но, надеюсь, он простит мне желание обогатить им вас, ибо в нём памятным образом выражена одна из вернейших тайн успеха служителя. Утром того дня, когда его должны были рукоположить к первому месту служения, он покидал свой сельский дом, чтобы ехать в город, и мать вышла к двери проститься с ним. Держа его за руку на прощание, она сказала: «Сегодня тебя рукоположат, и о твоём долге тебе скажут те, кто знает его гораздо лучше меня; но я хочу, чтобы ты запомнил одну вещь, о которой они, возможно, не скажут: помни, всякий раз, когда ты кладёшь руку на голову ребёнка, ты кладёшь её на сердце его матери».

Лекция VII. Проповедник как христианин

[1] В прошлой лекции я говорил о святом Павле как о человеке, показывая, насколько замечательны были его природные дарования и приобретённые способности и как они сказались на его апостольском пути. Но не благодаря им он стал тем, кем был. Как ни велики дары, которыми наделила его природа и которые развило образование, они были совершенно недостаточны, чтобы создать подобный характер и подобную жизнь. Святым Павлом сделало его то, что прибавило к ним христианство.

[2] Мы вполне вправе теперь признавать значение его природных даров и прослеживать, какими путями Провидение направляло его жизнь к истинной цели ещё прежде, чем он это сознавал. Но самому святому Павлу едва хватало терпения для таких спокойных размышлений. Он с сильным отвращением отворачивался от своей дохристианской жизни как от чего-то осуждённого и погибшего и с радостью приписывал всё, чем был и что делал, одному лишь влиянию Христа. В прошлой лекции я привёл единственное место, показывающее, что он сам признавал: природные дарования были даны ему, чтобы подготовить его к особому делу, которое ему предназначалось совершить в мире. Но я сомневаюсь, смог ли бы привести из всех его писаний ещё одно место с тем же смыслом. Лишь на мгновение он позволял себе занять эту точку зрения; зато из любой части его писаний мы могли бы цитировать такие изречения: «Благодатью Божиею есмь то, что есмь»; «Я более всех их потрудился: не я, впрочем, а

благодать Божия, которая со мною»; «Уже не я живу, но живёт во мне Христос».

3 То, что именно так он обычно оценивал свои достижения, ярко проявляется в его мыслях и высказываниях о некоторых недостатках того оснащения, которым природа снабдила его для избранного поприща. При всей одарённости даже он обладал не всеми дарами. Ему недоставало одного-двух из тех, которые можно было бы счесть особенно необходимыми для успеха.

4 По-видимому, ему недоставало звучного голоса и богатой речи оратора: его критики могли утверждать, что, хотя письменное слово у него сильно, устная речь презренна. Художники изображали его чем-то вроде полубога, со сложением атлета и грацией Аполлона. Но, по-видимому, он был мал ростом; есть, кажется, и свидетельства того, что его внешность при первом взгляде скорее отталкивала слушателей, чем привлекала. Он остро чувствовал эти недостатки и порой не мог не желать их устранения. Но привычное и твёрдое его отношение к ним состояло в том, что следовало видеть в них скорее источники силы, чем слабости, поскольку они заставляли его ещё больше полагаться на силу Христа. Это был неиссякаемый источник, из которого, как он чувствовал, можно черпать без ограничения. Поэтому он хвалился своими немощами, чтобы обитала в нём сила Христова. [48]

5 Можно было бы сказать, что лишь воодушевление Павла заставляло его приписывать Христу то, что на самом деле принадлежало ему самому. Но прав именно его собственный взгляд. Христос создал его; и если мы хотим понять такое служение, как его, необходимо попытаться

измерить влияние Христа на него, или, иными словами, исследовать составные начала его христианства.

[6] 1. Павел мог утверждать, что и в дохристианские дни жил во всей доброй совести перед Богом и людьми. Но это свидетельство о своей прямоте не мешает ему в другом месте признать, что в глубине сознания шла смертельная борьба между началами добра и зла, в которой добро далеко не всегда побеждало: «Мы все, — признаёт он, — жили некогда по нашим плотским похотям, исполняя желания плоти и помыслов, и были по природе чадами гнева, как и прочие». В седьмой главе Послания к Римлянам он нарисовал картину этой борьбы, и она написана словно с натуры. Богословы, правда, спорили между собой, о какой ступени опыта здесь идёт речь — о состоянии необращённого или обращённого человека. Но человеческое сердце без труда понимает её. Чем полнее кто-либо является человеком, тем легче ему это понять; и особенно: чем честнее и добросовестнее человек, тем вернее он должен был испытать то, что описано такими словами: «Ибо не понимаю, что делаю: потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю»; «Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю»; «Итак, я нахожу закон, что, когда хочу делать доброе, прилежит мне злое. Ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божием; но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих. Бедный я человек! кто избавит меня от сего тела смерти?» Таким образом, Павел был погибшим человеком, находившимся в безнадёжном рабстве греха.

[7] Но ему пришлось покаяться не только в грехе, но и в собственной праведности. Он унаследовал страстное стремление иудейского народа к общению с Богом — стремление, сотни раз выраженное в поэзии его отцов такими словами: «Как лань желает к потокам воды, так желает душа моя к Тебе, Боже!»; «Жаждет душа моя к Богу крепкому, живому: когда приду и явлюсь пред лице Божие!» Его учили, что великая награда жизни — быть угодным Богу, и он усвоил этот урок со всей страстной серьёзностью своей натуры. И всё же никогда не мог достичь того, к чему стремился. Казалось, Божественное лицо всегда было затянуто облаком, и его держали вдали. Лютер прошёл через совершенно тот же опыт. Его натура тоже была страстно религиозной, и он изо всех сил стремился попасть под солнечный свет Божия лица; но его усилия всякий раз терпели неудачу. Как ни омывал он руки, они никогда не были чисты.

[8] Что оставалось делать серьёзной натуре в таких обстоятельствах, как не пытаться приносить ещё большие жертвы? Вероятно, отсюда происходило рвение Павла в деле гонителя. Истребляя врагов Божиих, он защищал Божию честь. Эта работа должна была жестоко противоречить такой чувствительной натуре, как его, особенно когда он видел сцены, подобные смерти Стефана, в которых кротость и героизм его жертв сияли неземной красотой. Но он лишь ещё страстнее бросался в своё дело: чем мучительнее оно было, тем большей заслугой становилось его исполнение и тем увереннее он надеялся наконец заслужить полное одобрение Бога.

[9] Эту часть пути Павла, казалось бы, можно вполне оправдать добросовестностью его убеждений. И действительно, оглядываясь на неё, он иногда сам

занимает такую точку зрения и говорит, что Бог помиловал его, потому что он поступал по неведению, в неверии. Но чаще он думает о ней с подавляющим стыдом и раскаянием. Весь образ жизни, логически приведший к делу столь бесчеловечному в подробностях и столь прямо противоречащему Божиим замыслам, своим исходом обнаруживал полную безбожность. Его мысли не были Божиими мыслями, и пути его — Божиими путями. Сцены гонения, когда он, влача мужчин и женщин, заключал их в темницы; ненависть и ярость, бушевавшие тогда в его груди; усилия, которые он прилагал, противодействуя делу Христа, решившись погасить его до последнего уголька, — эти воспоминания впоследствии уже никогда не покидали его. Они сохраняли его смиренным: он чувствовал, что он наименьший из апостолов, недостойный называться апостолом, потому что гнал Церковь Божию. Он называл себя первым из грешников и верил, что на его примере Бог исчерпывающе явил всё богатство Своего милосердия в назидание всем последующим поколениям.

[10] Итак, первым началом христианства святого Павла было покаяние погибшего человека и великого грешника, обязанного Христу прощением грехов и избавлением жизни от злого пути. И он верил, что Христос приобрёл для него эти блага жертвой собственной жизни.

[11] 2. Вторым великим началом христианства святого Павла было его обращение, которое пролегло пропастью между предшествовавшей и последовавшей частями жизни. Это была главная дата его жизни, вставшая перед ним всякий раз, когда он оглядывался назад. Её влияние распространялось на весь его опыт; но, пожалуй, важнейшим следствием стало утверждение в его

внутреннем мире Христа как живой Личности, в реальности Которой он был совершенно уверен.

12 Вероятно, сопротивление Павла христианству с самого начала было особенно направлено против Самого Христа. Ударяя по ученикам, он в действительности через них ударял по Учителю. Легко представить, каким оскорблением должны были казаться Павлу притязания Иисуса. Иисус был человеком примерно его возраста — молодым человеком; происходил из самых низов народа, был деревенским жителем и ремесленником; никогда не учился в школах учёности; люди даровитые и облечённые властью без колебаний осудили Его. То, что такого человека почитали Мессией иудеев и поклонялись Ему как Божественному существу, поднимало в сердце Павла бурю негодования.

13 Вероятно, ничто не могло бы обратить его, кроме того чуда, которое употребил Бог. Христу пришлось прийти к нему лично и в зримом образе — в образе прославленного человечества, который Он носит где-то в Божием царстве, называемом нами небом. Павел понял, что объявший его свет был Божественным; звук звавшего его голоса был тем громом, который народ, к которому он принадлежал, издревле признавал голосом Божиим; он смотрел прямо туда, где пребывает Бог, и там увидел Иисуса, Которого гнал. Но Божественнее всего были ласка, милосердие и уважение в обращённых к нему словах. Этот Иисус, против Которого он неистовствовал, пришёл к нему не с ответной яростью, чтобы отомстить и уничтожить его, но с пленяющими словами истины и призывом к высокому и благословенному поприщу. Именно это сокрушило сердце Павла и навсегда привязало его ко Христу.

14 Впоследствии он всегда верил, что в тот раз произошло именно то, о чём я сказал: Иисус Назарянин сошёл от десницы Божией, чтобы показать ему, Кто Он, и востребовать его как Своего служителя и апостола. И впредь он ни на мгновение не сомневался, что человек, которого распяли его соотечественники и которого он сам гнал, восседает на небесном престоле, облечённый Божественным блаженством и всемогуществом.

15 Конечно, другие в этом сомневались. Можно сказать, будто Павел видел только видение и потому его новая жизнь основывалась на ошибке. Я считаю верным его собственное описание; но, возможно, нам не следует слишком догматично судить о том, что именно он видел, потому что его вера в действительности основывалась не на какой-либо теории этого видения. Он стал и оставался христианином не потому, что в тот день увидел Христа телесными глазами или верил, что увидел; а потому, что, доверившись явленному таким образом Христу, обрёл то, чего жаждал всю жизнь: он более не был изгнанником, которого держат вдали, но приблизился к Богу; был примирён, и любовь Божия излилась в его сердце. Всю жизнь он в отчаянии спрашивал: «Что мне делать, чтобы спастись?» — но теперь он был спасён. Унизительные узы, сковывавшие его духовную природу, распались, и, следуя за Христом, он шёл от победы к победе.

16 Таково мерило всякого обращения; это лучшее свидетельство в пользу христианства и сила проповеди. Мы веруем во Христа не только потому, что имеются достаточные исторические доказательства Его существования восемнадцать столетий назад и совершения Им дел, удостоверявших, что Он послан Богом, но и потому, что Он доказывает Свою нынешнюю

жизнь преображением, совершаемым в тех, кто возлагает на Него упование. Мы уверены, что Спаситель есть, потому что Он спас нас самих. Я рад видеть, что это свидетельство нашей религии ныне вновь выдвигается на первый план. Один из ваших молодых учёных, доктор Стернс из Бангора в штате Мэн, развил его в только что вышедшей книге с большой широтой богословских познаний; а прежний йельский лектор, доктор Дейл из Бирмингема, одновременно дал ему убедительное изложение. [49] Вот жизненная сила проповеди. Мы свидетели Христа — не просто Христа, Который жил давно и творил чудеса, но Христа, Который жив теперь и по-прежнему совершает нравственные чудеса. И сила свидетельства любого человека в том, что он может сказать: сам видел Христа, Которого проповедует другим, и сам испытал силу, которую советует другим искать.

[17] 3. После обращения вся жизнь святого Павла заключалась в одном слове, и это слово — Христос. В новое время нередко бывало христианство, в котором Христа было очень мало. Г-н Сейдж из Резолиса, одно из своеобразных высказываний которого я приводил в прошлой лекции, торжественно засвидетельствовал письменно: когда он учился в Абердине, профессор богословия, одновременно бывший ректором университета, за трёхлетний курс лекций об основаниях христианской религии ни разу не упомянул имени Христа; и в те времена проповеди без малейшего упоминания Спасителя были совершенно обычны. В наши дни это полностью изменилось. И всё же нас окружает христианство чрезвычайно расплывчатое. Почти всякое чувство, в котором есть что-либо благочестивое или человечное, получает имя христианского; и многие спрашивают, сколь мало необходимо верить и

исповедовать тому, кто притязает на христианское имя. Даже такой вопрос, правда, в отдельных случаях может свидетельствовать о состоянии ума, далеко не безнадёжном и требующем величайшего пастырского сочувствия и умения. Но если мы хотим узнать христианство в его силе, нам нельзя жить в этой нездоровой области: нужно найти такое христианство, в котором собственно христианское начало составляет не минимум, а максимум. Таково было христианство святого Павла. Главная его особенность состояла в том, что в нём было так много Христа. Он выразил это в характерном изречении: «Для меня жить — Христос», — что по-гречески означало просто: «Для меня жизнь — Христос»; и с какой бы стороны мы ни рассматривали его жизнь, мы видим, что это было правдой.

[18] Христос приобрёл и сохранял глубокую власть над его чувствами. У святого Павла было великое сердце, и всё оно принадлежало Христу. Мы стесняемся говорить о личном чувстве к Спасителю и, вероятно, довольно часто ощущаем, что общепринятые выражения любви к Нему, употребляемые, например, в церковных гимнах, превосходят наш действительный опыт. Святой Павел, напротив, без колебаний пользуется по отношению ко Христу языком, которым обычно описывают всепоглощающую страсть, когда любовь наполняет жизнь сладостным упоением и делает лёгким всё, что приходится совершать ради любимого. Подвиги и самоотречение святого Павла были почти сверхчеловеческими, но сам он объяснял их просто: «Любовь Христова объемлет нас». Ему пришлось отказаться от наград, ради которых другие считают жизнь стоящей того, чтобы жить; но что ему до этого? «Всё почитаю за сор, — говорит он, — чтобы приобрести

Христа». Лишь бы сохранить одно, он был готов расстаться со всем остальным: «Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч? Но всё сие преодолеваем силою Возлюбившего нас. Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем». Это звучит как пыл первой любви, но это слова человека в расцвете сил. И в старости он оставался тем же: Христос по-прежнему был для него звездой жизни, а надежда быть с Ним уничтожила ужасы смерти: «Влечёт меня то и другое: имею желание разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше».

19 Но Христос восседал на престоле ума святого Павла не меньше, чем на престоле его сердца. Это был ум огромного охвата и неустанного движения; однако все его движения совершались вокруг Христа, а самые могучие усилия направлялись на постижение всей высоты Его славы. Всякий знакомый с писаниями Павла знает, как они полны Христа. То, что на специальном языке называется его христологией, и великолепно, и глубоко; но в действительности всё его мышление христологично: он видел во Христе всю вселенную.

20 Пожалуй, ещё нагляднее мы понимаем, насколько весь его ум был занят этим предметом, наблюдая, как простое случайное упоминание имени Христа увлекает его к самым возвышенным высказываниям о Нём. Например, когда он говорит мужьям о любви к жёнам, ему приходит мысль, что эта любовь подобна любви Христа к Своему народу; и он восклицает: «Мужья, любите своих жён, как и Христос возлюбил Церковь и предал Себя за неё, чтобы

освятить её, очистив банею водною посредством слова; чтобы представить её Себе славною Церковью, не имеющею пятна, или порока, или чего-либо подобного». Так же, советуя щедрость, он думает о щедрости Христа и сразу переходит к несравненному описанию Его нисхождения с престола Всевышнего до крестной смерти: «Ибо в вас должны быть те же чувствования, какие и во Христе Иисусе: Он, будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу», — и так далее. И, не довольствуясь тем, что вслед за первоначальной мыслью проследил Его нисхождение, он продолжает предмет по побуждению одной лишь любви, следуя за Ним до высочайшего неба: «Посему и Бог превознёс Его и дал Ему имя выше всякого имени, дабы пред именем Иисуса преклонилось всякое колено небесных, земных и преисподних, и всякий язык исповедал, что Господь Иисус Христос в славу Бога Отца». Когда ум способен так устремляться к предмету по любому случайному намёку или внушению, изливая самые удивительные мысли самым удачным языком? Только тогда, когда он всецело занят им и его мысли так горячи и расплавлены, что готовы воспользоваться любым выходом.

21 Более всего можно сказать, что всецело Христом была исполнена так называемая внутренняя, или духовная, жизнь святого Павла. Его собственное понимание этой сокровеннейшей жизни состоит в том, что она есть как бы новое проживание жизни Христа: мы умираем с Ним для греха; погребаемся с Ним в крещении; как Он воскрес, так и мы восстаём к обновлённой жизни; Он вознёсся, чтобы воссесть на престоле Отца, и мы посажены с Ним на небесах. Он — сама почва, в которой растёт эта жизнь, и атмосфера, которой она дышит; христианин есть «человек во Христе», и все действия его внутренней и

даже внешней жизни совершаются в этой среде: он говорит во Христе, вступает в брак во Христе, умирает во Христе и в воскресении восстанет во Христе.

22 Это можно было бы назвать мистицизмом святого Павла; и сходные учения в религии порой связывались с фантастическими умозрениями и непрактичной мечтательностью. Однако у святого Павла мистицизм не приводил к таким результатам. Если в какой-то области его жизни влияние Христа было заметнее, чем в других, то именно в практической. Для него всякая мнимая связь или тайное общение со Христом ничего не значили, если результат не становился видимым в христоподобной жизни: «Если же кто Духа Христова не имеет, тот и не Его».

23 К себе самому он применял этот принцип с величайшей строгостью. Он любит говорить, что Христос живёт в нём; почти говорит так, будто в его плоти Сын Божий пережил второе воплощение; но из этого он неумолимо выводит практическое следствие. Когда Христос жил в собственной земной скинии, ради чего Он жил? Ради спасения людей; Он постоянно ходил, благотворя; жил, чтобы взыскать и спасти погибшее. Если так, то, живя в святом Павле, Он должен иметь ту же цель — употреблять силы его ума и тела для спасения мира. Таким образом, Христос в действительности продолжал дело, прерванное Его смертью. Святой Павел осмеливается сказать, что восполняет недостаток скорбей Христовых за Тело Его, Церковь. Он говорит, что сердце Христа в его сердце томится любовью к людям; что ум Христа в его мозгу замышляет дела Царства Божия; он даже сравнивает следы гонений на своём теле с ранами Христа.

[24] Нигде больше не засвидетельствовано — по крайней мере не было засвидетельствовано, пока святой Павел не научил этому христианский мир, — такое слияние одной жизни с другой. И оно тем удивительнее, если учесть, насколько великой и сильной была натура святого Павла. Если кто-либо вправе был желать самобытной и независимой жизни, то уж он несомненно имел право стать чем-то в мире; но он совершенно погрузил себя в бытие эхом и орудием Другого. [50]

[25] Господа, я посвятил почти всю лекцию этому подробному разбору христианства святого Павла по двум причинам.

[26] Во-первых, я сделал это потому, что хочу вызвать в вашем уме тёплое понимание самого человека, которого в этом курсе лекций ставлю образцом для проповедников. Нередко говорят так, будто первые апостолы были сформированы общением с Иисусом и, сильные одной лишь любовью к Нему, пошли рассказывать миру простую историю Его жизни и смерти; а святой Павел, будучи человеком более холодной натуры и сильных умственных склонностей, отвёл христианство от личности Иисуса и превратил его в жёсткую рассудочную систему. Думаю, я доказал, что это совершенно ошибочное впечатление, грубо несправедливое к великому апостолу. Никто из апостолов, даже святой Иоанн, не был больше исполнен пыла личной привязанности ко Христу. Натура Павла была шире, чем у любого из них, но эта страсть пронизывала её насквозь. Будучи человеком мыслительного склада, он не мог не продумывать христианство; однако Христос входил в каждую его мысль о нём.

27 Другая причина, по которой я попытался сегодня так полно разобрать христианский опыт святого Павла, состоит в моём убеждении: здесь находится великий побудитель служения — самый пульс всего механизма. [51]

28 Многие побуждения могут содействовать сильному служению и позволять нам радоваться своему призванию. Некоторые из них я уже рассматривал в этом курсе. Например, в прошлой лекции речь шла о том, что служение даёт удовлетворяющую и вдохновляющую работу всем силам ума. Есть и другое, упомянутое в более ранней лекции: наш труд — патриотическое служение; мы делаем для своей страны самое лучшее, когда пронизываем её жизнь духом истинной религии. Ныне многие умы привлекает в служении то, что оно служит человечеству: сердце и совесть эпохи взволнованы бедствиями бедных, и это самый очевидный и действенный путь помощи. Всё это вдохновляющие побуждения; можно назвать и другие. Но гораздо важнее их всех — сильная личная привязанность к Спасителю. Это тот мотив служения, который проникает глубже всего и дольше всего сохраняет силу.

29 У него может быть много корней. Он может корениться в глубоких убеждениях о личности Спасителя и восторженном восхищении Его характером. Может возникать из острого осознания той погибели, из которой Он нас извлёк, и того предназначения, к которому возвысил. Больше всего он может быть обязан впечатлению, произведённому на наш ум и сердце жертвой, ценой которой Иисус приобрёл для нас спасение. И здесь непременно скажется глубина или поверхностность нашего богословия. Если поверхностны

наши взгляды либо на перемену, произведённую спасением в нас самих, либо на то, что сделал Христос, чтобы стать Спасителем, скорее всего, мы будем мало любить. Много любит тот, кто знает, что ему многое прощено и что он спасён дорогой ценой. А мера любви есть мера жертвы.

[30] Во все века в этом заключалась тайна посвящённых жизней. Это создало великих проповедников — святого Августина и святого Бернара, Лютера и Уэсли, Сэмюэла Рутерфорда и Макчейна. Это создало и тех, кто не был велик в глазах людей, но своей самоотверженной жизнью приближал Царство Божие. В одном из сонетов Мэтью Арнольд рассказывает, как в знойный августовский день встретил в лондонском Ист-Энде служителя, «больного и измученного трудом», и спросил, как ему живётся среди этого греха и скорби. «Мужественно, — был ответ, — ибо в последнее время меня очень ободряет мысль о Христе». Говорят, это был действительный случай. [52] Во всяком случае, здесь объяснение тысяч героических жизней, прожитых в подобных безнадёжных условиях. Ныне приверженцы гуманитарного человеколюбия громко возвещают о бедствиях мира, будто первыми их открыли, и предлагают планы их облегчения; однако все их методы уже предвосхищены смиренными последователями Иисуса, и девять десятых подлинной благотворительной работы мира совершают мужчины и женщины, которые не шумят, но не могут не трудиться ради целей Иисуса, потому что Его любовь горит в самых их костях и жизнь Христа в них не может не проявляться согласно своей природе. Сквозь христианские столетия доносится своего рода гимн; его слова приписывают святому Патрику; выраженное в нём чувство вполне можно назвать

музыкой, под которую всегда шествовала истинная воинствующая Церковь:

> [31] Христос со мной,
> Христос предо мной,
> Христос позади меня,
> Христос во мне,
> Христос подо мной,
> Христос надо мной,
> Христос справа от меня,
> Христос слева от меня,
> Христос в крепости,
> Христос на сиденье колесницы,
> Христос на корме,
> Христос в сердце каждого, кто думает обо мне,
> Христос в устах каждого, кто говорит со мной,
> Христос в каждом глазу, который видит меня,
> Христос в каждом ухе, которое слышит меня. [53]

Лекция VIII. Проповедник как апостол

[1] Господа, в двух последних лекциях мы исследовали два главных источника — пожалуй, можно сказать, два самых главных источника — силы служителя: его человечность и его христианство. Их можно назвать двумя естественными родниками, из которых истекает труд для людей и для Бога. Из них он возникает как прямая необходимость природы. Если человек действительно велик как человек — если в нём много огня и силы, много энергии убеждения, — он не сможет пережить столь великое событие, как принятие христианства, и не возвестить о нём; и если он действительно глубокий христианин — если в нём много духа Христова, то есть духа самопожертвования и благоволения, — он не сможет удержаться от того, чтобы приблизиться к людям в их грехе и бедствии и попытаться сообщить им тайну блаженства. Плохим служителем будет тот, кто не стал бы ревностно трудиться для Бога и людей, даже если бы не был служителем.

[2] Эти побуждения были особенно сильны в святом Павле. И всё же существовал ещё один источник, из которого он черпал мотивы своего служения: Бог поставил его на апостольское служение и назначил ему особую область деятельности как апостолу язычников.

[3] Два других источника побуждений, как я сказал, естественны; этот же, напротив, связан с должностью. Это может вызвать против него предубеждение. Столь многочисленные и тяжкие ошибки совершались из-за того, что официальное назначение считали единственным

основанием для христианского труда, пренебрегая предшествующими качествами подлинной, сочувствующей людям человечности и глубокого личного христианства, без которых оно ничего не значит, что возникает склонность вовсе не принимать такой мотив во внимание. Но святой Павел его признаёт. Хотя он, несомненно, всегда был гораздо больше человеком и христианином, чем должностным лицом, всё же в ответ на противодействие он с большой силой настаивает на своём апостольском достоинстве; и очевидно, он чувствовал, что оно налагает дополнительные обязательства ревностно и верно совершать дело, к которому побуждали его человеческие и христианские стремления.

4 Действительно, для всякого, кто стал христианином и начинает ощущать в груди свойственные христианскому духу побуждения служить Богу и благословлять мир, чрезвычайно важно получить определённое место и определённое дело. Иначе эти внушённые Богом побуждения, выражаясь только в словах и чувствах, постепенно угасают без упражнения или рассеиваются на столько предметов, что ничего не бывает сделано. Но когда получена особая задача, сила этих чувств сосредоточивается на ней и превращается в действительный труд. Христианин говорит: вот моё собственное дело; если я его не исполню, никто другой не сможет; вот мой уголок на великом поле труда, который я, и никто иной, должен сделать плодородным и прекрасным; в конце я буду отвечать перед Судией всех за то, как исполнено порученное мне дело.

5 Такие чувства крепко владели умом святого Павла. Одним из самых привычных его представлений о своей должности было представление о домостроительстве,

которое он ведёт и за которое впоследствии должен будет дать отчёт. «От домостроителей же, — говорит он, — требуется, чтобы каждый оказался верным». [54] Подобным образом он мыслил себя работником, которому поручено построить определённую часть храма; но вечером придёт великий Хозяин осмотреть работу — да, и даже испытать её огнём; и когда настанет это испытание, он хочет оказаться работником неукоризненным. Весь труд апостольства представлялся ему поприщем, которое он должен пройти, прежде чем получит награду Божия одобрения. Это его любимый образ, и он применяет его в разных направлениях.

6 Например, атлет на беговой дорожке должен поддерживать себя тренировкой и напрягать каждый мускул. Так и святой Павел чувствовал обязанность отдавать делу каждую имеющуюся у него силу. «В сём пребывай», — говорит он молодому соработнику о его обязанностях, и то, чему учил, исполнял сам. «Возгревай дар Божий, который в тебе», — вновь говорит он тому же другу и постоянно требовал от собственной натуры предельного напряжения сил. Он всегда возрастал, но весь прирост способностей и влияния служил одной и той же цели.

7 Атлет на состязаниях естественно слагал всякое бремя, освобождаясь от всего, что могло помешать бегу и лишить награды. Он не смел оглянуться на какой-либо предмет, который отвёл бы его взгляд от цели. Так святой Павел жертвовал всем ради Евангелия; у него была одна цель и никаких побочных целей. Правда, его часто обвиняли в стремлении к какой-то собственной выгоде. С особенной настойчивостью его обвиняли в корыстолюбии. Теперь весьма нелепо думать, что этого великого человека

считали способным на столь низкий порок. Но его побуждения были слишком высоки и чисты, чтобы обвинители могли их понять; и они естественно приписывали ему мотив, который сильнее всего сознавали в самих себе. Однако этим они лишь выявляли истинное величие человека. Он верил в право проповедников Евангелия жить от Евангелия и ожидал всеобщего признания этого права, как только христианство утвердится в мире. Но сам он жил выше всех подобных притязаний. Он, правда, принимал поддержку от обращённых им людей и благодарил за неё Бога, когда имел веское основание считать, что его побуждения поняты. Но там, где они вызывали подозрения или где принятие денег хотя бы в какой-то мере грозило успеху Евангелия, он не брал ни гроша, предпочитая просидеть за работой половину ночи и стереть руки до костей, добывая пропитание. Нет в истории более возвышенного зрелища, чем великий апостол, несущий на плечах тяжесть христианства и под своей одеждой — будущее мира, но трудящийся собственными руками ради хлеба рядом с Акилой и Прискиллой, чтобы уберечь христианство от малейшей тени подозрения в корысти.

[8] Господа, среди многих привлекательных сторон нашего призвания, с которыми мне хотелось бы вас поздравить, не последняя та, что оно даёт определённое поле для проявления доброжелательных побуждений, которые вы ощущаете как люди и как христиане, и, упражняя их, развивает. Эти побуждения могут быть самыми сильными и священными в нашей природе. Но в других занятиях, среди волнений и соперничества жизни, им сильно грозит постепенное угасание. Наше призвание, напротив, постоянно предоставляет им возможности питания и развития. Их здоровая и свободная деятельность — душа

служительского труда; и её побуждает чувство ответственности за то, чтобы заполнить отведённую нам область и исчерпать её возможности.

9 Но помимо чувства долга есть побуждение ещё более трогательное, приходящее к человеку, когда ему поручают собственную общину. Когда я впервые стал служителем церкви, я открыл то, о чём мне никто не говорил и чего я не предвидел, но что оказалось огромной помощью в исполнении служения. Я полюбил свою общину — словно влюбился в неё. Не знаю, как иначе это выразить. Это было столь же подлинное цветение сердца, как любое другое из пережитых мной. Оно делало лёгким всё, что требовалось для моих людей; оно превращало в совершенную радость возможность смотреть им в лицо воскресным утром. Не знаю, всеобщ ли такой опыт, но думаю, что он обычен. Что до меня, мне приятно встречать человека, который считает свою общину, сколь бы мала она ни была, важнейшей во всей Церкви и даже несколько склонен утомлять вас рассказами о её подробностях. Когда человек так влюбляется в своих людей, вероятно, нечто подобное происходит и с ними. Как жена предпочитает собственного мужа всякому другому мужчине, хотя вовсе не обязана считать его самым блистательным представителем человечества, так и община обычно предпочитает своего служителя всем другим, если он настоящий человек, хотя, конечно, не всегда питает иллюзию, будто он образец исключительных способностей. Так любить и быть любимым — тайна счастливого и успешного служения.

10 Принимая обязанности своего служения в описанном мною духе, святой Павел нашёл бы трудоёмкой всякую область, сколь бы ограниченной она ни была. Но в

действительности отведённая ему область была огромна. Она включала не меньше чем весь языческий мир.

11 Разумеется, известный мир в ту эпоху по размерам далеко не походил на нынешний. Он состоял лишь из узкого круга стран вдоль берегов Средиземного моря. И всё же всякого другого человека призвание евангелизировать его целиком должно было бы ошеломить и даже парализовать. Святой Павел, однако, принял его со всей серьёзностью и с тех пор до самого дня смерти считал жителей этих стран людьми, которым он должен весть Евангелия. Говоря о двух общепризнанных частях тогдашнего языческого мира, он говорит: «Я должен и Еллинам и варварам, мудрецам и невеждам».

12 Конечно, он не прожил достаточно долго, чтобы проповедать Евангелие всем жителям даже маленького мира своих дней. И всё же размах его трудов изумляет. Он проповедовал почти во всех великих городах того мира — Антиохии, Ефесе, Коринфе, Афинах, Риме и многих других. Его предпочтение городов, очевидно, объяснялось надеждой, что, когда Христос будет возвещён в этих многолюдных центрах, звук Его учения разнесётся по окрестным областям. И эта надежда оправдалась. Например, города провинции Асии, которым святой Иоанн послал письма в начале Откровения, вероятно, все были евангелизированы из Ефеса обращёнными святого Павла, хотя сам он, возможно, не посетил ни одного из них, кроме Ефеса. В его уме постоянно горела страсть идти вперёд и охватывать новые земли. Он не мог вынести мысли о строительстве на чужом основании. Широкие области его апостольства, ещё не охваченные трудом, непрестанно звали его дальше.

13 Первое его путешествие было лишь обходом стран, граничащих с запада и севера с родной ему Киликией, и проходило главным образом среди варваров. Но второе, после ещё более обширного пути среди варваров, привело его к рубежам того удивительного мира культуры и славы, где жили греки, в отличие от варваров. Он стоял на берегу Азии и смотрел через море на берег Европы. В Европе находились два великих ока языческого мира — Афины и Рим: одно было средоточием его мудрости, другое — его могущества. Как мог апостол язычников не желать проповедовать там Евангелие? Он переправился через узкий пролив и затем шёл от одного греческого города к другому, пока не встал на том самом месте, где учил Сократ и гремел Демосфен. Во время третьего путешествия ему пришлось сосредоточить труд в Ефесе, ибо, подобно искусному полководцу, он не желал оставлять в тылу непокорённую территорию. Но теперь целью всех его желаний был Рим — Рим, сама твердыня мира, который ему предстояло завоевать. Наконец он приблизился к нему в одежде узника и среди партии заключённых. Но, следуя за ним, мы чувствуем, будто идём с победоносным войском, чтобы участвовать в великом триумфе. Вообще, сопровождая этот великий дух, нередко испытываешь именно такое чувство. Оно было и у него самого. «Благодарение Богу, — говорит он, — Который всегда даёт нам торжествовать». Только в его представлении в колеснице победы находился не он сам, а Христос; он же был лишь спутником, раздающим от имени Победителя щедрые дары толпе вокруг колёс.

14 Таков образ апостола, всё ярче возникающий в воображении при чтении его необычайной жизни. Но была и другая сторона. Нам теперь его путь видится героическим и славным; для него же в то время он был

усеян бесчисленными препятствиями. И как ни удивительны были его труды, ещё удивительнее — страдания. Он непрерывно переходил из города в город, но редко покидал какое-нибудь место, не подвергшись смертельной опасности. Иногда толпа восставала против него и оставляла в покое лишь после того, как выбрасывала за город его, казалось, безжизненное тело, словно собачью падаль. Иногда власти хватали его и подвергали строгостям закона. Но послушайте перечень его страданий из его собственных уст: «Христовы служители? и я: я гораздо более был в трудах, безмерно в ранах, более в темницах и многократно при смерти. От Иудеев пять раз дано мне было по сорока ударов без одного; три раза меня били палками, однажды камнями побивали, три раза я терпел кораблекрушение, ночь и день пробыл во глубине морской; много раз был в путешествиях, в опасностях на реках, в опасностях от разбойников, в опасностях от единоплеменников, в опасностях от язычников, в опасностях в городе, в опасностях в пустыне, в опасностях на море, в опасностях между лжебратиями, в труде и в изнурении, часто в бдении, на стуже и в наготе. Кроме посторонних приключений, у меня ежедневно стечение людей, забота о всех церквах». Между тем, когда он писал это, он прошёл лишь половину своего пути.

15 Теперь время озарило эти события славой; но, когда их приходилось переносить, они были вполне реальными и мучительными. Возьмём лишь один пример: что значило для человека со столь чувствительным достоинством, занятого одним лишь добром, так часто попадать в руки стражи и в общество преступников? В посланиях он не может скрыть досады, причиняемой его «узами». Хотя в победные часы он, как мы видели, чувствовал, что его

несут вперёд в триумфе, в другие минуты ощущал себя на противоположном полюсе: «Я думаю, что нам, последним посланникам, Бог судил быть как бы приговорёнными к смерти, потому что мы сделались позорищем для мира, для Ангелов и человеков; мы как сор для мира, как прах, всеми попираемый». Здесь имеется в виду участь гладиаторов, чьими дешёвыми жизнями жертвовали для украшения триумфа победителя.

16 И всё же он никогда надолго не оставался в таком унынии: мысль о деле, ради которого он всё претерпевал, вновь поднимала его. А обычное его настроение перед нарастающими трудностями выражено в этих волнующих сердце словах: «Но я ни на что не взираю и не дорожу своею жизнью, только бы с радостью совершить поприще моё и служение, которое я принял от Господа Иисуса, проповедать Евангелие благодати Божией».

17 Хорошо задержаться возле человека, столь верного порученному, столь усердного в труде и столь терпеливого в страдании. Его необычайные труды и страдания могут научить и нас честно работать и переносить тяготы.

18 Наша область, правда, весьма отличается от его. Его область была так обширна, что почти не имела границ; наша может быть очень тесной. Он постоянно переходил с места на место и встречал новых людей; нам, возможно, придётся всю жизнь трудиться среди одной и той же горстки людей. Он жил среди ежедневной новизны и волнений; нам, возможно, предстоит исполнить жизнь глубокого однообразия. И не все неудобства достаются широкой, трудной и опасной доле. Может казаться лёгким сохранять верность в малой области и исчерпать все её возможности. Но у тесной доли есть свои

испытания, как и у широкой, и, возможно, для их преодоления требуется не меньшая добродетель. Чтобы неделю за неделей добросовестно готовить проповедь для маленькой и сравнительно невежественной общины, может понадобиться более сильное чувство долга, чем для того, чтобы выдерживать опасности на открытом посту миссионерского поля. [55]

19 Нигде служение не может быть лёгким, если осознавать его ответственность и честно исполнять обязанности. Я сказал бы вам: готовьтесь к трудовой жизни. Если вы представляете служение иначе, лучше повернуть назад. Наша жизнь наполнена делами больше, чем жизнь людей любой другой профессии.

20 Есть труд изучения и проповеди. Я не знаю, как в подробностях устроена неделя служителя у вас; но в Шотландии служителям, как правило, надо подготовить к воскресенью две проповеди и, кроме того, урок для библейского класса, который может требовать столько же труда, сколько проповедь; а также у нас бывает по меньшей мере одно собрание среди недели с пространным обращением. Для этих четырёх речей надо найти темы, собрать материал для толкования и иллюстраций; уму нужно сначала освоить каждый предмет, а затем придать ему форму, пригодную для воздействия на обычных слушателей. Правда, иногда проповедь возникает вспышкой, и, возможно, в лучшем труде есть нечто от внезапного открытия; но и тогда требуется время, чтобы разработать мысль и обогатить её сопутствующими размышлениями. А многие проповеди не имеют ценности без обширного исследования и терпеливой обработки добытого материала. Затем следует запись. На одну проповедь уйдёт по меньшей мере

шесть-восемь часов, а легко может уйти и гораздо больше. Многие служители полностью записывают не больше одной проповеди в неделю и, вероятно, поступают мудро; но многие записывают две. Таким образом, здесь явно достаточно работы, чтобы пять дней в неделю занимать долгие утренние часы. Мне всегда приходилось добавлять вторую половину пятницы и субботы, а часто ещё и вечер. Затем наступает тяжёлый и напряжённый воскресный труд. Отдыхать в понедельник — религиозная обязанность, поскольку телесного отдыха воскресного дня мы не получаем. [56]

[21] Есть труд посещений. Надо посещать больных и прикованных к постели; и огромную пользу приносит посещение всей общины из дома в дом. Как говорил доктор Чалмерс, самый прямой путь к сердцу человека обычно проходит через дверь его дома. Знакомство с действительными обстоятельствами семей общины придаёт воскресным наставлениям удивительную жизненность и меткость. Наши проповеди должны вырастать из общины, если им предстоит вновь достигнуть её. Здесь, очевидно, достаточно работы для тех часов после полудня, которые оставляет свободными учёба. Многим служителям приходится добавлять один-два вечера, поскольку вечером легче всего застать людей дома.

[22] Есть и третья масса работы, чрезвычайно разнообразной, поглощающая много времени и сил. Она включает такие обязанности, как совершение обрядов при крещениях, бракосочетаниях и похоронах; устройство работы общины; участие в церковных собраниях и заседаниях комитетов; служение в школьных советах и правлениях благотворительных обществ; проповедь вне

собственного прихода и выступления на собраниях соседних служителей; написание официальных писем; сбор средств; приём посетителей; работа для печати. Служитель, занимающий сколько-нибудь видное положение, мог бы легко тратить всё время на подобные обязанности, ни одна из которых не казалась бы бесполезной: столь многочисленны требования, поступающие со всех сторон.

[23] Я ничего не сказал о времени, необходимом, чтобы следить за современной литературой или развивать особую научную область. Удивительно, чего в этом отношении достигают некоторые из самых занятых людей; но это удаётся лишь благодаря экономии и даже скупости во времени, для которой требуется своего рода гений. Конечно, бывают времена года, когда давление общественных обязанностей не так велико; и служителям предоставляется более продолжительный отпуск, чем людям других профессий. Два часа в день, отданные во время отпуска серьёзному чтению, могут вплести нити свежего цвета во всю ткань труда предстоящего сезона. Не говорил я и о времени, необходимом для обдумывания молитвенной части богослужения, хотя в наших церквах, где преобладает свободная молитва, она заслуживает столь же тщательного внимания, как и проповедь.

[24] Этот взгляд на подробности рабочей недели служителя поможет вам понять, что лежащая перед вами жизнь будет трудовой. Конечно, от труда можно уклоняться. Служители сами распоряжаются временем; у них нет установленных служебных часов; и, полагаю, жизнь служителя может быть более недостойно праздной, чем жизнь представителя любой другой профессии. То есть если у него нет совести.

[25] Трудно судить, насколько добросовестный и усердный человек вправе посвятить себя одной отрасли служительского труда, к которой имеет особые способности или склонности. Возможно, протестантская Церковь не сумела использовать особые дарования. Некоторые выдающиеся проповедники, например, пренебрегают пастырскими посещениями; [57] и, полагаю, многие служители сторонятся более широкой общественной работы, потому что не имеют к ней вкуса. В этом может быть некоторый выигрыш, но есть и потеря. Когда проповедник не посещает людей, он склонен становиться оратором, который ослепляет, но не питает стадо. Когда служитель держится в стороне от общественных интересов, Церковь, к которой он принадлежит, скорее всего, окажется слабой именно в этом отношении.

[26] Самое губительное пренебрежение — пренебрежение учёбой; и, пожалуй, оно же самое распространённое. Часть нашего труда, требующая наибольшей нравственной решимости, — несомненно, проповедь: начать её, изучить предмет, написать и закончить. Даже самым добросовестным нужны годы дисциплины, чтобы в этом отношении овладеть собой; и, вероятно, именно здесь происходит три четверти всех служительских неудач. Трудно не чтение относящегося к теме материала; напротив, его можно с наслаждением затягивать, пока не станет слишком поздно обдумывать и записывать проповедь. Тяжёлый и горький труд состоит в том, чтобы принять пот мысли и утомительность письма; хотя, когда трудность преодолена, здесь же находятся счастье и торжество нашего призвания.

[27] Разумеется, эта трудность сильнее всего в малой области. Здесь искушение состоит в том, чтобы уступить однообразию положения, позволить силам застояться, решить, что сойдёт что угодно, и отделаться от людей тем, что не стоило никакого усилия. «Я знаю, — говорит человек с острым пером, [58] — как правдоподобны оправдания, и знаю, к чему приводит ослабление занятий: к утренней лени, всё более чрезмерному чтению ежедневных газет, повышенному интересу к садоводству, ещё нескольким трубкам в день и тому подобному. Завтрак наконец приходит к своему давно отложенному концу около десяти; затем следует совещание с садовником, которое, конечно, является делом и заставляет бездельника чувствовать, будто его деятельные привычки действительно возвращаются; затем нужно ответить на два письма; потом, как раз когда он намеревается идти в кабинет, он замечает проходящего мистера Растратодня, и, прежде чем окончится их разговор через изгородь, полдень уже миновал. Когда он всё же добирается до кабинета, на столе лежит “Макмиллан” или “Блэквуд”, и ему кажется, что он не может усесться за дело, пока не узнает судьбу героини очередного романа; или окно выходит на соседский луг, где кипит сенокос, и он в десять раз больше интересуется той работой, чем собственной. Так проходит всё утро, и его зовут к обеду прежде, чем он заслужил свой хлеб хотя бы одним толковым движением руки».

[28] Однако такое искушение не ограничивается человеком, занимающим маленькое и удобное место: это общее искушение всех служителей. Только в городе оно приходит в другой форме. Человека с большой общиной и некоторой известностью со всех сторон осаждают

призывами к всевозможным обязанностям за пределами его собственной области. Звонок у его двери не умолкает. Каждый проситель считает своё дело важнейшим. Вокруг — вихрь возбуждения; и возможность разными способами служить обществу опьяняет. Но если человек оставляет привычку к занятиям, он погиб. Его выступления становятся банальными; публика устаёт от него и отбрасывает его столь же безжалостно, сколь прежде бессмысленно боготворила. Роберт Холл говорил: когда дьявол видит, что служитель обещает стать полезным в Церкви, его способ избавиться от него — взобраться ему на спину и загнать его до смерти обязательствами.

29 Если следить за трудами и страданиями святого Павла в их общем размахе, возникает потрясающее впечатление серьёзности и преданности; однако ещё лучше мы узнаём апостола, вникая в мельчайшие подробности его деятельности. Тому, кто имеет дело с огромными массами, свойственно упускать детали; так бывает и в деле Христовом. Благовестник, например, переходящий с места на место и окружённый множеством людей, может очень мало знать об отдельных людях. Тому же искушению подвержен служитель большой общины. В самом деле, все мы слишком жаждем толп и слишком мало занимаемся единицами, из которых они состоят. Но это величайшая из ошибок. Святой Павел, среди постоянной смены мест и напора многочисленных людских собраний, никогда не упускал отдельного человека. В речи к ефесским пресвитерам он мог призвать их засвидетельствовать, что учил не только всенародно, но и по домам и что день и ночь со слезами вразумлял каждого. Хотя, подобно Учителю, он был тронут видом множества людей и радовался возможности возвестить благую весть многим, он был столь же готов

проповедовать небольшой группе женщин у реки, среди которых находилась Лидия, или воину, к которому был прикован в римской темнице.

30 Святой Павел никогда не был только благовестником. Дело благовестника — заниматься начальной ступенью христианской жизни: он должен привести людей к решению; когда это сделано, он идёт дальше, оставляя другим силам всё, что ещё потребуется. Благовестник иногда очень мало знает о судьбе обращённых после своего отъезда. Но святой Павел заботился об этом столь же горячо, как о первых впечатлениях. Как бы мало ни было обращённых, он составлял из них христианскую церковь и поставлял пресвитеров в каждом городе. Он часто оставлял помощника продолжать и укреплять начатое дело. Находясь вдали, он всегда жадно ожидал известий о своих церквах. Его послания полны таких забот; да и сами послания — лучший памятник его пастырской попечительности, ибо написаны, чтобы осведомиться о благополучии оставленных им людей или дать совет по вопросам, с которыми они к нему обратились. Они переполнены выражениями нежной и сердечной любви. Он может уверять адресатов, что молится о них — не только в целом, но о каждом по отдельности. Так, вспоминая их у престола благодати, он сохранял живыми в памяти их лица и имена; и вся его жизнь, должно быть, была одной долгой молитвой о своём деле.

31 Иногда молитва, которую он возносил, словно сама сходит с его пера; и тогда мы видим, насколько высок был идеал христианского совершенства, который он лелеял для обращённых. Ему было недостаточно, что они отвернулись от прежних грехов и сделали первые шаги в

Божественной жизни. Он жаждал видеть, как они становятся достойными образцами христианства и украшением Церкви — совершенными людьми, ко всякому доброму делу приготовленными. Слышать об их возрастании было для него самой жизнью: «Ибо теперь мы живы, когда вы стоите в Господе». А венец, которого он ожидал как награды за все труды и страдания, состоял в том, чтобы наконец удостоиться представить душу каждого из них Христу чистою девою.

32 Господа, я убеждён, что почти всякий проповедник, оглядывая достаточно продолжительное служение, признал бы своей большой ошибкой пренебрежение отдельными людьми. Если позволено сослаться на личный опыт: недавно, переходя с одного места служения на другое, я получил возможность обозреть двенадцать лет труда; и главным впечатлением при взгляде назад было то, что именно здесь я потерпел неудачу. Я сказал себе, что отныне начертаю на сердце слова «отдельные люди» как девиз своего служения.

33 Мы производим впечатления в церкви, но не продолжаем работу с ними, чтобы убедиться, что решение принято и Божие дело совершилось; поэтому влияния мира рассеивают их, а испытавшие их люди, возможно, становятся хуже вместо того, чтобы стать лучше. Весьма знаменательно сказанное о пастыре в притче нашего Господа: он искал заблудшую овцу, «пока не найдёт её». Мы ищем; даже ищем усердно и с болью; но часто прекращаем поиски перед самым нахождением.

34 Один служитель рассказал мне, что субботним вечером перед его первым воскресеньем на первом месте служения опытный пастор, которому предстояло на другой день представить его людям, гулял с ним возле

селения и беседовал об обязанностях. Они случайно проходили мимо посадки деревьев. Указав на неё, старый служитель спросил: «Если бы вам пришлось срубить эти деревья, как бы вы принялись за дело? Обошли бы всю посадку, ударив по каждому дереву один раз, а затем обошли бы все снова, нанося по второму удару?» — «Пожалуй, нет, — ответил он, — думаю, я взялся бы за одно дерево и рубил его, пока оно не упадёт; потом перешёл бы ко второму, третьему и так далее». — «Вот так, — сказал опытный друг, — и надо поступать здесь. Пробыв на месте недолгое время, вы обнаружите, на какие семьи и на каких людей ваши первые усилия произвели самое сильное впечатление; и вы должны посвятить себя этим восприимчивым душам, пока не приобретёте их вполне. Тогда в их преданности вам и готовности трудиться для общины вы получите лучшее основание успешного служения».

35 В одной из прежних лекций я говорил о способности различать в мужчинах и женщинах всякого сословия и положения общую всем человечность и прямо обращаться к ней, независимо от поверхностных различий между классами и отдельными людьми. Но сочувствие служителя должно охватывать и особенности сословий и отдельных лиц, а не только общее всем. Хотя святой Павел, подобно Учителю, крепко постигал всечеловеческое, для иудеев он становился иудеем, чтобы приобрести иудеев, а для чуждых закона — как чуждый закона, чтобы приобрести чуждых закона; для всех он становился всем, чтобы приобрести больше.

36 Очевидно, он был убеждён, что Бог Своим откровением среди обладающих Писаным Словом и Своим Промыслом среди не имеющих его стремится различными путями

привести Своих детей к Себе; а его собственный долг — присоединиться к каждой группе на достигнутой ею ступени и предложить стать её проводником. Иудей продвинулся дальше, и Павел встречал его там, где тот находился; язычник отставал, и ему приходилось вернуться и приблизиться к нему тоже на его месте, чтобы завоевать доверие и получить возможность вести его дальше.

37 Это убеждение даёт служителю веру в собственный труд. Души людей принадлежат Богу. Его Промысл — воспитание, призванное привести их к Нему; нет никого, с кем не боролся бы Его Дух. И наш труд приносит плод только тогда, когда содействует Его труду. Там, где Бог уже действовал, открывая и смягчая сердце, очень простые усилия, приложенные в нужное мгновение, могут привести далеко, и Божие дело может быстро совершиться.

38 Какое положение может быть более трогательным для чувствительного и сочувствующего ума, чем положение служителя, когда он встаёт на кафедру и смотрит на общину? Какое разнообразие состояний перед ним! На одной скамье сидит человек, который всю неделю вёл проигрываемую борьбу за своё дело и видит себя на краю разорения; на соседней, возможно, купец, которому удача горстями сыплет дары на колени. Здесь мать думает о сыне, только что покинувшем дом и плывущем по морю; там девушка радуется счастливым мечтам юности. Справа может быть юноша, трепещущий на грани величайшего искушения своей жизни, а слева другой, от которого ещё веет чадом какого-то тайного греховного разгула. Разнообразие бесконечно, однако никто не лишён интереса; и, вероятно, нет никого, кто не отозвался

бы на принесённое вами влияние, если бы вы сумели встретить его точно там, где он стоит. Людей останавливает такое знание человеческого сердца, при котором они чувствуют себя раскрытыми; и человек склонен ответить на ваш призыв, если видит, что вы знакомы с обстоятельствами, в которых ему предстоит вести жизнь, к которой вы зовёте, и понимаете трудности положения. Поэтому чем больше служитель знает о многообразии действительной жизни, тем лучше; и если он хочет трудиться по-настоящему действенно, он должен уметь сходить с кафедры и становиться рядом с отдельными людьми. [59]

[39] Здесь я мог бы вновь посоветовать труд посещений и привычку быть доступным дома для тех, кто приходит доверить свои переживания; но лучше закончу лекцию несколькими словами о некоторых наиболее благоприятных возможностях непосредственного общения с отдельными людьми, которые предоставляет жизнь служителя. [60]

[40] Одна из лучших таких возможностей возникает, когда родители приходят просить крещения для детей. Когда вы говорите в интересах их детей, люди с готовностью примут такую прямоту, какой не потерпели бы в другое время. Вы можете показать, насколько благополучие детей во времени и вечности зависит от собственного религиозного состояния родителей; можете настоять на обязанности семейного богослужения; и нужно обладать совсем малым умением, чтобы не суметь подойти очень близко к их сердцам. Особенно когда человек приходит по поводу крещения первенца, он, пожалуй, находится в самом благоприятном для серьёзной беседы состоянии, в каком вы вообще можете его встретить. Его душа

раскрыта нежностью и благоговеет перед тайной жизни; всем сердцем он желает сделать для ребёнка самое лучшее. И если вы покажете, что лучшее, что он может для него сделать, — самому соединиться с великим источником святого влияния, то ни при каких иных обстоятельствах доброе впечатление не бывает более вероятным.

[41] Другая возможность, которую мне хотелось бы упомянуть, возникает, когда молодые люди приходят вступать в Церковь. Я хорошо помню: в студенческие годы ни одной обязанности служителя я не ожидал с таким страхом и трепетом, как этой. Ибо я был убеждён — и остаюсь убеждён, — что в этот решающий момент наш долг самым прямым и торжественным образом поставить вопрос личного спасения перед каждым, кто намеревается приступить к причастию, и что упустить такую возможность — измена служительскому долгу. Некоторые из вас, возможно, ожидают этого с теми же чувствами; поэтому я рад сказать вам, что на деле это далеко не так трудно, как кажется издали. Сами приходящие ждут от вас верности; если вы верны, они будут за это уважать вас, если нет — разочаруются. Получив возможность, они бывают гораздо откровеннее, чем можно ожидать. Несомненно, это деликатная работа, и нужно остерегаться суровости и всего похожего на допрос; но она приносит самые благословенные плоды. Это время жатвы в году служителя, когда он видит, что его труд не тщетен. Даже одна такая близкая беседа, возникшая этим или иным путём, озаряет работу чувством реальности, не проходящим неделями; и если служитель удостоен чести часто принимать подобные признания, он приобретает умение прикасаться к самому

пульсу глубочайшей жизни слушателей, которого не может дать ничто другое.

Лекция IX. Проповедник как мыслитель

[1] Господа, в предыдущих лекциях я очень мало касался занятий, которыми вы сейчас готовитесь к служению. Более того, по причинам, объяснённым во вступительной лекции, я довольно демонстративно держался точки зрения, несколько отдалённой от академической. Но нить, которой я старался верно следовать, наконец привела нас и сюда; и я приветствую возможность сказать нечто о более умственных сторонах нашей работы. Сегодняшняя тема — проповедник как мыслитель.

[2] В прошлой лекции я говорил об огромном поле деятельности, порученном святому Павлу, и о почти сверхчеловеческих усилиях, с которыми он стремился охватить его. Но чем именно он старался его наполнить? Он ревновал не просто о том, чтобы пройти всю территорию и лично побывать во множестве стран и городов. Вперёд его гнала славная весть, носителем которой он был и звуком которой желал наполнить мир. В своих писаниях он часто соединяет две мысли: языческий мир вверен ему, чтобы заботиться о находящихся в нём душах, и Евангелие вверено ему, чтобы сообщить его язычникам. Его апостольство включало оба дела: с одной стороны, попечение о языческом мире, с другой — возвещение Евангелия.

[3] Конечно, в отличие от первых апостолов, он не слышал Евангелия из уст Христа, но получил его непосредственно от Христа каким-то иным образом; и вы знаете, как настойчиво он утверждал, что принял его не от человека и не обязан им другим апостолам. Он часто называет его

своим Евангелием и утверждает, что оно столь же подлинно и авторитетно, как проповедуемое любым из прочих апостолов. Как оно было ему открыто, мы сказать не можем. Это та же тайна, с которой мы встретились, изучая ветхозаветных пророков. И пророки, и апостолы говорят со знанием мысли и воли Божией, обладающим уверенностью и властью, свойственными именно их писаниям. Если мы вообще говорим, нам также следует говорить уверенно и властно; но между нашей уверенностью и их есть различие. Я знаю, как трудно его определить; мы прикрываем его расплывчатым словом «богодухновенность», но не вижу пользы в том, чтобы скрывать от себя его существование.

4 Однако, признавая эту тайну, мы всё же в некоторых отношениях можем видеть, как пришедшая истина воздействовала на святого Павла и как его ум работал над нею; и в этих отношениях он доступен нашему подражанию.

5 В этой лекции я хочу подчеркнуть, что христианство особенно овладело им в области разума. Оно призвано овладеть всеми частями внутреннего человека — чувствами, совестью, волей, умом; и в зависимости от природных особенностей одних людей оно может полнее захватывать в одной части их существа, других — в другой. Некоторые предполагают — и, возможно, они недалеки от истины, — что первоначальная проповедь Евангелия состояла почти исключительно из простого рассказа о жизни и смерти Иисуса; что сочувственно слушавшие его тотчас начинали жить новой жизнью в подражание Христу; и что этим в основном исчерпывалось их христианство. В такой тонкой и своеобразной натуре, как натура святого Иоанна,

Евангелие, напротив, укоренилось прежде всего в области чувств; и его христианство было таинственным единением и общением Спасителя с душой. Святой Павел отнюдь не был лишён других человеческих начал, но особенно силён был умом. Иными словами, он принадлежал к тем натурам, которым необходимо знать «почему» и «для чего» всего: вселенной, в которой они живут, переживаний, через которые проходят, целей, к которым призваны стремиться. Эта естественная склонность была усилена подготовкой образованного человека. Поэтому Евангелие пришло к нему как весть истины, проясняющая тайны существования и представляющая вселенную уму как царство порядка.

[6] Святой Павел часто выражает глубокое умственное удовлетворение, принесённое ему христианством, и радость, которую он испытывал, применяя его к разрешению жизненных задач. Свет, брошенный христианством на вселенную, был для него, по его словам, подобен утру творения, когда Бог сказал: «Да будет свет», — и стал свет. Прежде всё было тьмой и хаосом, а затем всё стало солнечным светом и порядком. Он часто с изумлённой благодарностью говорит о том, что ему открылась тайна, сокрытая от веков и родов: не видел того глаз, не слышало ухо и не приходило на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его; но Бог открыл ему это Духом Своим. Под этой тайной он понимал запутанность Божия Промысла в истории, которую пришествие Христа распутало и расправило в ткань, чей узор стал различим уму.

[7] Сам приняв христианство как систему мысли, он особенно обращался к уму других. Прекрасно сказано, что дверь Царства Небесного можно открыть только

изнутри; но к этому наблюдению можно добавить другое: в известном смысле дверей много, однако каждый человек может открыть другим лишь ту, через которую вошёл сам. Христианство пришло к святому Павлу как истина о Боге, мире и нём самом. Чувств тоже было много; но для него чувство следовало за ясным умственным убеждением и рождалось из него. И он ожидал, что другие примут христианство тем же путём. Поэтому он никогда не щадил ум своих слушателей: ожидал от них мысли и сказал бы, что, если они не раскроют и не напрягут ум, они не смогут принять христианство.

[8] Едва ли я знаю что-либо более загадочное, чем смелость, с которой он полагался на ум слушателей и доверял их способности понять его, когда мыслил с наибольшей силой и глубиной. Представьте, как его послание прибывает в Рим или Ефес и впервые читается перед церковью. Кто слушатели? Большинство — рабы; многие ещё совсем недавно не заботились о религии; по всей вероятности, и десятая часть не умела читать и писать. Что же давал им Павел? Не молоко для младенцев, не смесь рассказов и практических замечаний, а Послание к Римлянам с его строгой логикой и великими идеями или Послание к Ефесянам со сложными предложениями и глубоким мистицизмом. Он, должно быть, верил, что они поймут написанное, хотя учёность сочла необходимым нагромоздить гору комментариев к этим посланиям. Христианство, проходившее в лице святого Павла по городам мира, должно было идти как великое пробуждение ума, учившее людей пользоваться разумом для исследования глубочайших вопросов жизни.

9 Насколько глубоко он был заинтересован в умственном принятии Евангелия, показывает горячность его молитв о том, чтобы обращённые преуспевали в мысленном постижении истины. «Молюсь, — говорит он, — о том, чтобы любовь ваша ещё более и более возрастала в познании и всяком чувстве». И вновь говорит: «Вспоминая о вас в молитвах моих, чтобы Бог Господа нашего Иисуса Христа, Отец славы, дал вам Духа премудрости и откровения к познанию Его и просветил очи сердца вашего», — и так далее.

10 Но ничто так ясно не доказывает, как высоко он ценил это начало христианства, как его ревность о сохранении проповеданного им Евангелия в чистоте и целости. Он призывал молодых служителей, таких как Тимофей и Тит, хранить его как драгоценное сокровище и передавать верным людям, способным научить и других. Его наполняли острейшая тревога и боль, когда умы обращённых подвергались нападению учений, подрывавших истину, которой он научил. Ему приходилось встречать подобные нападения как со стороны ортодоксии, так и со стороны инакомыслия, и немалая доля его энергии уходила на их опровержение. Вы помните, например, с каким жаром ревности и любви он обратился к галатам, когда те прислушались к ложным учителям: «О несмысленные Галаты! кто прельстил вас?»; «Кто благовествует вам не то, что вы приняли, да будет анафема».

11 Господа, вы собираетесь стать учителями христианства, а это предполагает, что вы сами должны овладеть им в мысли. Некоторое число людей будет более или менее зависеть от вас в своём понимании христианства; а на самом деле это означает их понимание

всех важнейших и священнейших предметов существования, ибо для них всё будет заключаться в христианстве. И от вас в значительной мере будет зависеть, окажется ли это понимание истинным или ложным, узким или благородным.

12 Трудно преувеличить значение, которое имеют для мужчин и женщин их основные убеждения о вселенной, в которой они живут. Правда, теперь распространена манера говорить об уме так, словно все прочие способности имеют отношение к религии, а он лишь непрошеный пришелец; существует и способ говорить об определённой религиозной истине, который, если придавать словам строгий смысл, действительно подразумевает: когда в религии истина не найдена, её противоположность может послужить ничуть не хуже. И всё же, как ни странно, такую речь обычно слышишь от людей, особенно притязающих на интеллектуальность и изображающих себя особыми защитниками истины. Но ум — благородная способность, имеющая важное назначение в религии. Собственно говоря, он предшествует и чувству, и воле; и вложенное в него определяет, какими будут и чувство, и выбор. Правда, людей часто вносит в Церковь поток какого-нибудь чувства; окружающее со всех сторон влияние христианского общества вместе с примерами выдающихся христиан многое делает для развития религиозной природы. Но, вероятно, в великие кризисы искушения, когда поток страсти или какая-нибудь большая мирская возможность вот-вот унесёт человека от связи со Христом, удерживает его сила убеждения — если корни его ума глубоко ушли и обвились вокруг великих истин веры. Сам Господь назвал истину основанием, на котором возводится всё строение жизни. Всё, чем человек является и что делает, в конечном счёте зависит от того,

что он знает и во что верит. Для ваших слушателей будет бедствием, если из вашей проповеди они не смогут постепенно составить в уме истинное и возвышающее представление о христианстве, которое даст им основные начала жизни.

13 Кроме этой священной обязанности перед нашими людьми существует обязанность перед самой истиной. Святой Павел глубоко её чувствовал. Ему было вверено откровение христианства, и он должен был представить его во всём великолепии и применить ко всем подробностям жизни. Так и нам вверено Слово Божие, и мы ответственны за передачу всей его вести. Если мы берём отдельный библейский текст, наша заслуга как проповедников состоит в привлекательном и всестороннем раскрытии заключённой в нём истины. Ещё более достойным считалось бы представить всю весть, содержащуюся в одной книге Библии; и вполне соответствовало бы богословской моде времени, если бы проповедник мог показать, что владеет каким-либо отдельным разделом Писания — скажем, ветхозаветными пророками или писаниями святого Иоанна. Не знаю, почему нам следует колебаться перед следующим шагом, который, зайдя так далеко, мы логически обязаны сделать: овладеть вестью Библии в целом. Именно за это мы ответственны. Библия — весть мысли и воли любящего и искупающего Бога; и мы обязаны передать её так, чтобы ни её истина, ни её слава не пострадали в наших руках.

14 Разумеется, для решения, как это сделать, нужна мудрость, и для разных людей и разных времён, несомненно, будут разные пути. В прошлом поколении один президент этого колледжа [61] в колледжской часовне проповедовал последовательно обо всех учениях

христианства, беря их одно за другим в систематическом порядке; его книга долго служила образцом проповедникам и в этой стране, и в Великобритании. Он обращался к академической аудитории, и теперь, вероятно, найдётся мало общин, для которых подошёл бы такой курс; хотя я знаю по меньшей мере одного способного молодого служителя в сельском приходе, следовавшего этому методу с самого начала служения. Раз в месяц он произносит проповедь из этого курса; возможно, его люди даже не знают, что он это делает; но он дисциплинирует собственный ум последовательным исследованием христианских учений. И я уверен как в том, что сам он благодаря этому становится сильным человеком, так и в том, что люди его, хотя и бессознательно, получают пользу. В Лютеранской и Епископальной церквах соблюдение христианских праздников даёт возможность регулярно представлять сознанию людей круг великих христианских событий. У нас нет такого руководства; но верный служитель обязан убедиться, что достаточно часто проповедует об основных христианских событиях и учениях и не опускает ни одного существенного элемента христианства. [62]

[15] Нередко служителей призывают стремиться к крайней простоте проповеди. Всё, говорят нам, должно быть сведено к пониманию самого невежественного слушателя и даже детей. Я вовсе не хочу умалять место самых простых в общине; забота об агнцах — одна из лучших черт нынешней Церкви. Этого предмета я касался в прежней лекции, надеюсь, не без сочувствия. Но не требуйте, чтобы мы всегда говорили с детьми или начинающими. Разве Библия всегда проста? Прост ли Иов или Исаия? Просто ли Послание к Римлянам или к Галатам? Этот крик о простоте на три четверти

происходит от умственной лени; и обречена та Церковь, где не дают твёрдой пищи взрослым наряду с молоком младенцам. Мы должны Евангелие не только варвару, но и греку, не только невежде, но и мудрому. [63]

16 Однако я не думаю, что эта сторона проповеди нужна лишь в образованных общинах. Нет большей ошибки, чем предполагать, будто сильная умственная проповедь отгонит простого человека от Церкви. Вы, несомненно, отгоните его, если будете говорить выше его понимания [64] и пользоваться непонятным ему языком. Надо найти его там, где он есть, и либо говорить с ним на его языке, либо постепенно научить своему. Но если в этой мере вы приспособитесь к нему, вы обнаружите, что он внимателен и готов сопровождать вас; обнаружите, что у него есть не только крепкие ноги для восхождения, но даже крылья, чтобы взмывать к высотам истины.

17 Большая трудность лежит в самом проповеднике. В начале служения он может быть обременён сомнениями и далеко не ясен в своей вере. Это действительное препятствие, и первые годы служительской жизни могут стать временем великого замешательства и боли. Подозреваю, нашим общинам нередко приходится немало страдать, пока мы пытаемся проповедью привести самих себя к ясности. Это страдание за другого: ведь они не знают, что нас смущает. Им приходится стоять рядом и смотреть, как их служитель борется с сомнениями. Но если он настоящий человек, ждать стоит. Если это муки рождения мысли и истина лишь сбрасывает традиционную форму, чтобы облечься в его собственную, он будет проповедовать с гораздо большей силой, когда процесс завершится и он сможет говорить с силой личного убеждения.

18 Но, господа, важно позаботиться о том, чтобы начало вашего служения не было окутано туманом лишь потому, что вы никогда всерьёз не изучали христианство. Боюсь, это самый частый источник расплывчатого богословия. В прежней лекции я рекомендовал широкое знакомство с шедеврами литературы; но некоторые способные студенты подменяют этим изучение своей профессии, и это роковая ошибка. Литература должна быть дополнением к профессиональным занятиям, а не заменой. Я наблюдал дальнейший путь не одного студента, пошедшего этой дорогой, и должен сказать, что он не обнадёживает. Запас идей у них быстро иссякает, тон становится светским, и люди неудовлетворённо отворачиваются.

19 Во время учёбы студенту следует основательно освоить хотя бы одну-две великие книги христианских столетий, в которых выдающийся ум представляет христианство как целое. Если позволено упомянуть мой собственный опыт, мне случилось, пожалуй скорее случайно, чем по мудрому выбору, в студенчестве освоить три такие книги. Одной был труд Оуэна о Святом Духе, другой — «Богословие Нового Завета» Вейса, третьей — «Жизнь и послания святого Павла» Конибера и Хаусона. О каждой из них можно сказать, что она по-своему представляет всё христианство; и я выучил их почти наизусть, как учат учебник. Тогда я мало думал о последующей пользе; но могу сказать, что каждая с тех пор была для меня каменоломней, из которой я добывал материал, и, вероятно, едва ли когда-либо я произносил проповедь, не носившую следов их влияния.

20 Есть и другой ценный результат раннего освоения таких книг. Вы заложите основание привычки к тому, что

можно назвать большим чтением: я имею в виду систематическое изучение великих богословских трудов помимо специального чтения для работы каждого воскресенья. Неделю за неделей добросовестному служителю приходится проделывать огромное количество разнородного чтения в комментариях, словарях и тому подобном в связи с готовящимися проповедями; но сверх этого ему следует обогащать глубокие слои своего ума более крупными усилиями на более широких полях. Продолжать это в занятой пастырской жизни далеко не легко; а если основание не заложено во время учёбы, почти невозможно. [65]

[21] Хотелось бы дать ещё один совет: это воспоминание об одной случайной лекции, которую я слушал студентом и из которой извлёк пользу. Наряду с общими богословскими занятиями следует иметь специальность. О служителе и даже о студенте до окончания учёбы должны говорить как о человеке, знающем то или другое. Возможно, лучше всего избрать предмет, который только начинает привлекать внимание, — например, ныне сравнительное религиоведение, христианскую этику или, лучше всего, библейское богословие. Такая специальность, рано избранная, подобна колодцу, вырытому на собственном участке и с каждым годом становящемуся глубже. Все малые потоки и ручьи чтения и опыта находят в него путь; и почти незаметно для себя счастливый владелец приобретает внутри источник, благодаря которому его ум никогда не может иссякнуть.

[22] Разумеется, я не могу попытаться дать здесь даже самый беглый очерк вероучительной системы святого Павла; но в заключение хотел бы отметить две её черты,

поскольку они необходимы для правильного обращения с той стороной проповеди, которой мы сегодня занимались.

23 Мысль святого Павла шла рука об руку с опытом. Его христианство началось с великого переживания, в котором он открыл тайну жизни и обрёл мир с Богом. Он направил ум на размышление об этом, чтобы понять, как это произошло и что в себе заключало; и богословие первой части его апостольства было не чем иным, как результатом этих размышлений под водительством Святого Духа. Однако они, в свою очередь, ещё более приближали его к Богу и теснее соединяли со Христом; так он получал новый, более глубокий опыт, изложением которого вновь становились учения более зрелых лет. Таким образом, его мысль была и опытной, и возрастающей. Если расположить его послания в хронологическом порядке, легко увидеть великолепное развитие его богословия от начала до конца. Правда, он никогда не отказывался от учений ранних лет; между разными частями его писаний нет противоречия; но ни опыт, ни мысль никогда не стояли на месте. Первые учения он делал основанием здания, которое до самого конца жизни поднималось всё выше и выше.

24 Святой Павел глубоко презирал религиозный интеллектуализм, оторванный от опыта; и нельзя отрицать, что именно этот разрыв навлёк презрение на умственную сторону проповеди. Когда учение проповедуется как голая догма, извне наложенная на ум проповедника как готовая форма, неудивительно, что оно сухо и бесплодно. Когда же собственный опыт проповедника растёт и он одно за другим открывает христианские учения как естественное выражение того, что в глубочайшем сознании знает истинным, тогда он

произносит истину с силой. Пожалуй, никогда проповедь не бывает столь живой, как тогда, когда проповедник в течение недели нашёл истину как нечто новое для себя и в воскресенье выходит передать её с радостью открытия.

25 Другая черта, на которую я хочу обратить внимание, — совершенное равновесие у святого Павла между вероучительным и нравственным. Если умственная сторона проповеди подвергалась упрёкам за отсутствие связи с опытом, то не меньше — за отсутствие связи с поведением. Но святой Павел этому упрёку не подлежит. Это ясно уже из внешней формы его писаний. Послание святого Павла делится на две части: первая содержит учения, вторая — практические правила жизни; и нередко обе части примерно равны по объёму.

26 Но связь гораздо теснее. В уме святого Павла все великие учения Евангелия были живыми источниками побуждений к добрым делам; и даже самые малые и обыкновенные обязанности повседневности возвеличивались и освящались связью с событиями спасения. Возьмём один пример. Нет более простой житейской обязанности, чем говорить правду. Как же рассматривает её святой Павел? «Не говорите лжи друг другу, — говорит он, — совлекшись ветхого человека с делами его». Так правдивость вытекает из возрождения. Снова обращаясь к тому же предмету, он говорит: «Не говорите лжи друг другу, потому что мы члены друг другу», — выводя обязанность из единения верующих между собой через общее единение со Христом. [66] Так святой Павел повсюду показывает великие начала в малых обязанностях и запечатлевает самые обычные действия жизни образом и надписью Христа.

27 Такое равновесие между вероучением и нравственностью трудно поддерживать. Редко ум Церкви был способен сохранять его сколько-нибудь долго. Он колебался от одной односторонности к другой: то возвышая учения и пренебрегая обязанностями, то превознося нравственность и умаляя учение. В какую сторону склоняются весы ныне у вас, я не знаю; но у нас, сказал бы я, они движутся от учений к обязанностям.

28 Возможно, в прошлом поколении у нас было слишком много проповеди учения, или, вернее, следует сказать, слишком мало проповеди долга. Молодые проповедники начинают много говорить о более благородном понимании христианской жизни, и существует сильный запрос на практическую проповедь. Несомненно, в этом направлении есть место здоровому развитию. Однако наша страна имеет веские основания отнестись к такому переходу настороженно, потому что пережила страшный опыт последствий проповеди нравственности без вероучения. Сомневаюсь, есть ли во всей истории кафедры документ, более достойный внимания проповедников, чем обращение, которое доктор Чалмерс послал людям своего первого прихода в Килмени, уезжая оттуда в Глазго. Хорошо известно, что в течение семи лет после назначения в этот сельский приход он не знал Евангелия и проповедовал лишь банальности умеренного вероисповедания; но после того, как благодать Божия посетила его сердце, ещё пять лет жил среди людей как истинный посланник Христа, от имени Христова умоляя их примириться с Богом. Вот как он подводит итог двум периодам:

29 «Здесь я не могу не записать результат действительного, хотя и непреднамеренного опыта,

который проводил среди вас более двенадцати лет. Большую часть этого времени я мог пространно говорить о низости нечестности, гнусности лжи, презренных уловках клеветы — словом, обо всех уродствах характера, вызывающих естественное негодование человеческого сердца против вредителей и нарушителей человеческого общества. И вот, если бы силою этих горячих увещаний я сумел заставить вора оставить воровство, злоречивого — осуждение, лжеца — отступления от истины, я ощутил бы полный покой человека, достигшего окончательной цели. Мне никогда не приходило в голову, что всё это могло быть сделано, а душа каждого слушателя всё же оставалась бы в полном отчуждении от Бога; и что, даже если бы я утвердил в сердце вора такое отвращение к низости нечестности, что тот перестал бы красть, его сердце могло бы остаться столь же совершенно необращённым к Богу и столь же вовсе лишённым начала любви к Нему, как прежде. Одним словом, сделав его более честным и достойным человеком, я мог оставить его столь же лишённым сущности религиозного начала, как и раньше. Но примечателен вот какой факт: всё то время, пока я не пытался бороться с естественной враждой ума против Бога; пока не обращал внимания на способ, которым эта вражда разрешается, а именно свободным предложением евангельского спасения с одной стороны и верующим принятием с другой; пока о Христе, через Кровь Которого грешник, по природе стоящий далеко, приближается к оскорблённому им небесному Законодателю, почти никогда не говорилось или говорилось так, что Он лишался всей значимости Своей личности и Своих служений, — даже в это время я, несомненно, настойчиво требовал от моих людей исправления в чести, правде и добросовестности; но ни

разу не слышал, чтобы такие исправления действительно совершились среди них. Если что-либо подобное и происходило, до меня никогда не доходило об этом известий. Я не сознаю, чтобы всё рвение, с которым я внушал добродетели и приличия общественной жизни, имело хоть вес пёрышка для нравственных привычек моих прихожан. И лишь когда я проникся сознанием полного отчуждения сердца во всех желаниях и привязанностях от Бога; лишь когда примирение с Ним стало ясной и главной целью моих служительских усилий; лишь когда я принял библейский способ излагать перед ними путь примирения; лишь когда свободно предлагаемое прощение через Кровь Христову стало настойчиво предлагаться их принятию, а Святой Дух, подаваемый через посредничество Христа всем просящим Его, был представлен как постоянный предмет их упования и молитв; одним словом, лишь когда мысли моих людей обратились к этим великим и существенным началам дела души, заботящейся о своих отношениях с Богом и о своей вечности, — только тогда я стал слышать о тех подчинённых исправлениях, которые прежде делал усердной и ревностной, но, боюсь, вместе с тем окончательной целью своего раннего служения. Вы, слуги, чья безукоризненная верность ныне привлекла внимание ваших господ и вызвала радостное свидетельство, услышанное мною из их уст, — какой вред вы причинили бы, если бы ваше усердие к учениям и таинствам сопровождалось леностью, небрежностью и тем мелким воровством прежних дней, которое при господствующей нравственной распущенности считают допустимым! Но сознание взора Небесного Господина подчинило вас иному влиянию; и, стараясь таким образом во всём украшать учение Бога, Спасителя вашего, вы, как

бы ни были бедны, можете вернуть великих этой земли к признанию веры. По крайней мере меня вы научили, что проповедовать Христа — единственный действенный способ проповедовать нравственность во всех её отраслях; и из ваших скромных хижин я вынес урок, который, молю Бога, мне будет дано перенести во всей его простоте на более широкое поприще и приложить со всей покоряющей силой его действия к голосам более многолюдного населения».

30 Нет ничего, что мне хотелось бы сильнее оставить звучать в ваших ушах, чем это замечательное высказывание моего великого соотечественника. Но я не могу закончить и проститься с вами, не выразив счастья, которое доставили мне недели, проведённые в вашем обществе, и не поблагодарив вас за чрезвычайно ободряющее присутствие, которым вы почтили меня от первого до последнего дня. Перед руководством колледжа, а также многими жителями этого города я должен признать свою обязанность за доброту и любезность в такой мере, какой я никогда не забуду и благодаря которой посещение этой страны навсегда останется одним из приятнейших воспоминаний.

31 Расставаясь, предадим друг друга благодати Божией:

32 О Боже, Отец наш, бесконечная Сила, совершенная Премудрость и бессмертная Любовь, в Твоих руках все наши пути, и успех наших намерений исходит от Тебя одного. Сопроводи Твоим благословением наше общение и труд, который мы ныне завершили. Благослови этот университет — его президента, профессоров и студентов. Да возрастает в нём знание всё более и более, а вместе со знанием — благоговение и любовь. Да исполнятся Твоим Духом особенно те, кто готовится к служению Твоего

Сына, и в своё время да окажутся они верными домостроителями тайн Божиих. Благослови их в учении, в общении друг с другом и в усилиях продвигать Твоё Царство. С любовью вверяем друг друга Тебе; будь нашим Богом и нашим Вождём в жизни и смерти, во времени и вечности. Ради Христа. Аминь.

Приложение. Напутствие при рукоположении

[1] Напутствие при рукоположении. [67]

[2] Мне хотелось бы связать то, что я скажу, с текстом Писания, который вы сможете запомнить как девиз этого события. Возьмём пастырское наставление молодому служителю в 1 Тим. 4:16: «Вникай в себя и в учение; занимайся сим постоянно: ибо, так поступая, и себя спасёшь и слушающих тебя».

[3] Этот текст указывает человеку в вашем положении на три предмета: во-первых, на вас самого; во-вторых, на ваше учение; в-третьих, на слушающих вас.

[4] I. Вникай в себя. — Пожалуй, никакая профессия не испытывает и не раскрывает так полно, как наша, того, что есть в человеке: меру его человечности, вес и качество характера, бедность или богатство ума, холодность или теплоту духовной жизни. Всё это выступает наружу в нашем труде и становится известно общине и обществу, среди которого мы работаем.

[5] Когда человек приходит в какую-либо местность, как вы теперь, он в значительной мере остаётся неизвестной величиной; и весьма трогательно наблюдать преувеличение, с которым на нас обычно смотрят поначалу, приписывая нам некую неопределённую значительность. Но удивительно, как скоро человеку находят меру, как он занимает своё место в обществе и люди узнают, велик он или мелок, мыслитель он или нет, глубоко религиозен или нет. Романтическое очарование проходит, и всё видно при обычном дневном свете.

6 Чем скорее это произойдёт, тем лучше. Подлинному человеку незачем бояться этого. Он есть то, что есть, и ничто иное. Он не может заботой прибавить себе роста хотя бы на один локоть. Всякое преувеличение его образа в чужих умах в действительности не делает его ни на дюйм больше.

7 Мне кажется, у самого корня правильной служительской жизни лежит эта мысль: избавиться от всего похожего на притворство и неправдивость, не желать никакого успеха, на который не имеешь права, и считать возведение на любое место, для которого ты непригоден, чистым несчастьем.

8 Сам человек — то, что он есть, стоя босыми ногами на голой земле, — вот главная забота. Именно в это «себя» вы должны вникать: что вы есть в действительности, во что вы вырастаете, чем ещё можете стать.

9 Этим определяется весь наш труд: дух и сила проповеди, качество оказываемого влияния, характер поведения и общения. Мы не можем подняться выше самих себя, как вода не может подняться выше собственного уровня. Правда, мы часто не вполне проявляем свои достоинства, а иногда кажемся достойнее, чем есть. Но это лишь мгновение; общее впечатление, производимое нами, не допускает ошибки. Наружу должно выйти то, что в нас, и ничто иное. Всё, что мы говорим и делаем, — лишь выражение того, что мы есть.

10 Поэтому очевидно, что нет ничего важнее внимательного надзора за внутренней жизнью, заботы о том, чтобы она была широкой, доброй и духовной и чтобы она возрастала.

11 Однако искушения пренебречь этим, упустить это из виду и обратить внимание в другие стороны страшно сильны. Жизнь служителя очень внешняя: она проходит в ярком свете публичности, постоянно изливается наружу. Мы непрерывно проповедуем, выступаем на собраниях, даём советы наедине, посещаем публичные встречи, отлучаемся из дома, участвуем в церковных советах, принимаем посетителей и заняты всевозможными подробностями. Мы живём во время, когда все заняты, а служители — самые занятые из людей. С понедельника утром до воскресенья вечером суета не прекращается.

12 Наша жизнь рискует сделаться сплошь внешней. Нас призывают высказаться прежде, чем убеждение успеет созреть. Наш дух становится слишком разгорячённым и беспокойным, чтобы на него могла выпасть роса. Мы вынуждены говорить то, что является лишь воспоминанием об убеждении, которое имели когда-то, и повторно пользоваться прошлыми чувствами. Не один день вы будете это ощущать; всем сердцем захотите уйти куда-нибудь в безвестность и получить возможность неделями не открывать рта. Вы поймёте смысл великого для служителей текста: «Пустословие уст ведёт лишь к скудости», — то есть оно обмеляет внутренний дух.

13 Вот с чем нам приходится бороться. Люди, среди которых мы живём, и сотни подробностей нашего призвания, если смогут, совершенно похитят внутреннюю жизнь. А чего тогда стоит внешняя? Ничего. Если внутренняя жизнь истончится и обмелеет, внешняя неизбежно станет формальным исполнением обязанностей. Наша проповедь будет пуста, беседы и общение — бездуховны, необогатительны и безвкусны. Какое-то время мы можем угождать людям, делая всё,

чего они желают, и являясь по каждому зову; но они обратятся против нас с разочарованием и гневом в тот день, когда, живя лишь внешней жизнью, мы станем пустыми, мелкими и бесполезными.

14 Вникай в себя! Если мы станем внутренне сильными и великими, люди наши в своё время пожнут плод: в проповеди будут сок, сила и помазание, а в общении — дыхание иного мира.

15 Мы должны находить время для чтения, учёбы, размышления и молитвы. Следует по меньшей мере настоять на том, чтобы каждый день иметь большой утренний промежуток, скажем до двух часов, свободный от вторжений. Эти тихие часы — наша настоящая жизнь! Именно они делают жизнь служителя великой жизнью. Когда мы затворяемся в одиночестве и после того, как дух умолк и собрался в молитве, ум медленно погружается в сердце текста, словно пчела в цветок, это похоже на небо на земле; словно душа купается в утренней росе. Пыль и раздражение смываются, шумы отступают вдаль; приходит мир; мы движемся в высоте другого мира — мира идей и действительностей; ум радостно восходит от одной высоты к другой; далеко внизу он видит обычный мир, но видит ясно, в истинном значении, размере и отношениях к иным мирам. А затем в воскресенье человек сходит говорить с людьми — спокойный, сильный и ясный, словно Моисей с горы, — и приносит истинную Божественную весть.

16 Так поступая, мой дорогой брат, ты спасёшь себя. Потеряйте внутреннюю жизнь — и вы несомненно потеряете себя, ибо она и есть вы сами. Вам часто придётся говорить людям, что спасение — не один только акт обращения и не один только проход через небесные

врата в конце, но обновление, освящение, возрастание всего характера до большой и соразмерной зрелости. Часто говорите это и себе. Мы принимаем как несомненное, что вы возрождённый человек; иначе сегодня мы не рукоположили бы вас в служители Евангелия. Но человек может быть возрождённым и служителем и всё же оставаться очень мирским, поверхностным, неразвитым и неосвящённым. Мы, ваши братья в служении, могли бы рассказать печальные истории из собственной внутренней жизни, подтверждающие это. Могли бы рассказать, как, охраняя виноградник других, часто пренебрегали собственным; как теперь, после многих лет служительской деятельности и неустанного труда, оглядываемся и с ужасом видим мелкость своих характеров, необогащённость ума, недостаток духовности и христоподобия. О брат, вникай в себя — спасай себя!

17 II. Вникай в учение. — Совсем небольшой опыт проповеди убедит вас, что по отношению к истине, которой вы должны неделю за неделей служить своим людям, вам предстоит соединять два качества: толкователя Писания и пророка.

18 Позвольте сначала сказать о первом. С какими бы возвышенными представлениями человек ни начинал служение, если ему предстоит годами оставаться на одном месте, сохранять свежесть проповеди и созидать общину, произнося такие речи, какие любят слушать шотландцы, он обнаружит, что должен от всего сердца принять роль толкователя Писания и опереться на Библию как на свою великую поддержку.

19 Это ваша работа; Книга сегодня вкладывается вам в руки, чтобы вы раскрывали её содержание своим людям,

всеми возможными путями вводя его в их умы и прилагая ко всем сторонам повседневной жизни.

[20] Это великое дело. Не могу не поздравить вас с сегодняшним рукоположением в служение прежде всего вот с чем: отныне Библия будет постоянно в ваших руках; её изучение станет делом вашей жизни; вы будете непрестанно погружать и омывать ум в её истинах; и вам будет дано удовольствие выносить найденное в ней, чтобы питать умы людей. Именно за это, больше чем за что-либо иное, можно завидовать профессии служителя. Обещаю вам: если будете верны этому труду, Книга с каждым днём будет становиться вам дороже; она обогатит каждую часть вашей природы; вы будете всё глубже убеждаться, что это Слово Божие и что в нём содержится единственное лекарство от человеческих бед.

[21] Но будьте верны ему! Библия станет для вас тем, о чём я сказал, лишь если вы углубитесь в неё. Оставаясь на поверхности, вы от неё устанете. Некоторые служители начинают служение с определённым запасом религиозного учения в уме и затем всю жизнь лишь выбирают тексты и превращают их в сосуды для известной доли этого запаса. Сосуды различаются формой и размером, но все наполнены одним и тем же; и, увы, содержимое это бедно, каким бы ортодоксальным и евангельским ни казалось.

[22] Чтобы стать горячо любимым другом и неиссякаемым источником умственной и духовной радости, Библия должна быть основательно изучена. Мы должны не вливать в неё свои идеи, а прилагать к ней ум и верно принимать производимые ею впечатления. Так человек учится доверять Библии как неисчерпаемому источнику и всем существом опираться на неё. Лишь такая проповедь,

обогащающаяся богатством Библии и получающая из неё свежесть, разнообразие и силу, способна созидать общину и удовлетворять умы по-настоящему живых христиан.

[23] Умственные требования к кафедре быстро растут. Хотелось бы настойчиво обратить ваше внимание на революцию, которая тихо совершается в Шотландии, но получает от очень немногих заслуженное внимание. Я имею в виду перемены, вносимые новой системой народного образования. Никто, кто за последние несколько лет много ездил по этой части острова, не мог не заметить новых внушительных школьных зданий, поднимающихся почти в каждом приходе. Это знаки революции: внутри, в управлении и действенности обучения, тоже произошла огромная перемена. Осмелюсь сказать, что ничто из случившегося в Шотландии за это столетие — и я помню и Билль о реформе, и церковный Разрыв — не окажется более важным. Через короткое время придётся проповедовать гораздо более образованной Шотландии, которая потребует от служителей высокого умственного уровня. Это справедливое требование. Наши люди должны уходить из церкви с чувством, что получили новые и интересные сведения, что их разум озарён свежими и великими идеями и что регулярно слушать своего служителя — значит получать широкое образование.

[24] Ничто не удовлетворит этому требованию, кроме основательного изучения Писания умами, вооружёнными всеми специальными пособиями и обогащаемыми постоянным чтением лучшей литературы как по нашему предмету, так и по смежным. В одном из наших гимнов о Библии сказано: она «свет каждому веку даёт; даёт, но не заимствует». Ничто не может быть менее верным. Библия

заимствует свет у каждого века и каждой области человеческого знания. Особенного внимания достойно всё, что знакомит нас с таинственными глубинами человеческой природы. Библия и человеческая природа взывают друг к другу, как бездна к бездне. Каждое прибавление к нашему знанию о человеке станет новым ключом к тайнам Слова; и чем глубже вы в проповеди проникнете в тайны Слова, тем более тонкие и могучие струны затронете в умах и сердцах слушателей.

25 Но такая подготовка к кафедре нелегка. Она требует времени, победы над собой и тяжёлого труда. Пожалуй, величайшее искушение служителя — лень в занятиях: не в хождении по делам и какой-нибудь деятельности, а в том, чтобы находить драгоценные часы в своей библиотеке и правильно использовать их, избегая мечтательности, лёгкого или бессистемного чтения и крепко держась подготовки к воскресенью. Я, со своей стороны, должен признать, что вёл и до сих пор веду за это страшную борьбу. Ни у кого время не находится в столь полном собственном распоряжении, как у нас. Мне часто хочется, чтобы у нас, как у деловых людей, были установленные часы службы; но и это не исправило бы зла, ибо не каждый человек, запершийся один в кабинете, занимается. Исправить это могут лишь верность долгу и любовь к труду.

26 Вы обнаружите, что необходимо усердно работать со вторника утром до субботы вечером. Если вы будете читать разъяснительные лекции, как, надеюсь, будете, — ибо они гораздо больше, чем составление отдельных проповедей, сближают с Писанием, — вы сразу будете знать предмет и сможете начать чтение о нём. Текст другой проповеди нужно получить самое позднее к

середине недели, а более сложную из двух закончить в пятницу. Это делает неделю трудной, но приносит награду. Мало состояний прекраснее, чем состояние проповедника, когда после тяжёлой рабочей недели, в течение которой его ум неустанно трудился над истиной Божией, а дух возвышался общением с Божественным Духом, он предстаёт в воскресенье перед общиной, зная, что имеет честно добытую весть, которой может щедро одарить её. Точно так же нет труса более жалкого, чем служитель с хоть какой-нибудь совестью, который после праздной и нечестной недели выходит на кафедру обманывать общину пищей из обрывков, приправленной поддельным жаром.

27 Но кроме роли толкователя Писания истинный служитель занимает ещё более высокое положение пророка. Эта община попросила вас стать её духовным блюстителем. Но служитель не является служителем, если приходит на поле труда без гораздо более высокого полномочия: если не послан Богом с вестью в сердце, которую горит желанием излить на людей. Всякий истинный служитель должен быть апостолом, то есть посланным Богом вестником, и пророком, то есть человеком, чьи уста нетерпеливо желают произнести Божественную весть, наполняющую сердце. Надеюсь, у вас есть такая весть, существо которой вы могли бы сейчас, если бы вас попросили, выразить очень немногими словами. Что-то неладно, если из проповеди человека слушатели постепенно не складывают целостного учения — вести, которую могли бы изложить даже самые простые из них.

28 В том, какой должна быть эта весть, Церковь, служителем которой вы сегодня рукоположены,

совершенно не сомневается. Это может быть лишь евангельское учение, как его понимали и излагали величайшие и благочестивейшие умы всех поколений Церкви и как оно с новой силой проповедуется в этой стране с начала нынешнего столетия. Повсюду, где оно верно возвещалось, оно показало себя силой Божией к пробуждению Церкви и обращению душ; и великое доверие оказывается вам сегодня, когда вам поручают быть одним из его глашатаев и хранителей.

29 Не в том смысле, будто мы в этом поколении должны обязаться не проповедовать ничего, кроме проповеданного предыдущим. Это был бы плохой способ следовать по стопам людей, мысливших столь самостоятельно и столь верно исполнивших собственную задачу. Мне кажется, круг тем, вводимых на кафедру, расширяется. Почему бы и нет? Библия гораздо больше и шире всякой школы и всякого поколения; и мы бесстрашно вверим себя ей и пойдём, куда она поведёт, даже если это будет далеко за пределами тем, которыми от нас ожидают ограничиваться. Ваша община поставит одно высказывание рядом с другим; и если вы истинно евангельский человек, нет опасности, что она ошибётся в вашей позиции. Нет проповеди более утомительной и бесполезной, чем тревожное, натужное и формальное повторение самых заметных положений евангельского учения. Единственное лекарство — сохранять тесный контакт и с человеческой природой, и с Библией и быть совершенно верным впечатлениям, которые они производят.

30 Но следите, чтобы ваше учение было таким, которое спасёт слушающих вас. Что есть спасительное учение, в этой стране установлено великим опытом; и сделать его

итогом, существом и самим дыханием жизни всей вашей проповеди — лишь верность истории Шотландии, а также Богу и вашим людям. Наше призвание в самом прямом смысле — «служение примирения, потому что Бог во Христе примирил с Собою мир, не вменяя людям преступлений их, и дал нам слово примирения. Итак, мы — посланники от имени Христова, и как бы Сам Бог увещевает через нас; от имени Христова просим: примиритесь с Богом. Ибо не знавшего греха Он сделал для нас жертвою за грех, чтобы мы в Нём сделались праведными пред Богом». Вот славная весть Евангелия, которая одна способна удовлетворить глубокие духовные нужды людей.

31 Проповедуйте её из живого опыта. Беньян в автобиографии рассказывает о своей проповеди: в первые два года служения он постоянно останавливался на ужасах закона, потому что сам тогда трепетал под ними; следующие два года говорил главным образом о Христе в Его служениях, потому что сам наслаждался утешением этих учений; ещё два года тайна единения со Христом составляла средоточие и его проповеди, и опыта; и так далее. Это представляется мне настоящим образцом истинного служения: всегда проповедовать истину, которую в данный момент переживаешь сам, и потому отдавать её свежей, как только что сделанное открытие; при этом центр тяжести, так сказать, твоего учения постоянно движется, переходя от одного участка области евангельской истины к другому, пока последовательно не пройдёт их все.

32 III. Вникай в слушающих тебя. — Я почти завидую новой радости, которая скоро наполнит ваше сердце, когда вы по-настоящему соединитесь со своей общиной.

Первая любовь служителя к собственному стаду — столь же самобытный и особенный цветок сердца, как любой другой, который можно назвать. А связь, соединяющая его с теми, чьему обращению или восхождению к высшей жизни он послужил, — одна из самых нежных в мире.

33 Вы пришли к сердечным людям, которые будут склонны доброжелательно толковать всё, что вы делаете. Это деятельное общество, ценящее человека, который усердно трудится. Если вы верно делаете своё дело и проповедуете сердцем и умом, они придут вас слушать. Удивительно, как снисходительны наши слушатели. Полагаю, в иные воскресенья вы будете удивляться, что они вообще сидят и слушают вас или, послушав, когда-либо возвращаются. Но если человек по-настоящему верен, его не осуждают за одну слабую проповедь. Честность, основательный труд и хорошая мысль не так часто встречаются в мире, чтобы можно было пренебречь человеком, обычно проявляющим их. Если мы терпим неудачу, то, несомненно, в большинстве случаев виноваты сами.

34 Чем больше мы ставим себя на один уровень с людьми, тем лучше. Мы склоняемся, чтобы победить. Лучше чувствовать, что мы принадлежим общине, чем что она принадлежит нам. Мне нравится думать о служителе как всего лишь об одном из членов общины, отделённом остальными для определённой цели. Община — это некоторое число людей, соединившихся для нравственного и духовного совершенствования. И они говорят одному из своих: «Посмотри, брат, мы заняты повседневными трудами и смущены домашними и мирскими заботами; мы живём в смятении и тьме, но горячо жаждем мира и света, чтобы они ободрили и

озарили нашу жизнь. Мы слышали, что есть страна, где их можно найти, — страна покоя и радости, полная дышащих мыслей и горящих слов; но сами мы не можем туда пойти: слишком запутались в ежедневных заботах. Давай мы изберём тебя и освободим от наших трудов, а ты пойдёшь туда за нас и неделю за неделей будешь торговать с той страной и приносить нам её сокровища и добычу». О, горе тому, кто принимает это избрание и всё же, по лености не совершая благородной торговли, неделю за неделей появляется с пустыми руками или лишь с поддельными сокровищами! Горе ему и тогда, если, отправившись в ту страну, он забывает пославших его и проводит там время, эгоистически наслаждаясь радостями знания! Горе ему, если он не возвращается каждую неделю нагруженным, и всё богаче нагруженным, говоря: «Да, братья, я был в той стране; это страна света, мира и благородства. Но я никогда не забывал вас, ваших нужд и дорогих уз братства; смотрите, я принёс это, и это, и это: возьмите, чтобы порадовать и очистить свою жизнь!»

35 Я считаю одной из главных наград нашей профессии то, что она заставляет нас уважать ближних. Она понуждает постоянно думать даже о самых падших как о бессмертных душах с великолепными неразвитыми возможностями — как о возможных сынах Божиих, братьях Христа и наследниках неба. Некоторых людей профессия непрестанно искушает низко судить о человеческой природе. Мы же вынуждены думать о ней достойно. Не служитель тот, кто не видит чуда в младенце в колыбели, а в крестьянине на поле — связей со всем временем позади и впереди и со всей вечностью вверху и внизу. Не то чтобы мы не видели и изнанки — глубин наряду с высотами. Мы заглядываем в страшный грех

сердца; вынуждены ощущать силу простого инертного сопротивления испорченной природы добрым влияниям; нам приходится, пожалуй как никому другому, чувствовать боль от медленности продвижения добра. И всё же главные пружины нашей деятельности — любовь, неумирающая вера в ценность души и надежда для всех людей.

[36] Ибо цель, к которой мы всегда стремимся, — спасти слушающих нас. Подумайте, что это значит! Какое великолепное дело жизни! Это значит бороться с грехом, разрушать дела дьявола, делать человеческие души кроткими, благородными и богоподобными, содействовать движению мира вперёд, сеять семена будущего, готовить население неба, быть соучастниками страданий и трудов Христа и прославлять Бога.

[37] Это ваше дело; и единственная истинная мера успеха служения — сколько душ вы спасаете, спасаете во всяком смысле: в смысле возрождения, освящения и искупления.

Примечания

1. «Толпа туповатых, самодовольных болванов путает себе мозги на занятиях в колледже; входят телятами, выходят ослами, говоря прямо, а затем надеются взобраться на Парнас силой своего греческого. Дайте мне одну искру природного огня — вот вся учёность, которой я желаю; тогда, пусть я бреду по лужам и грязи, за плугом или телегой, моя муза, хоть и в простой одежде, сможет тронуть сердце». — Бёрнс. ↑

2. «В 1880 году в Соединённых Штатах одна евангелическая церковная организация приходилась на каждые 516 жителей. В Бостоне одна церковь приходится на 1600 жителей; в Чикаго — на 2081; в Нью-Йорке — на 2468; в Сент-Луисе — на 2800». — Преподобный Джосайя Стронг, доктор богословия, «Наша страна». ↑

3. См. предисловие к книге Дума «Богословие пророков» (Die Theologie der Propheten). ↑

4. Чейн, Смит, Делич, фон Орелли, Дильман и др. ↑

5. «После одиннадцати лет деятельной проповеди я провёл пять лет, не менее деятельно слушая. Я внимательно слушал проповедников всех уровней и деноминаций, и некоторые убеждения словно выжглись в моём сознании. Прежде всего я научился верить в огромное значение проповеди — в её воздействие на жизнь и мысли людей, в их потребность в ней, в их боль и потерю, когда она не помогает им и не достигает их. Раньше я думал: если бы она приносила людям пользу, они больше говорили бы о ней. Но они не расточают похвал ежедневному хлебу, хотя он опора их жизни. Если бы служители знали о молчаливой признательности за полезную проповедь, они трудились бы если не усерднее, то по крайней мере радостнее и с большей надеждой… Проповедникам следует помнить, что до большой молчаливой части стада доходит только проповедь, поэтому именно ей, а не маленьким собраниям, следует отдавать силы. Представим обычный случай: в воскресенье утром присутствует 250 человек. Служитель проповедует неважно, но усердно работает в течение недели: в понедельник литературное общество — 15 человек; во вторник библейский класс для девушек — 12; в среду молитвенное собрание — 30; в четверг класс для прислуги — 8; в пятницу детский класс — 15. В совокупности это не более 50 разных людей; остаются 200, достигаемых лишь проповедью и более или менее

неудовлетворённых». — Из находящейся у меня рукописи мудрого человека. ↑

6. «Новозаветная проповедь начинается с дня Пятидесятницы. Огненные языки почили на собравшейся Церкви; и они начали говорить на иных языках, как Дух давал им провещевать. Слово Божие, свидетельство Иисусово, Евангелие нашего спасения, проповедуемое на языках людей всякого племени, должно было стать той формой силы, посредством которой Царство Божие в нашем домостроительстве распространится и восторжествует. Но языки были огненными. Этот огонь прежде всего — Святой Дух, Чьё деятельное, чистое и живое присутствие он обозначает. Далее же указано, что Святой Дух должен явить Себя огнём в человеческой речи. Указано, что человеческие умы, выражающие себя перед собратьями, и человеческая речь в этом выражении способны воспламеняться, чтобы сиять и гореть истиной и силой Духа Божия. Такой род проповеди начался в Пятидесятницу, и им надлежало завоевать мир. Другие формы влияния не исключались, но этой предназначалось первое место. Властное слово, выходящее горящим из живых уст верующего человека, — главная форма, в которой присутствие Духа должно во все времена выступать в Церкви против мира и вести Церковь вперёд в её миссии миру. Это даёт основное понимание нашего труда как проповедников; и больше ничего не нужно, чтобы показать его достоинство и славу». — Ректор Рейни. ↑

7. «Важная часть библейской истории — история призваний». — Декан Чёрч. ↑

8. С сожалением замечаю, что даже г-н Дж. А. Смит, чей комментарий к Исаии отличается не только основательной учёностью, но и тем, что встречается в подобных трудах гораздо реже, — обилием верных и вдохновляющих мыслей, — здесь, следуя дурным примерам, говорит, будто в рассказ о призвании Исаии привнесены идеи, принадлежавшие позднейшему периоду его жизни. Это неверно не только психологически, потому что умаляет прозревающую силу человеческого духа в великие минуты опыта; это, несомненно, совершенно неверно и художественно: если идеи исторически не на месте, сам Исаия должен был чувствовать, что, помещая их туда, разрушает очарование правдоподобия, от которого зависит действие такой картины. ↑

9. Буквальный перевод: «Полнота всего мира — Его слава». ↑

10. При призвании Иеремии рука Божия тоже коснулась его уст. Но смысл, по-видимому, был иной. Он жаловался, что не умеет говорить, что язык его связан. Прикосновение Божественной руки могло означать, что сдерживающая связь снята и открыт свободный путь для произнесения того, что ему надлежало сказать. Однако сопровождавшие прикосновение слова подсказывают несколько иную мысль: «Вот, Я вложил слова Мои в уста твои». Трудность Иеремии была не совсем такой, как у Моисея: тот, жалуясь, что не умеет говорить, имел в виду, что никогда не освоил искусства выражения и не может высказать необходимое, хотя полон содержания. Это естественная трудность пожилого человека, ибо искусство выражаться надо приобретать в молодости. Но трудность молодого человека, подобного Иеремии, не столько в том, чтобы выразить имеющееся, сколько в том, чтобы обрести нечто достойное выражения. Именно на это жаловался Иеремия; и прикосновение к устам означало, что Бог вкладывает в них собственные слова. Это было обещание, что колодец мыслей в его уме не иссякнет, но Бог даст ему такое откровение Своей мысли и воли, которое снабдит его обильной вестью для своего века. Все три случая полны наставления и ободрения. ↑

11. «Пройдя через основополагающие религиозные переживания прощения и очищения, которые во всяком случае являются необходимыми предпосылками жизни с Богом, Исаия был предоставлен самому себе. К нему не обращался прямой призыв, на него не налагалось принуждение; но он услышал голос Бога, вообще спрашивающего о вестниках, и по собственной ответственности ответил на этот вопрос лично за себя. Из Божественных уст он услышал о Божественной нужде в посланниках и тотчас исполнился сознания, что именно он — человек для этой миссии, и сердечной готовности отдать себя ей. Такой великий пример кандидаты на служение в наши дни не могут изучать слишком внимательно. Жертва — не полусонное и не вполне добровольное подчинение силе обстоятельств или мнений, в образе которого её у нас так часто искажают, но решительная самоотдача и добровольное отречение свободной и разумной души. Многие в наши дни ищут непреодолимого понуждения к церковному служению; замечая материальное влечение, по которому люди скатываются в другие профессии, они молятся, чтобы нечто подобное подействовало на них и в этом направлении. Одни переходят к служению под общественным давлением или вследствие мнения своих кругов; другие избирают профессию просто потому, что она лежит на пути наименьшего сопротивления. Из таких ложных начал возникают исчерпанная сила, преждевременные

остановки, застой, бесцельность и бессердечие, которые составляют позор профессионального служения и слабость христианской Церкви в наши дни. Люди, занесённые в служение течением, — а таких, несомненно, много, — становятся просто церковными обломками, неспособными перевезти какую-либо душу через воды этой жизни, не уверенными, что сами куда-нибудь прибудут, и среди всего напрасно растраченного в своём поколении — самым явным и позорным примером. Бог не желает плавника для Своих жертв и людей, плывущих по течению, для Своих служителей. Самопосвящение — начало Его служения, а чувство собственной свободы и ответственности — необходимая часть акта самопосвящения». — Дж. А. Смит, «Исаия». ↑

12. Не знаю, встречал ли я когда-нибудь вполне удовлетворительное изложение того, что составляет призвание к служению. Вероятно, это одна из тех вещей Духа, которые нельзя определить математически. Разнообразие призваний в Писании предостерегает от установления схемы, которой должен соответствовать опыт каждого. То же бывает с началом духовной жизни, где действие Духа Божия также выходит за пределы наших определений. Одни могут вспомнить и описать весь пройденный процесс; другие, столь же несомненно являющие признаки Божественного действия, сравнительно мало могут рассказать о том, как это произошло. Мерило действительности перемены — не возможность сделать из неё хороший рассказ. Однако и в том, и в другом случае добросовестный человек приложит всё усердие, чтобы сделать твёрдым своё звание и избрание. Прекрасные главы об этом можно найти в «Лекциях моим студентам» Сперджена и «Для дела служения» Блейки. ↑

13. «Вам предстоит быть занятыми людьми со множеством отвлечений, не распоряжающимися собственным временем; и всё же, если вы хотите чего-нибудь стоить, одно необходимо обеспечить. У вас должно быть время войти в собственное сердце и побыть в тишине; вы должны научиться собирать себя, быть наедине с собой, наедине со своими мыслями, наедине с вечными действительностями за стремительностью и смятением нравственных вещей, наедине с Богом. Вы должны научиться закрывать дверь перед всей своей энергией, всеми интересами, надеждами, страхами и заботами и в тишине комнаты “владеть своими душами”. Вы должны научиться смотреть глубже поверхности; сеять семя, которого никогда не пожнёте; слышать громкие голоса против себя или соблазняющие голоса и находить в собственном сердце уверенность и силу, делающие их тщетными. Что бы вы ни делали, не расставайтесь с внутренней

священной жизнью души, посредством которой мы внутри живём для “невидимого”, для Христа, истины и бессмертия. Ваш труд, ваша деятельность принадлежат земле; никакой подлинный человеческий интерес, ничто волнующее, привлекающее или тревожащее людей на этой сцене жизни не должно быть для вас слишком велико или слишком мало. Но мысли ваши принадлежат небу; на эту высоту они должны подниматься, там, в одиночестве и молчании, они должны вновь воспламеняться, расширяться и успокаиваться, чтобы даже деятельность и общественное рвение не выродились в роковое забвение истинной цели вашего призвания — забвение бесконечной нежности и тонкости, невыразимой святости и таинственных последствий, присущих служению душам». — Декан Чёрч. ↑

14. «Чтобы слушали с послушанием, жизнь говорящего имеет больший вес, чем сколь угодно величественная речь». — Святой Августин. Оригинал: «Habet autem ut obedienter audiatur quantacunque granditate dictionis majus pondus vita dicentis». ↑

15. Поскольку его уже несколько лет нет в живых, могу без колебаний назвать моего дорогого и почитаемого друга — преподобного Джеймса Блэка из Данникира. ↑

16. Преподобный Дж. А. Смит. ↑

17. Это образы Исаии. ↑

18. Для цели этих лекций не имеет значения, было ли два Исаии или один. Мы стремимся установить главные черты пророков; и если припишем одному человеку качества, распределённые между двумя, это не будет существенно, пока речь идёт о типичных качествах пророка. ↑

19. «Рассказу о Божественном сострадании ещё никогда не верили, если не чувствовали, что уста рассказчика движимы человеческим состраданием». — Джордж Элиот. ↑

20. Не говоря об общественном элементе Его проповеди, заключённом в учении о Царстве Божием. Сравнительное отсутствие патриотического элемента в апостольской проповеди объясняется главным образом тем, что апостолы были миссионерами в городах и странах, где оставались чужеземцами. В некоторых отношениях современные служители постоянных общин больше похожи на пророков, чем на апостолов. ↑

21. Например, во время выборов редко бывает неуместным убеждать людей, что их долг — идти голосовать; но почти всегда будет неблагоразумием указывать с кафедры, за кого им голосовать. Очень часто добрые дела терпят поражение или надолго задерживаются не потому, что избиратели настроены против них, а потому, что множество людей слишком безразлично, чтобы вообще прийти на выборы. ↑

22. «Когда я мысленно возвращаюсь к тому, что мы получили и пожали от этих людей, меня, пожалуй сильнее всего уже названного, поражает, что мы должны благодарить их за страстное искание славного идеала. Такие идеалы, даже недостижимые, возвышают характер людей и народов. Думаю, ещё не нашлось достойного историка, который рассказал бы, как следует, сколь многим Шотландия обязана этому великолепному видению, к которому стремились эти люди: видению освящённой страны святых, управляемой королём завета, верным Христу. Оно парило перед восхищёнными глазами шотландских святых, пока едва не превратило их в провидцев; возвышало их, пока не сделало героями. И хотя перед глазами их детей картина словно поблекла, будто была написана утренним светом на тумане родных пустошей, всё же она сделала своё дело, ибо могуче содействовала воспитанию сердец шотландцев. Но так ли уж она поблекла? Или она лишь перенесена вперёд, как древний иудей научился переносить мессианские надежды вперёд, от одного ожидаемого Христа к другому, ещё лучшему и большему, которому предстоит прийти?» — Дж. Освальд Дайкс, доктор богословия. ↑

23. Раб Господень — пророк; и, пожалуй, в описаниях Его в этом качестве лучше всего видно, как Исаия понимал пророка. См. особенно главу 61:1–3. ↑

24. См. введение Эвальда к «Пророкам». ↑

25. «Отличительное свойство хороших умов — любить в словах истину, а не слова. Ибо какая польза от золотого ключа, если он не может открыть то, что нам нужно? Или чем плох деревянный, если он это может, когда мы ищем лишь, чтобы открылось закрытое? Но поскольку между питающимися и учащимися есть некоторое сходство, из-за привередливости многих следует приправлять даже ту пищу, без которой жить невозможно». — Святой Августин. Оригинал: «Bonorum ingeniorum insignis est indoles, in verbis verum amare, non verba. Quid enim prodest clavis aurea, si aperire quod volumus non potest? Aut quid obest lignea, si hoc potest, quando nihil quærimus, nisi parere quod

clausum est? Sed quoniam inter se habent nonnullam similitudinem vescentes atque discentes, propter fastidia plurimorum etiam ipsa sine quibus vivi non potest alimenta condienda sunt». ↑

26. См. превосходную главу о стиле Исаии в книге Драйвера «Исаия». ↑

27. Та же мысль давно помогает мне и в третьей форме — в следующих строках Платена: «То, что всегда и повсюду оказывается вечно юным, — несвязанный дух в связанных словах». Оригинал: «Was stets und aller Orten / Sich ewig jung erweist / Ist, in gebundenen Worten / Ein ungebundener Geist». ↑

28. «В руку Иезекииля был вложен свиток, исписанный внутри и снаружи плачем, стоном и горем, — объективное откровение, которого он сам не писал; но, прежде чем передать его другим, он должен был съесть его: всё написанное на нём должно было стать частью его самого, войти в его сокровеннейший опыт, быть им переварено и сделаться самой кровью его жизни». — Маркус Додс, доктор богословия. ↑

29. Именно это наш Господь главным образом разумел под «сокровищницей» учителя: «Всякий книжник, наученный Царству Небесному, выносит из сокровищницы своей новое и старое». Как различаются по величине сокровищницы разных проповедников! Достойно внимания, что Спаситель называет проповедников Нового Завета «книжниками». Несмотря на дурные ассоциации этого имени, Он сохранил его, потому что оно подчёркивает: христианский проповедник должен быть исследователем и толкователем Писания. ↑

30. Некоторые проповедники держат Библию с чистыми листами между страницами и записывают на них ссылки на прочитанные места напротив тех текстов, которые они поясняют, — превосходный приём. ↑

31. «Самая сильная часть всех великих проповедей — заключение. От последних двух минут зависит больше, чем от первых десяти». — Из прекрасной небольшой брошюры о проповеди, подписанной «Prediger». ↑

32. Он цитирует Цицерона. «Итак, один красноречивый человек сказал — и сказал верно, — что красноречивому надлежит говорить так, чтобы учить, услаждать и склонять. Затем добавил: учить — дело необходимости, услаждать — приятности, склонять — победы…

Поэтому церковному оратору, когда он убеждает в том, что нужно сделать, следует не только учить, чтобы наставить, и услаждать, чтобы удержать, но также склонять, чтобы победить». — «О христианском учении», IV, 13. Оригинал: «Dixit ergo quidam eloquens, et verum dixit, ita dicere debere eloquentem, ut doceat, ut delectet, ut flectat. Deinde addidit: Docere necessitatis est, delectare suavitatis, flectere victoriae.… Oportet igitur eloquentem ecclesiasticum, quando suadet aliquid quod agendum est, non solum docere ut instruat, et delectare ut teneat, verum etiam flectere ut vincat». ↑

33. Мой уважаемый друг, преподобный Джон Макмиллан из Аллапула, несколько лет назад повторил мне следующий стишок о построении проповеди. Хотя мне никогда не удавалось достичь его мерила, он часто с пользой всплывал передо мной в часы сочинения: «Начни негромко; двигайся медленно; поднимайся выше; зажгись; когда сильнее всего взволнован — владей собой; сочетай с духом форму; сядь среди бури». ↑

34. Напомним, что Джон Брайт во время парламентской сессии регулярно читал вслух одного из поэтов перед самым отходом ко сну. ↑

35. Толук приводит ещё одну вескую причину, почему служителям следует знать лучшую литературу: «Во время, когда Шекспир для многих — больший авторитет, чем Павел, а двустишие Гёте — более сильное подтверждение, чем всё Послание к Римлянам и к Галатам, духовное лицо, желающее воздействовать на свою общину, не вправе оставаться незнакомым с её авторитетами. Здесь, как нигде, действует и слово апостола: всё ваше». Оригинал: «In einer Zeit wo Shakespeare eine stärkere Autorität für Viele ist als Paulus, und ein Distichon G[oe]thes eine kräftigere Belegstelle als der ganze Römer-und Galaterbrief, darf der Geistliche, welcher auf seine Gemeinde würken will, mit ihren Gewährsmänern nicht unbekannt seyn. Wenn irgendwo, so gilt auch hier des Apostels Wort: Alles ist Euer». ↑

36. «Но не только создание проповеди должно совершаться в Святом Духе, но и её произнесение. Невозможно выразить, как различается действие проповеди, которую просто по памяти произносят с кафедры, как бы превосходна она ни была в остальном, и той, которая там рождается во второй раз в живой вере… Проповедь должна быть деянием проповедника в кабинете, должна вновь стать деянием на кафедре; сходя с неё, он должен ощущать материнскую радость, радость матери, с Божиим благословением родившей ребёнка». ↑

37. Адольф Моно, сам выдающийся мастер произнесения, даёт несколько полезных советов в работе «Красноречие кафедры», переведённой и опубликованной в виде статьи в The British and Foreign Evangelical Review за январь 1881 года: «Обычно декламируют слишком быстро, гораздо слишком быстро. Когда человек говорит, мысли и чувства приходят к нему не сразу: они понемногу рождаются в уме. Необходимо, чтобы этот труд и эта медленность проявлялись в произнесении, иначе оно всегда будет отставать от природы. Дайте себе время подумать, почувствовать и позволить мыслям прийти; ускоряйте речь лишь тогда, когда к этому принуждает какое-либо особое соображение»… «Не болтайте на кафедре. Преувеличенная фамильярность была бы ошибкой почти столь же большой, как декламация; она встречается реже, однако обнаруживается у некоторых проповедников, особенно у тех, кто не учился. Тон хорошей беседы, но возвышенный и облагороженный, — таков, по-моему, идеал произнесения с кафедры»… «Чтобы подняться над разговорным тоном, большинство проповедников удаляются от него слишком далеко. Они раздувают речь и декламируют вместо того, чтобы говорить. Но когда входит напыщенность, естественность выходит». По поводу первой выдержки замечу: многие шотландские ораторы терпят неудачу из-за недостатка темпа. Интерес теряется в паузах между предложениями. Медленная речь действенна лишь тогда, когда очевидно рождается мысль, которой слушатели напряжённо ждут. Но самое замечательное в статье — следующая цитата из актёра Тальма: «Мы были риторами, а не персонажами. Сколько академических речей на сцене, как мало простых слов! Но однажды вечером я случайно оказался в гостиной с руководителями партии жирондистов. Их мрачные лица, тревожные взгляды привлекли моё внимание. На них видимыми буквами были написаны сильные, могучие интересы. У этих людей было слишком много сердца, чтобы эгоизм мог запятнать такие интересы; я видел в них явное доказательство опасности, грозившей моей стране. Все пришли за удовольствием — и ни один о нём не думал! Они начали спорить, касались самых волнующих вопросов дня. Это было величественно! Мне казалось, я присутствую на одном из тайных советов римлян. “Римляне должны были говорить вот так, — сказал я себе. — Пусть страна называется Францией или Римом, она пользуется теми же интонациями, говорит тем же языком; следовательно, если здесь передо мной нет декламации, то и там, в древности, её не было; это очевидно!” Эти размышления сделали меня ещё внимательнее. Впечатления, хотя их вызывала беседа, совершенно свободная от напыщенности, углублялись. “Внешнее спокойствие взволнованных людей потрясает душу, — говорил я, — значит, красноречие может

быть сильным и без того, чтобы тело предавалось беспорядочным движениям". Я даже заметил, что речь, произносимая без усилий и крика, делает жест сильнее, а лицо выразительнее. Все эти депутаты, случайно собравшиеся передо мной, кажутся мне гораздо красноречивее в своей простоте, чем на трибуне, где, выставленные напоказ, они думают, что должны произносить речь на манер актёров — и таких актёров, какими мы тогда были, то есть напыщенных декламаторов. С того дня мне блеснул новый свет; я предвидел возрождение моего искусства». ↑

38. Поскольку этот предмет несколько нов, следующий перечень текстов может оказаться полезным; он не претендует на исчерпывающий характер: Ис. 2:6; 28:7; 30:10, 11; 47:13; 56:10–12. Иер. 2:8, 26; 4:9; 5:31; 6:14; 14:13–16; 18:18; 23:9–40 (главное классическое место); 26:8; 27:9, 16; глава 28; 29:8. Иез. 12:24; глава 13 (главное классическое место); 14:9; 20:25; 21:23; 22:25, 28. Мих. 2:11; 3:5, 11. Соф. 3:4. Зах. 10:2; 13:2–4. ↑

39. «Как тот, у кого прекрасно тело и безобразна душа, достойнее сожаления, чем если бы и тело было безобразным, так и красноречиво говорящие ложь достойнее жалости, чем если бы говорили её безобразно». — Святой Августин. Оригинал: «Sicut autem cuius pulchrum corpus et deformis est animus, magis dolendus est, quam si deforme haberet et corpus, ita qui eloquenter ea quæ falsa sunt dicunt, magis miserandi sunt, quam si talia deformiter dicerent». ↑

40. Даже честно приобретённая популярность может стать большой западнёй. Следует признать, что тщеславие, вероятно, самая распространённая слабость духовенства; уступив ему, человек искажает весь свой характер. Мало что бывает трогательнее и поучительнее записей в дневнике доктора Чалмерса, показывающих, как горячо в пору наивысшей популярности он молился против этого как против постоянно осаждавшего его греха. Если бы такое было обычным, к имени популярного проповедника не примешивался бы лёгкий оттенок презрения, который оно теперь имеет в людских устах. Публичность, со всех сторон падающая на кафедру, делает правдивость до самого дна души более необходимой в духовном призвании, чем в любом ином. «Первостепенная добродетель на кафедре — умственная честность. Её отсутствие — тонкий источник нравственного бессилия. Она касается не только грубых противоположностей истины и лжи. Доказательство, не удовлетворяющее логическому чувству проповедника; иллюстрация, не одобряемая его эстетическим вкусом; перспектива учения, неверная для его глубочайшего взора;

употребление заимствованного материала, оскорбляющее его чувство литературной справедливости; эмоциональный накал, преувеличивающий осознаваемую им чувствительность; стремительность речи, опережающая мысль; жесты и взгляды, принятые ради сценического эффекта; причудливое произношение, которого никогда не создавала человеческая природа; даже заранее продуманное и намеченное пожатие плечом — всё это причины ослабления проповедей, в остальном, возможно, хорошо построенных и основательных по содержанию. Они подтачивают личность проповедника и нейтрализуют его притягательность. Они неправдивы, и он это знает. Слушатели могут ничего не знать об этом теоретически, но практически ощущать всю тяжесть их отрицательной силы». — Остин Фелпс, доктор богословия, «Моя записная книжка». ↑

41. «То, что по своей идее является самым божественным из земных занятий, неизбежно стало также профессией, жизненным поприщем со своей рутиной, обыденностью, бедностью и ухудшением мотивов, огрубением чувств. Иначе и быть не может. Это часть условий нашей смертности. Даже серьёзная цель, даже ревностное и трудолюбивое служение сами по себе не могут спасти от пониженного тона и тусклости духа — незаметных, но всеобщих и упорных врагов во всяком деле действительной жизни. А эта оцепенелость, бесчувственность и мёртвость к высокому и великому сильнее всякого другого зла являются естественным врагом всего характерного и существенного в христианском служении: ведь оно либо служение жизни и реальности, либо ничто». — Декан Чёрч. ↑

42. Возможно, это поможет определить время происхождения той части Захарии, к которой принадлежит данный отрывок. Есть ли где-либо ещё доказательство, что столь глубокое падение пророческого служения уже произошло или надвигалось в период, к которому этот текст обычно относят? ↑

43. «Нынешние сибариты терпят проповедь, достаточно изысканную, чтобы льстить их литературной чувственности; но очарован их вкус, а не пробуждена совесть: начало их поведения остаётся нетронутым… Развлечение, наставление и нравственность — разные роды». — Амиель. ↑

44. Лучшее известное мне описание оратора — описание лорда Бэкона в «Открытиях» Бена Джонсона; и очевидно, впечатление производил сам человек, а не манера и даже не содержание: «И всё же в моё время был один благородный оратор, исполненный серьёзности в речи. Его

язык, когда он мог обойтись без шутки или миновать её, был благородно обличителен. Никто не говорил изящнее, сжатее, весомее и не допускал меньше пустоты и праздности в произносимом. Каждая часть его речи состояла из собственных достоинств. Слушатели не могли без потери ни кашлянуть, ни отвести взгляд. Где он говорил, там повелевал; и судьи гневались и радовались по его воле. Никто не держал их чувств в большей власти. Каждый слушавший боялся одного: как бы он не закончил». ↑

45. Меня часто удивляло, как легко жёны служителей находят в этом отношении правильный путь. Можно было бы думать, что выросшим в городах или замкнутом кругу порой очень трудно внезапно приспособиться к отдалённому и неизбранному обществу; к тому же, в отличие от мужей, у них не было возможности долго размышлять об обязанностях общественного положения. Сердечная и приветливая человечность членов семьи служителя оказывает огромную помощь его труду. Служитель не должен принадлежать ни к одному общественному классу, но должен уметь свободно двигаться в каждом. ↑

46. «Нет сердца без своего романа, нет жизни, не скрывающей тайны, которая служит либо её тернием, либо шпорой. Повсюду горе, надежда, комедия, трагедия; даже под окаменением старости, как в искривлённых формах ископаемых, мы можем открыть волнения и муки юности. Эта мысль — волшебная палочка поэтов и проповедников». — Амиель. ↑

47. Это может быть доводом в пользу того, чтобы раз в месяц или в квартал посвящать детям целое богослужение, а не только несколько минут каждое воскресенье. Однако многие придерживаются последнего обычая с прекрасными результатами. Возможно, на каждом богослужении должно быть нечто специально для детей. Если позволено упомянуть собственную практику: на протяжении всего служения я проповедовал детям раз в месяц, а каждое воскресенье включаю детский гимн в утреннюю службу и молитву о детях — в дневную. ↑

48. Самая очаровательная глава «Святого Павла» Адольфа Моно посвящена предмету этих двух абзацев. Её трудно цитировать, потому что хочется привести целиком; но я позволяю себе удовольствие позаимствовать эти золотые слова: «Дело в том, что, несмотря на столько обещаний, данных вере, мы всегда более или менее ослаблены остатком собственной силы, подобно тому как всегда более или менее

смущены остатком собственной праведности, которую даже самые смиренные повсюду влачат с собой. Эта несчастная собственная сила, собственное красноречие, собственная учёность, собственное влияние образуют в нас словно маленькое любимое святилище, которое ревнивая гордость держит закрытым для силы Божией, чтобы сохранить себе последнее убежище. Но если бы мы смогли наконец стать по-настоящему слабыми и совершенно отчаяться в самих себе, сила Божия, разливаясь по всему внутреннему человеку и проникая в самые тайные его складки, наполнила бы нас до всей полноты Божией; и тогда, когда сила человека обменялась бы на силу Бога, для нас не было бы ничего невозможного, потому что для Бога нет ничего невозможного». ↑

49. Стернс, «Свидетельство христианского опыта»; Дейл, «Живой Христос и четыре Евангелия». ↑

50. «Я глубочайшим образом чувствую, что человек во всём прекрасном, великом и добром, что делает или может делать, — лишь орган и проводник чего-то или Кого-то высшего, чем он сам. Это чувство и есть религия. Религиозный человек с трепетом священной радости участвует в явлениях, посредник которых он, но не источник, сцена которых он, но не автор, или, вернее, не поэт. Он предоставляет им голос, руку, волю и помощь, но благоговейно старается устранить себя, чтобы как можно меньше изменить высший труд Гения, на мгновение пользующегося им. Чистое чувство лишает его отдельности и уничтожает в нём “я”. Самость неизбежно должна исчезнуть, когда говорит Святой Дух, когда действует Бог. Таково состояние, в котором пророк слышит призыв, молодая мать ощущает движение ребёнка внутри, проповедник наблюдает слёзы слушателей. Пока мы сознаём себя, мы ограничены, эгоистичны, находимся в рабстве». — Амиель. ↑

51. Как со стороны проповедника воодушевление Христом составляет душу проповеди, так и в духовной общине всегда найдётся ревностное желание слышать именно это начало. ↑

52. См. статью преподобного Джона Кеннеди, доктора богословия, в The Evangelical Magazine за апрель 1891 года. ↑

53. Здесь можно привести несколько заметок, имеющих для меня неоценимую ценность. Большое счастье моего пребывания в Соединённых Штатах под конец было омрачено известием о смерти лучшего моего друга на земле — преподобного Роберта У. Барбура из Бонскида. Знавшим его не потребуется объяснять, почему я вспоминаю о нём именно здесь: хотя он глубоко воспринял дух времени и обладал

редкой любовью к людям, глубочайшим источником той священной расточительности, с которой он отдавал себя и многочисленные таланты всякому доброму делу, была не что иное, как страстная любовь ко Христу, которую я пытаюсь показать в этой лекции. Он горячо интересовался этим курсом и прислал следующие афоризмы о проповеди, предоставляя употребить их по моему усмотрению. Воспроизвожу их целиком, как получил. Возможно, это была самая последняя его литературная работа. Книга и библиотека. Проповедник должен быть господином многих книг и слугой одной. Молитвенная комната и письменный стол. Учись так, словно тебе предстоит проповедовать пятьдесят лет; молись так, словно тебе предстоит проповедовать пять. Божественное и человеческое. Говори так, словно уста принадлежат Богу, но пусть голос будет человеческим. Первые и вторые цели. Все дары — внешность, голос, жест, культура, стиль и так далее — могут стать крыльями, если держать их за спиной; как только они становятся видимы, они превращаются в мёртвый груз. Две тетивы на луке годятся для любых стрел, кроме стрел Царя. Литература, печать, лира, портик должны оставаться на заднем плане за «этим одним». Всё меньше думай обо всём прочем и всё больше — о своей вести. Цели и отсутствие целей. Цельсь во что-нибудь — попадёшь; но также натягивай лук и наудачу. «Исполняй служение твоё». Испробуй каждый метод: запись, чтение, заучивание, развёртывание, импровизацию. Подражай каждому человеку, но никого не передразнивай. Ничто так не создаёт проповедника, как проповедь. «Отчего природа моя принимает цвет того, над чем работает, как рука красильщика?» Форма на кафедре. Уважай слушателей. Не язви против них: лови их на удочку — и подвизайся. Обращайся к одному человеку за раз — прежде всего к человеку на кафедре. Кто сначала попал в себя, не промахнётся мимо других. Кто трепещет перед словом Господа — перед его словом будут трепетать люди. (Заимствовано.) Либо проповедник должен бояться слушателей, либо слушатели его. Дверь Господня. Всегда входи на кафедру через Дверь (Ин. 10:7). Содержание и опущения. Вложи в каждое обращение всё, что можешь. Опусти из каждого обращения всё, что можешь. «Вера от слышания». Поэтому прежде всего будь слышим. Нагорная проповедь начинается так: «Он, отверзши уста Свои» (Мф. 5:2). Время и вечность. Обращайся к мимолётным надеждам и преходящим интересам людей; обращайся также к их сединам и полуночным часам. Последние наставления. Желай пророчествовать (1 Кор. 14:1); ревнуй о пророчестве (там же, 39); не проповедуй, если смеешь молчать (1 Кор. 9:16). ↑

54. О напряжённости, с которой ум святого Павла работал над предметом служения, свидетельствуют число и разнообразие метафор, которыми он его обозначает. Вот замеченные мною, хотя их может быть больше: кормилица (1 Фес. 2:7), отец (1 Кор. 4:15), садовник (1 Кор. 3:6), соработник (1 Кор. 3:9), строитель (1 Кор. 3:10), служитель (1 Кор. 4:1), раб (2 Тим. 2:24), домостроитель (1 Кор. 4:1), посол (Еф. 6:20), воин (1 Тим. 6:12), вестник (1 Тим. 2:7), пастырь (Деян. 20:28), делатель (2 Тим. 2:15), атлет (1 Тим. 4:7), сосуд (2 Тим. 2:21). ↑

55. «Иди туда, где можешь больше сделать для людей, а не туда, где можешь больше получить от людей. Больше заботься о своей способности, чем о возможности, а о хождении с Богом — больше, чем о том и другом. Твоё место там, где ты нужнее всего. Нет места без трудностей: переездом ты можешь сменить их, возможно, умножить; но избежать их не можешь». — Prediger. ↑

56. «Проповедь, которая мало стоила, стоит столько, сколько за неё заплачено. И всё же не измеряй ценность проповеди продолжительностью и тяжестью своего труда». — Дюпанлу. ↑

57. В первое воскресенье в Америке я молился в церквах преподобного доктора У. М. Тейлора и преподобного доктора Джона Холла, которые, полагаю, являются двумя самыми выдающимися служителями Нью-Йорка; и был поражён, услышав, как оба объявили, что на неделе будут посещать определённые улицы. Нигде нет служителей, более погружённых во всевозможные общественные обязанности, чем эти; однако они находят время для регулярных пастырских посещений. Вернувшись домой, я упомянул об этом столь же выдающемуся служителю своей страны. «Да, — сказал он, — когда я приехал в город, пресвитеры моей общины посоветовали мне не заниматься посещениями, и я последовал совету; но это был худший совет, какой я когда-либо получал». ↑

58. Доктор Маркус Додс. ↑

59. «Побуждай других говорить: сказанное тебе человеком влияет на него больше всего, что можешь сказать ему ты. Не столько время болезни, сколько время выздоровления определяет дальнейшую жизнь. Помни это и пользуйся возможностями». — Prediger. ↑

60. «Большая часть Евангелий занята беседами Христа с отдельными людьми. Учение столь поразительное и трудное, как Его, с таким началом притягательности и надежды, естественно собирало вокруг Него многих, стремившихся подробнее узнать, что означает это

Евангелие. Он со Своей стороны столь же горячо желал встречать ищущих, как они — искать Его; и мы видим, что Он тратил на объяснение природы Своего Царства отдельным людям столько же заботы и усилий, сколько при обращении к великим множествам. Аудитория, хотя малая, была подходящей. Более того, мы обнаруживаем, что Он Сам становился на пути отдельных людей». — Николл, «Воплощённый Спаситель». ↑

61. Прежний президент Дуайт. ↑

62. «Великие предметы обеспечивают основательную мысль. Основательная мысль порождает разумный стиль, мускулистый стиль, в некоторых темах — великолепный стиль, а во всех темах — естественный». — Фелпс, «Моя записная книжка». ↑

63. «Мы обязаны Церкви, обязаны времени, в которое Бог призвал нас трудиться, обязаны беспокойным и озадаченным, но часто честным умам, перед которыми совершаем служение, быть духовенством не просто трудолюбивым, но учёным. К великим вопросам, волнующим и тревожащим людей, мы должны приносить знание, дающее право быть выслушанными. “Знай как можно больше” — вот правило, которым образованный священнослужитель должен считать себя связанным навсегда. Священнослужитель до самого конца должен быть учащимся, читателем и мыслителем». — Декан Чёрч. ↑

64. Ричард Бакстер признаётся, что раз в год намеренно проповедовал выше понимания своих людей, чтобы сохранять их смиренными и показывать, что их служитель мог бы делать каждое воскресенье года, если бы пожелал! ↑

65. «Одна фраза Паскаля иногда могла пролить на проповедь больше света и жизни, чем все толкователи её текста со времён Ноя». — Ректор Рейни. ↑

66. Преподобный доктор Хендерсон из Криффа рассказал мне историю, забавно и вместе с тем знаменательно показывающую перемену в религиозном сознании Шотландии в начале нынешнего столетия. Его отец, покойный преподобный доктор Хендерсон из Глазго, вскоре после получения права проповедовать выступал в субботу перед причастием у крайне умеренного служителя величавой и напыщенной школы. «Не знаю, мистер Хендерсон, — сказал тот, — в чём разница между вами, евангеликами, и нами; но, полагаю, в том, что вы проповедуете учения, а мы — обязанности». — «Не знаю, так ли это, — ответил мистер Хендерсон, — мы тоже проповедуем обязанности». — «Ну, например, —

сказал старик, — моя завтрашняя проповедь при причастии будет о лжи; и разделы у меня такие: во-первых, природа лжи; во-вторых, грех лжи; в-третьих, последствия лжи. Что вы могли бы к этому добавить?» — «Я добавил бы две вещи, — ответил мистер Хендерсон: — во-первых, “Не говорите лжи друг другу, совлекшись ветхого человека с делами его”; во-вторых, “Отвергнув ложь, говорите истину каждый ближнему своему, потому что мы члены друг другу”». — «Мистер Хендерсон, превосходные предложения: я добавлю их к своей проповеди!» ↑

67. Произнесено при рукоположении преподобного Уильяма Агню, Галлатаун, Кирколди, 1879 год. ↑

68. Редакционное примечание Life for God к c3-p17. В использованной английской транскрипции стоит “would never fail to be discouraged” — буквально «никогда не преминёт пасть духом». Эта формулировка противоречит следующему утверждению о победоносном исполнении задачи. Русский перевод передаёт предполагаемый смысл: «не ослабеет, не падёт духом». Такое прочтение согласуется с контекстом и отсылкой к Ис. 42:4; оно является интерпретационным исправлением вероятной опечатки, а не подтверждённым вариантом другого издания. Английский текст здесь сохранён без исправления. ↑

LIFE FOR GOD

ХРИСТИАНСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Книги на русском и английском, аудиозаписи, духовные беседы и мастерская проповедника.

Веб-сайт

lifeforgod.church

Нажмите на адрес или отсканируйте QR-код камерой телефона.

Читать эту книгу онлайн